

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ

Москва  
1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ  
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
(ЦЕСЛАВ)

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 15

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ: ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

*Материалы международной научной конференции  
"Россия и славяне XVIII в. – 1918 г."  
(Москва, 25–27 июня 1991 г.)*

Москва  
1992

**Редакционная коллегия:**

В.Н.Виноградов, Е.К.Вяземская,  
Л.В.Кузьмичева, Л.П.Лаптева, И.В.Чуркина

**Ответственный редактор**

Е.К.Вяземская

**Рецензенты:**

доктор исторических наук Л.В.Горина,  
кандидат исторических наук Б.Н.Белунов

ISBN 5-201-00748-1



Институт славяноведения  
и балканистики РАН,  
1992

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Во внешней политике России Балканы занимали важное место на всем протяжении XIX и начала XX в. Это объяснялось многими объективными и субъективными факторами – геополитическим положением России, многовековой борьбой Российской империи с Османской, а также чувствами славянской взаимности, общностью религии и культуры. Русско-турецкие войны, возникавшие на разных этапах борьбы России с Османской империей, объективно способствовали решению важнейшей задачи национально-освободительных движений балканских народов – освобождению от османской власти и созданию Национальных независимых государств. Благодаря своему исключительно важному стратегическому положению Балканы в XIX в. стали ареной жестокого противоборства великих держав за контроль над этим регионом, за усиление здесь своих экономических позиций и политического влияния. Эти столкновения великих держав накладывались и причудливо переплетались с борьбой балканских народов за независимость. Активная политика, проводимая царизмом по отношению к Турции, стремление обеспечить безопасность южных границ государства, необходимость решения вопроса о режиме черноморских проливов и противодействие великих европейских держав усилию влияния России на Балканах – все это заставляло российские правящие круги опираться на поддержку балканских народов.

Важность балканского направления во внешней политике царизма, интерес российской общественности к национально-освободительному движению на Балканах и проблеме проливов стимулировали появление уже в русской дореволюционной историографии большого количества исследований по восточному вопросу и русско-балканским связям. Отечественная историография послевоенного периода также насчитывает значительное количество трудов /монографий, статей/, посвященных балканской политике России<sup>1</sup>. Сравнительно меньшее число исследований рассматривает русско-балканские

связи как бы изнутри, под углом зрения политических и дипломатических контактов самих балканских народов и государств с Россией. Заметное место среди последних занимает серия "Международные отношения на Балканах"<sup>2</sup>. К подобного рода трудам относится и предлагаемый читателю сборник, поскольку в большинстве статей освещаются события во внутривосточной жизни балканских народов во взаимосвязи с внешним фактором – политикой России в балканском регионе.

В данный сборник включены материалы международной научной конференции "Россия и славяне. ХУIII в. – 1918г." /Москва, 25–27 июня 1991 г./, посвященные отдельным аспектам балканской политики России, деятельности российской дипломатии на Балканах. Для отечественного славяноведения и балканистики долгое время было характерно изучение в основном тех периодов и сюжетов в балканской политике России, где она выглядела в благородном свете и могла быть представлена как защитница балканских народов. Часть статей данного сборника освещает малоизученные периоды в истории взаимоотношений России с балканскими государствами – в ХУIII в., в 30-е – 40-е годы, 80-е – 90-е годы XIX в., что представляется важным в связи с вышеупомянутым замечанием. В книгу вошли также материалы по македонскому вопросу, который долгое время обходился у нас молчанием. Некоторые материалы сборника раскрывают специфические черты недостаточно пока изученных в российской историографии русско-греческих, русско-турецких отношений в различные периоды. Большинство статей написано на новых архивных материалах, использование которых стало возможным с изменением в последние годы архивной политики и предоставлением исследователям все более широких возможностей для работы в архивах.

---

I. Вяземская Е.К., Данченко С.И.: Россия и Балканы: Конец ХУIII – 1918 г. Советская послевоенная историография: Обзор. М., 1991.

2. Международные отношения на Балканах. М., 1983, 1986, 1990.

В заключение редколлегия считает необходимым отметить, что высказанные авторами статей положения, оценки, концепции выражают их личные позиции по рассматриваемым ими проблемам.

Научно-техническую работу по подготовке сборника к печати провела М.В.Гурьева.

Редколлегия

И. С. ДОСТЯН

## РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ: ИТОГИ И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Оценка современниками, а позднее историками внешнеполитического прошлого своей страны всегда была очень пристрастной и необъективной. Ярким примером этого могут служить представления современников, а затем концепции историков о российской политике в восточном вопросе — о политике в отношении Османской империи и балканских народов на протяжении конца XIX и в XIX в., о ее целях и результатах как для балканских народов, так и для самой России.

Эти проблемы привлекали внимание не только правительственные кругов, имевших возможность как-то влиять на внешнеполитические акции петербургского двора, но и политически мыслящих представителей интеллигенции, а позднее достаточно широкой общественности. Притом преобладал нравственно-религиозный подход к задачам балканской политики России, основанный на христианских традициях, на представлениях о мессианской роли России как единственной православной великой державы в отношении своих единоверцев, страждущих под игом мусульман. Но эти общие мотивировки порождали очень различный подход к задачам политики в восточном вопросе, к решению балканских проблем в частности. Высказывались идеи об изгнании турок из Европы и разделе их владений между великими державами. Было немало сторонников отказа России от территориальных приобретений в Юго-Восточной Европе и создания там одного или нескольких новых государств. Некоторые панслависты мечтали об основании грандиозной империи, объединяющей славянские и православные народы Балкан и Центральной Европы под эгидой самодержавной России.

Можно считать, что проблемы российской политики в отношении Турции и балканских народов заняли определенное место в общественной мысли XIX в. Эта тема часто фи-

турировала в различных записках, направляемых правительству, в политических трактатах, активно обсуждалась в публицистике.

Научное изучение данной тематики начало выделяться из публицистики примерно с 1860-х годов, но сохранило тесную связь с различными направлениями общественной мысли. Общие идеологические воззрения авторов, их представления о роли России в прошлом, настоящем и будущем Евразии определяли и отношение к российской политике в восточном вопросе. Но при этом серьёзные исследователи достаточно объективно и полно излагали исторические факты, насколько это было возможно в их время – ведь мало кто из историков, занимавшихся внешнеполитической тематикой имел доступ к архивным документам.

Количество книг и статей, прямо или косвенно затрагивающих интересующие нас проблемы, опубликованных во второй половине XIX – начале XX в., велико. Их появление и содержание часто увязывалось с конкретными международными событиями и отражало те или иные направления общественной мысли своего времени. Так, умеренно-либеральный по своим взглядам С.М.Соловьев отрицал в принципе завоевательные поползновения со стороны России в балканской политике, но оправдывал наступательный курс в восточном вопросе и само существование его видел в исконной борьбе между Европой и Азией. Как поборник начал народности он выступал за создание независимых государств на месте европейских владений Османской империи<sup>1</sup>.

С.С.Татищев, профессиональный дипломат, основной темой трудов которого была история внешней политики России, считал, что не следует вмешиваться в европейские дела, а сосредоточить все усилия на борьбе с Османской империей и восстановлении сильно поколебленных позиций России на Балканах. Он резко критиковал курс политики, направленной на поддержание дружественных отношений с Портой, который проводился в 1830-х – 1840-х годах, но обвинял в этом не Николая I, а его дипломатов – в большинстве своем

"иноверцев" и "инородцев"<sup>2</sup>. По своим взглядам Татищев был близок к реакционным панславистам.

Единственный научно значимый целостный обзор политики в восточном вопросе в дореволюционной историографии принадлежал перу С.А.Мигарева, излагавшего тему в достаточно либеральном духе. В отличие от других авторов он придавал большое значение "материальным интересам" как движущему фактору внешнеполитических акций Петербурга. Борьба с распространением "революционной заразы", по мнению Мигарева, заставляла правительство России проводить невыгодный для нее консервативный курс поддержки Турции, в то время как необходимо было добиваться обеспечения свободного прохода через проливы российских торговых и военных судов<sup>3</sup>.

Революционно-демократическая мысль, хотя и не была представлена в научной литературе, в 60-е – 70-е годы выразила свою позицию, резко противостоящую реакционным, особенно панславистским взглядам. Так народники в ходе восточного кризиса 70-х годов считали необходимым разрешить прежде всего социальные проблемы в интересах народа, крестьянства в первую очередь, чему внешняя экспансия и войны лишь мешали<sup>4</sup>.

Можно считать, что дореволюционная русская историография заложила основы научной разработки данной темы и при достаточной точности фактического материала включала различные идеологические установки. При этом в ней практически не ощущалось влияния или грубого противостояния распространенным на Западе представлениям относительно целей и существа российской политики в восточном вопросе. По-видимому, оставались почти неизвестными взгляды по этим вопросам К.Маркса и Ф.Энгельса. Но именно этим взглядам суждено было сыграть важнейшую роль в дальнейшем – в советской историографии.

Концепция основоположников марксизма относительно характера, целей и результатов внешней политики царизма складывалась в тесной связи с борьбой великих держав на

международной арене, в частности на Балканах и Ближнем Востоке. Эта борьба велась не только в дипломатической и военно-политической сферах, но и в идеологической, в публицистике. Антирусская кампания в прессе обычно усиливалась в периоды международных конфликтов и поддерживалась правительствами. Апогеем в этом отношении были годы Крымской войны. Именно тогда начали обличать политику России в восточном вопросе К.Маркс и Ф.Энгельс. Они утверждали, что главной и неизменной целью царизма является овладение Константинополем и проливами, а затем всей Азии-Восточной и Центральной Европой, что в конце концов приведет к порабощению "варварским государством" в результате "панславистского заговора" всей цивилизованной Европы. В период восточного кризиса 70-х годов и после него Маркс и Энгельс резко отрицательно относились к развернувшемуся в это время национально-освободительному движению балканских народов, ибо последние видели в России свою освободительницу и в войнах поддерживали ее, облегчая победу. Поражение же царизма в войне должно было ускорить революционный взрыв в России, в Турции, а затем и во всей Европе. Россия представлялась главным оплотом европейской реакции, главным препятствием для осуществления "великой цели" – пролетарской революции. Поэтому Маркс и Энгельс старались бороться с ней всеми средствами в печати, мало считаясь с реальными фактами, не пытаясь объективно анализировать исторические события, их причины и последствия.<sup>5</sup>

Попытка с марксистских позиций осветить данную проблему была предпринята в начале XX в. профессиональным революционером-большевиком М.Н.Покровским. Как известно, весь исторический процесс, в том числе внешнюю политику, он пытался объяснить экономическими причинами. Исходя из партийных интересов, онставил задачей обличать самодержавный режим, противопоставляя свой оценки утвердившимся в историографии. При описании внешней политики царизма он не следовал концептуальным выводам основоположников

марксизма, но исходил из презумции о ее завоевательной сущности, "империализме". Задачи политики России в восточном вопросе Покровский сводил к экономическим интересам, к поискам внешних рынков, не учитывая идеологических факторов.

После Октябрьской революции, в 20-е - 30-е годы тема российской политики на Балканах не привлекала внимания советских историков. Отчасти это было следствием особенностей международной обстановки того времени, малой роли балканского региона во внешнеполитических интересах СССР. Но положение в этом отношении изменилось на кануне и в годы Отечественной войны.

Можно предположить, что стремление как-то смягчить впечатление советской общественности от заключения пакта Молотов - Риббентроп, от присоединения к СССР Бессарбии, Западной Украины и Западной Белоруссии, прибалтийских государств, а с другой стороны, необходимость противодействовать неслагоприятной интерпретации за рубежом военно-политических акций Кремля, попыткам ассоциировать их с экспансионистской внешней политикой царизма, которая так ярко и непримиримо обличалась когда-то Марксом и Энгельсом, - все это побудило И.В.Сталина перед самым началом войны опубликовать письмо членам Политбюро ЦК ВКП/б/ под названием "О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" <sup>6</sup>".

В этой статье Сталин воспроизводил принятую в марксистской историографии трактовку побудительных причин российской политики /"потребность военно-феодально-купеческой верхушки в выходах к морям, в морских портах, в расширении внешней торговли и владении стратегическими пунктами"/ и указывал на несостоятельность некоторых резко отрицательных характеристик этой политики, данных Энгельсом.

Независимо от того, насколько справедливыми или неосновательными были замечания Сталина на статью Энгельса, они стимулировали тенденцию советской историографии сма-

зывать завоевательный характер российской внешней политики и конкретно политики в отношении Османской империи и балканских народов в XIX-XIX вв. Свою роль в этом сыграло и наступление "холодной войны". Зарубежная публицистика и историография подчеркнуто рассматривали внешнюю политику СССР после второй мировой войны и особенно в отношении славянских и балканских народов как непосредственное продолжение агрессивного курса царизма.

С другой стороны, совместная с Советским Союзом борьба против гитлеровской Германии большинства славянских и балканских народов, а затем создание блока Варшавского договора выдвигало перед идеологическим руководством СССР задачу расширения политических, общественных и культурных связей с народами Юго-Восточной Европы, чьему призваны были способствовать советские историки своими трудами. Тематика связей России с балканскими народами, как бы подводящая фундамент для их сплочения вокруг СССР, приобрела таким образом политическую актуальность, стала привлекать большое внимание историков. Этому способствовало и наличие в советских архивах громадного материала о политике России на Балканах, о народах их населяющих, что представляло большой научный интерес.

Не пытаясь дать критический анализ многочисленных и разных по жанру трудов советских историков, посвященных разнообразным аспектам российской политики в отношении Османской империи и балканских народов в XIX-XIX вв., русско-балканским связям этого времени, отметим лишь главное: за прошедшие десятилетия в научный оборот введено множество новых документов, которые позволили достаточно конкретно, более точно и подробно изучить фактическую сторону указанной проблематики, а выводы и наблюдения подкрепить данными источников. Все это поставило разработку балканской тематики на более высокую ступень. Исследования по отдельным периодам и частным проблемам позволили подготовить и некоторые коллективные обобщающие труды<sup>7</sup>.

Если говорить о характерных для советской историографии недостатках, можно заметить в некоторых из работ тенденцию "обелять" или несколько идеализировать российскую политику, попытки подогнать под нужные или заранее определенные выводы фактический материал. К тому же разрабатывались преимущественно периоды и проблемы, которые давали возможность показать положительные стороны российской политики или русско-балканских связей. Эти недостатки особенно заметны в литературе научно-популярной, посвященной юбилейным датам, например, 100-летию русско-турецкой войны 1878-1879 гг. и освобождению Болгарии.

Выводы большинства советских историков относительно характера, целей и результатов российской политики в отношении Турции и балканских народов по существу не имели ничего общего с концепцией Маркса и Энгельса. Это полностью можно отнести и к работам С.А. Никитина по данной тематике. Просто существовали определенные правила игры, дававшие возможность опубликовать работу или защитить диссертацию: стандартный набор цитат из произведений Маркса и Энгельса служил свидетельством приверженности автора марксистско-ленинской методологии.

В очень краткой формулировке исходные позиции, которым следовало большинство наших авторов, разрабатывавших данную проблематику в течение последних десятилетий, можно свести к следующему. Политика России в восточном вопросе не была лишена экспансиионистской направленности, на ряде этапов имела реакционный характер, но несмотря на все это объективно сыграла положительную роль в истории балканских народов, облегчив и ускорив процесс их освобождения от турецкой власти и создания национальных государств. Без военной и дипломатической поддержки извне этим небольшим, разобщенным, а иногда и враждующим между собой народам гораздо труднее было бы добиться успеха в противоборстве с грандиозной и достаточно сильной в военном отношении империей османов, поддержание целостности которой к тому же большей частью отстаивали запад-

ные державы. Россия, мощная и внешнеполитически активная, была единственной страной, долгосрочные внешнеполитические задачи которой оказались в основном благоприятными для балканских народов.

Но такой общий вывод об объективно прогрессивных результатах политики России в восточном вопросе для народов Юго-Восточной Европы нельзя абсолютизировать, превращать в единственный критерий ее оценки. Ведь на результаты этой политики не могли не влиять общая отсталость и реакционность государственной структуры самодержавной России, скрытые корыстные цели петербургского двора, грубые методы, которыми нередко велись дела царскими дипломатами и пр. Все это наносило ущерб как интересам балканских народов, так и самой России.

Но курс политики Петербурга в восточном вопросе в XIX-XIX вв. не был столь закостенело неизменным и к тому же всегда успешным, как это пытались представить когда-то Маркс и Энгельс. Ве непосредственные цели, ее приемы, менялись, учитывались прежние просчеты и неудачи, а их было немало. Поэтому каждый этап в истории этой политики заслуживает специального анализа и оценки.

Общие же результаты для балканских народов русско-турецких войн, которые велись в течение немногим более чем столетие, были чрезвычайно благотворными: при военной и дипломатической поддержке России на значительной части Балканского полуострова было создано пять национальных государств. Однако за это время Петербург фактически не приблизился к кардинальному решению в свою пользу восточного вопроса – к овладению Константинополем и проливами. Это и не выдвигалось непосредственной задачей русско-турецких войн. Остался нерешенным также вопрос об установлении наиболее благоприятного для торговых и стратегических интересов России режима проливов. Не оправдались и расчеты на закрепление русского политического влияния в новых балканских государствах. Будучи слабо связанными с Россией экономически, тяготясь ее одекой, они большей ча-

стью предпочитали ориентироваться на более развитые западные державы.

Наша историческая наука долгое время обслуживала партию и государство, была очень политизирована. Выражать оригинальные взгляды, выбиваться из круга утвердившихся представлений было крайне затруднительно. Нет сомнения, что революционные перемены в стране создадут более благоприятные условия для исторических исследований, в том числе по рассматриваемой здесь проблематике. Некоторые из перспективных для разработки тем можно наметить уже сейчас.

Имеется возможность анализировать балканскую политику России как комплекс связанных между собой экономических, политических и культурных факторов, роль каждого из них.

Можно попытаться определить соотношение государственных и национальных интересов в задачах и практических акциях российского правительства. Это позволило бы более конкретно представить, чьим интересам отвечало то или иное решение проблемы проливов, высказать мнение насолько осуществление экспансионистских планов в балканском регионе могло содействовать социальному-экономическому прогрессу России.

Серьезного изучения заслуживает круг вопросов, касающихся соотношения и взаимовлияния между официальной политикой на Балканах и Ближнем Востоке и различными направлениями в общественно-политических движениях России – от демократических и революционных до консервативных и панславистских.

Предстоит более детально исследовать влияние российской внешней политики /как войн, так и дипломатии/, а главное – русской общественной мысли и русской культуры на балканские народы, на формирование их самостоятельных государств, на процесс национального и культурного возрождения.

Остается недостаточно изученным отношение европейских

правительств и общественно-политической мысли к политике России в балканском регионе. Большой материал по этой проблеме может дать зарубежная публистика. Ее введение в научный оборот позволит представить не только военно-дипломатическую, но и идеологическую борьбу вокруг восточного вопроса, который являлся важной составной частью международных отношений в Европе XIX-XIX вв.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев С.М. Восточный вопрос // Собр. соч. СПб., 1911; он же. Император Александр I. СПб., 1877.
2. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I СПб., 1887; Он же. Дипломатические беседы о внешней политике России. СПб., 1898.
3. Жигарев С.А. Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Кн. I, 2.
4. См. об этом: Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях: Конец 60-х - начало 80-х годов XIX в. М., 1986.
5. См. об этом подробнее: Достян А.С. Политика царизма в восточном вопросе: верны ли оценки К.Маркса и Ф.Энгельса // Сов. славяноведение. 1991, № 2.
- 6. Большевик. 1941, № 9.
7. Обзор этих трудов дан в книгах: Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981; Вяземская Е.К., Данченко С.Л. Россия и Балканы: Конец XIX в. - 1918 г. Советская послевоенная историография. Обзор. М., 1991.

Н.А.СОТАВОВ

СЛАВЯНСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

. В ЭПОХУ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ II

XVIII в. - переломный в истории Российского государства. Превращение отсталой вотчины российских царей в могущественную мировую державу в период правления Петра I и Екатерины II дают основание связывать "российский феномен" XVIII в. с именами этих выдающихся государственных деятелей - так рассматривали их деятельность многие современники и

и продолжают оценивать исследователи различных стран и направлений<sup>1</sup>. Качественные сдвиги, произошедшие во внутренней и международной жизни России в эпоху Петра I и Екатерины II, убедительно свидетельствуют в пользу такого вывода.

XVIII в. стал переломным не только в судьбе Российской империи, но и в истории освободительной борьбы славянских народов. Территориальное расширение Российского Государства, продвижение и выход к Черному морю, освоение громадных причерноморских степей, поражение османов в русско-турецких войнах /1735-1739, 1768-1774, 1787-1791 гг./, их территориальные потери в Европе и на Кавказе воспринимались угнетенными славянскими народами как факторы, способствующие освобождению от османского ига в результате усиления активности и эффективности внешнеполитического курса российского самодержавия.

Одним из приоритетных направлений внешней политики России в эпоху Петра I /1682-1725/ и Екатерины II /1762-1796/ стала восточная политика. Славянский мир, интегрированный в сложные процессы, происходившие между Западом и Востоком, играл важную роль в формировании и реализации этой политики. На успешный исход или неудачу восточных замыслов Петербурга, осуществляемых с учетом славянского фактора, оказывали влияние европейские /Англия, Франция, Швеция, Пруссия, Польша/ и восточные державы /Османская империя, Иран/, опасавшиеся роста могущества и влияния России как на Западе, так и на Востоке.

Восточная проблема в европейской политике имела глубокие исторические корни. Массовые миграции населения с Запада на Восток по древнему пути "из варяг в греки", походы киевских князей на Константинополь и крестоносцев на Ближний Восток – важные вехи установления всевозможных контактов между великими цивилизациями, отдельные звенья завоевательных устремлений европейских монархов в этом направлении.

Однако с конца XV в. события принимают иной оборот –

наступает полоса завоевания османами Юго-Восточной Европы и славянских земель. После падения Константинополя в 1453 г. они овладели Балканским полуостровом, Малой Азией, Северной Аравией, Египтом, Триполитанией, Тунисом и Алжиром. В руках Османской империи оказались проливы Босфор и Дарданеллы, Черное и Средиземное моря, традиционные торговые пути между Европой и Азией.

С тех пор важное место во внешней политике России заняла славянская проблема. Многие славянские народы, населявшие Балканы, Причерноморье и южные степные просторы, оказались в составе Османской империи. Сухопутный путь из Москвы на Балканский полуостров и в Крым лежал через славянские земли. Обратным путем из балканских стран в Россию была дорога через Молдавию и Валахию, где проживало православное население.

Несмотря на османское иго, жители юнославянских земель не порывали экономических, политических и культурных взаимоотношений с Россией, надеясь с ее помощью избавиться от иноземного гнета. Подчеркивая национальную, языковую и религиозную общность славянских народов этих областей с русским народом и их ненависть к османским угнетателям, русский дипломат И. Возницын весной 1700 г. доносил из Стамбула: "Если б дойти до Дуная, не только тысячи — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры и все миру /с османами.— Н.С./ не желают"<sup>2</sup>. Таким образом внешняя политика России в славянских землях оказалась тесно связанной с ее восточной и европейской политикой.

Значение славянских аспектов во внешней политике России проявилось более эффективно в деятельности Петра I и Екатерины II при решении балтийской, польской и черноморской проблем. Взаимосвязь балтийской и польской проблем наглядно продемонстрировали антироссийские замыслы Швеции и Польши в ходе Северной войны /1700–1721 гг./, направленные на подстрекательство Лорты на войну с Россией после полтавской катастрофы Карла XII. Подтверждение тому — обращение Карла XII и его креатуры на польский престол

Станислава Лещинского к султану Ахмеду II с предложением признать суверенитет Порты над Речью Посполитой, если султан выделит шведскому королю 80-тысячный турецкий корпус и 40-тысячную крымскую конницу, чтобы нанести России такой удар, "от которого она и в 50 лет не оправится"<sup>3</sup>. Несмотря на обреченность этой идеи, ослепленный ненавистью против России, Карл XII продолжал заверять султана, что "в сопровождении вашей конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии, чтобы положить предел честолюбию и властолюбию царя"<sup>4</sup>.

На протяжении XVIII в. главным содержанием восточной политики России, в которую в период русско-турецких войн органически вплетались славянские аспекты, оставались: "балканский вопрос, проблема черноморских проливов, покровительство России православным подданным султана как элемент политического давления на Порту, собственно русско-турецкие отношения"<sup>5</sup>. Обращения Петра I к балканским и южнославянским народам накануне Прутского похода – наглядное тому подтверждение.

Грамоты царя с призывом к свержению османского ига и обещанием помочи со стороны России были отправлены в Сербию, Черногорию, Македонию, Боснию, Герцеговину, Албанию и Болгарию. Так, в грамоте черногорскому народу от 3 марта 1711 г., предлагая объединиться с русскими силами, Петр I призывал черногорцев "воевать за веру и отечество, за честь и славу... за свободу и вольность" свою и своих потомков<sup>6</sup>. Аналогичным было и содержание обращений<sup>7</sup> к другим народам региона.

Обращения вызывали энтузиазм у угнетенных народов Османской империи. Посланный в Македонию весной 1711 г. сербский полковник М. Милорадович доносил в Петербург: "Христиане, прочтя грамоты, сильно обрадовались, и начали все единодушно за веру и отечество кровь проливать; и те, которые получали жалованье от венецианцев и турок, бросили это жалованье, соединились со своими и стали воевать, как при древних сербских царях и королях. Все эти воины

добрьи, только убогие, пушек и прочих военных припасов не имеют"?.

Для взаимодействия с сербами и черногорцами Петр I подписал специальные соглашения с их представителями, предусматривающие оказание помощи русским войскам 20-тысячным корпусом, предоставление продуктов для их пропитания и разведывательных данных о планах турецкого командования. Выполняя эти условия, они организовали восстание против османов и австрийцев, в котором, по их данным, участвовало до 30 тыс. человек<sup>8</sup>.

Важное значение царь придавал и антиосманским выступлениям молдаван и валахов Дунайских княжеств, открывавших путь на Балканы. Для привлечения их на свою сторону в 1709 и в 1711 г. Петр I заключил договоры с господарем Валахии К.Брынковяну и господарем Молдавии Д.Кантемиром, согласно которым они обязывались перейти на сторону России, представить ей в помощь 30-тысячный корпус, организовать восстания сербов и болгар, снабжать русскую армию продовольствием и т.п.

30 июня 1711 г. русские войска вступили в Молдавию и начали быстро продвигаться к Дунаю. Обстоятельства, однако, сложились неблагоприятно для Петра I. Порта успела сосредоточить на Дунае крупные силы. Валашский господарь Брынковяну изменил данному России обещанию и передал прошант для снабжения армии Балтаджи Мехмед-паши. Австрия не позволила перейти Дунай 20-тысячному сербскому войску, спешившему на соединение с русскими войсками. 40-тысячная русская армия и молдавские отряды оказались окружеными 200-тысячной турецкой армией. Мир был куплен дорогой ценой.

Несмотря на поражение, Петр I не оставил в беде своего союзника – молдавского господаря Кантемира. На требование Порты выдать перешедшего на русскую службу князя Кантемира, царь ответил словами, характеризующими его твердую и принципиальную позицию: "Я уступлю лучше несколько из своих областей, ибо у меня останется еще надежда сно-

ва приобрести их; но измена моему слову невозвратима; я не могу его нарушить: единственная наша собственность есть честь; отказаться от оной - значит перестать быть Государем"<sup>9</sup>.

Неудачный Прутский поход не мог повлиять на дальнейшие военные и дипломатические успехи России, так как стратегического значения он не имел. Славянские народы, по словам Энгельса, продолжали видеть в лице России "свою единственную опору, свою освободительницу, своего месисю"<sup>10</sup>. По справедливому замечанию А.М.Панченко, "Северная война, поражение и упадок Швеции ... появление Петербурга - все это заставило узнать славян и задуматься о них. Так начался диалог славянства и Запада, и к екатерининским временам он приобрел отчетливые формы"<sup>11</sup>.

Восточная политика России в период правления Екатерины II определялась теми же задачами, которые выдвинул и пытался решить Петр I: обеспечение выхода к южным морям и устранение опасности своим границам со стороны Османской империи и Крымского ханства. В территориальном отношении важными звеньями этой политики оставались Босфор и Дарданеллы, Балканы, Кавказ, Крым и Дунайские княжества - Молдавия и Валахия<sup>12</sup>.

Решение этих задач требовало по-прежнему учета славянского фактора. Выход к южным морям диктовался потребностями экономического развития страны, в том числе южнославянских земель, для которых Черное море и Каспий являлись естественным продолжением кратчайших путей в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток<sup>13</sup>.

Первые попытки усилить славянский фактор в восточной политике России после смерти Петра I были предприняты его дочерью императрицей Елизаветой Петровной /1741-1761/. В 50-х годах переселившимся из Австрии сербам были отведены плодородные земли между р. Синюхой, впадающей в Буг, и Днепром, названные новой Сербией, и между Донцом и Луганью, названные Славяно-Сербией<sup>14</sup>. Один из вождей сербов полковник Хорватъ начал строительство на р. Йнгул крепос-

ти Святой Елизаветы. Несмотря на протесты Порты, подстремляемой западными державами, на этих землях продолжалось строительство и других крепостей – Святой Анны и Святого Димитрия. Для усиления российских позиций Запорожская Сечь в 1758 г. была перенесена на 15 верст выше по течению Днепра. Во второй половине XVIII в. началось строительство мощной стратегической Кавказской линии от Кизляра до Азовского моря на протяжении 200 верст с крепостями Кизляр, Моздок, Георгиевская, Екатериноград, Ставрополь и рядом укреплений на Тerekе и Кубани<sup>15</sup>.

Свидетельством возросшей роли славянских аспектов в восточной политике России в екатерининский период стали конкретные шаги, направленные на использование территории и людских ресурсов, включающих славянский этнос, накануне и в ходе русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Так, по планам русского командования, составленным до начала первой из них, под начальством генералов И.Ф. де Медема и Г.Тотлебена предполагалось набрать в южных областях России 40-тысячное ополчение, с которым "они должны были поднимать против турок кавказские племена и поддерживать возстающих"<sup>16</sup>. Более конкретную роль предстояло сыграть Манифесту Екатерины II, Изданному 19 января 1769 г., в котором подчеркивалось, что "все, кто поднимется против турок, обнадеживаются всякою защитою, заступничеством и наградами"<sup>17</sup>.

Победа России над Турцией в этих войнах, закрепленная Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. и Яссским миром 1791 г., имела огромное значение для славянских народов. Право выступать в защиту православного населения Османской империи, полученное правительством Екатерины II по Кючук-Кайнарджийскому договору, способствовало активизации ее политики в славянском мире. В то же время позиция славянских народов в международных отношениях екатерининского времени имела для России немаловажное значение: освободительные выступления этих народов стали важным фактором в ее военных конфликтах с Османской империей.

Войны России с Турцией второй половины XVIII в. положили конец грабительским набегам османских и крымских феодалов на украинские и русские земли. Поражения османов в этих войнах ослабили их господство над христианскими народами, способствовали усилению национально-освободительной борьбы этих народов. По Искому миру 1791 г. Россия получила территорию в междуречье Буга и Днестра, добилась признания присоединения Крыма к своим владениям, что означало решение черноморской проблемы. Славянские аспекты восточной политики России оказались составной частью внешнеполитического курса российского самодержавия. На протяжении XVIII в. политика российских правителей в славянском вопросе прикрывалась освободительной миссией, хотя стратегические цели царизма в этом регионе были захватническими.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. УП. Т. I4. М., 1982. С. 604; Кн. УШ. Т. I7. М., 1963. С. 320, 322; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II /1762-1774/. СПб., 1896. С. 322-324; Балканские исследования. Вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII - начале XIX в. Документы и материалы. М., 1982. С. 3, 7-9; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 402, 405; Letin A. Russia in the Eighteenth Century: From Peter the Great to Catherine the Great. London, 1973. Р. 12, 93; Shaw St.J, Shaw E.K. History of the Empire and Modern Turkey. Fol. I Cambridge, 1976, p.229, 250, 258 и др.

2. Цит. по: Соловьев С.М. История России. Кн. УП. Т. I4. С. 606.

3. Смирнов Н.А. Борьба русского и украинского народов против агрессии сultанской Турции в XVII-XVIII вв. // Воссоединение Украины с Россией: 1654-1954. М., 1954. С. 377.

4. Цит. по: Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. С. 271-272.

5. Восточный вопрос во внешней политике России /конец XVIII - начало XX в./. М., 1978. С. 5.

6. См.: Политические и культурные взаимоотношения России с юго-славянскими землями в XVIII в.: документы. М.,

1984. С. 30.

7. Цит. по: Н.Д. Войны России с Турцией. I. /Краткий военно-политический очерк/. Б. м. и б. г. С. 12.

8. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. С. 282.

9. Цит. по: Кессельброннер Г. Россия глазами иностранцев // Книжное обозрение. № 22. 1991. С. 10.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 32.

II. Цит. по: Панченко А.Л. Петр I и славянская идея // Русская литература. 1988. № 3. С. 151.

12. Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России /1774-1806/. Кишинев, 1975. С. 5.

13. Соловьев Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991. С. 176.

14. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 98, 99, 194.

15. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1985. С. 59.

16. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 322.

17. Там же. С. 324.

А.С.МЫЛЬНИКОВ

### ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДЕМАРШ РОССИИ В ЗАЩИТУ ЧЕРНОГОРИИ: ЗАБЫТЫЙ ЭПИЗОД ИЗ 1762 г.

Все, кому довелось общаться с Сергеем Александровичем Никитиным, слушать его доклады на научных сессиях, наконец, читать его работы, знают, сколь большое внимание он неизменно уделял источниковой базе исследования. Об этом он не уставал повторять и нам, участникам симпозиумов по истории общественных движений и культуры славянских народов эпохи формирования наций, которые стали регулярно проводиться с начала 1960-х годов Институтом славяноведения. Рассматривая, например, изменения в численности и составе населения Болгарии периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг. / текст доклада был затем опубликован/, С.А.Никитин подчеркивал: "Все эти процессы до настоящего времени мало разъяснены, причиной чему, как представляется, была недостаточная разработка архивных источников".

Здесь важно отметить существенную деталь методики источниковедения С.А.Никитина: не полагаться полностью на публикацию, но, если это возможно, обращаться к архивному оригиналу, проводя при этом дополнительные разыскания. Плодотворность такого подхода /"источник – публикация – источник"/ полностью подтвердилась в нашем случае. Речь же идет об одном документе, выявленном нами в АВЛР в начале 1970-х годов и представлявшем собой донесение черногорских митрополитов Саввы и Василия Петровичей от 6 апреля 1762 г., направленное в Синод с просьбой защитить от промыслов Венецианской республики<sup>2</sup>.

Видя в единоверной и этнически родственной России естественного защитника, черногорские митрополиты просили о поддержке против вмешательства Венеции в дела местной православной церкви и упорных попыток натравить султанские войска на Черногорию, основная территория которой была в зоне османского владычества, а прибрежные ее части – под властью Республики св. Марка и Австрийской монархии.

"Ныне, – писали митрополиты, – вздумали венецианцы и начали российским на славенски церковные книги печатит униятски, чтобы российского имени не было славенском здешнем народе, черногорском и делматинском, сербском и болгарском и харвацком. А как оныя республика Венецианская ощутила преосвященного Симеона Кончаревича с рекомендациею високославнаго всероссийского императорскаго двора к оной республики на его епархию Далмацию, ухитрила республика лукавство зделат"<sup>3</sup>.

В этом документе, опубликованном позднее и независимо от нас, важно даже не столько его содержание, сколько адресат: ведь в те месяцы, к которым появление документа относились, российским императором был Петр III, взаимоотношения которого со Священным Синодом в Петербурге были крайне напряженными, а со стороны Синода – все более враждебными. До сих пор в нашей официальной историографии отсутствует ясность по поводу оценки Петра Федоровича, а

тем более существования у него какого-либо интереса к славянским аспектам внешней политики России. Надо заметить, что разного рода недоброжелательные слухи на этот счет циркулировали и тогда, когда Петр III вступил на российский престол. Не исключено, что отголоски таких слухов могли дойти и до черногорских митрополитов, естественно, заинтересованных в получении поддержки от России.

Во всяком случае, вступительные слова их донесения имели не просто традиционно-комплиментарный характер, а, возможно, заключали в себе нечто большее. "Чувствуя мы показание нам и всему черногорскому народу вечно високославного монарха государя императора Петра Великаго и его дщери високославние великия государыни императрицы Елизавете Петровне, ея же представление от земнаго царствия в небесное царство к високославним родителем возшедшу, и е.и.в. на престол возшествие великаго и нашего милостиаго государя Петра Федоровича, законнаго наследника, уведомясь имеем от сердца високое благополучие к е.и.в. стоим припасть и чрез вашего святейшства надлежащие нужди наше всепокорнейше представить, которые от зависти к високославной России империи от Республики Венецианской происходят, дабы нас, обоих архиереев, здешним нашим православным народом от високославного всероссийского правительства отлучить и российское имя от здешняго православнаго и волнаго народа истребит", — писали Савва и Василий. И сразу же — вполне конкретные военно-политические резоны: "И прежде окушились и подкупили турецку войску 56-го года на Черную Гору, чтобы с одни стороны турки, а з другое — венецианци нацали, обаче с божескою помощью и покровителством високославного российского скипетра не успели ничто же"<sup>4</sup>. Авторы послания просили Синод "письменно учинить" от имени Петра III "представление оной Венецианской Республики, да престанут от онаго тиранства к православним архиереям и народу черногорскому"<sup>5</sup>.

Разумеется, документ чрезвычайно интересен, и в истории давних контактов между русским и черногорским народами

достоин занять полагающееся ему место. Но еще более интересна последовавшая на него реакция из Санкт-Петербурга, причем от имени императора, которого, с легкой /или: тяжелой?/ руки Екатерины принято считать чуть ли не предателем национальных интересов России<sup>6</sup>.

Итак, дальнейшая судьба представления черногорских митрополитов. В цитированном документе по его публикации приведена помета: "Докладывано ноября I-го 1762 г.", т.е. уже во время правления Екатерины II. Из столь скромной записи трудно понять, что и как "докладывано", какой была реакция императрицы на черногорскую просьбу, получила ли она со стороны России поддержку? Вопросы тем более закономерные, что ответ, причем скорый и положительный, был дан намного ранее и, что особенно существенно, согласно личному распоряжению Петра Федоровича. Сведения на этот счет были нами обнаружены в донесении русского посланника в Вене, кн. Д.М. Голицына от 23 июля 1762 г.

Деликатно именуя свергнутого Екатериной супруга "прежним правлением", Голицын докладывал императрице, что именным реескриптом 30 мая ему повелевалось вручить венецианскому посланнику в Вене "промеморию по причине претерпеваемых греческого исповедания народом великих от римского священства обид и притеснений". В том же донесении сообщалось и о реакции венецианской стороны на решительный демарш Петра II: "... в рассуждении заступления Российско-императорского двора" власти Венецианской республики "вновь отправили указы с повелением, дабы впредь ни малейшие обиды и притеснения чинены не были"<sup>7</sup>.

Получается, что черногорцы узнали о шагах, предпринятых Россией в их поддержку раньше, чем это стало известно Екатерине. Понятно, почему ноябрьская помета "докладывано" столь лаконична: к тому времени дело было окончено, задним числом Екатерина о нем узнала еще летом 1762 г. и какие-либо меры с ее стороны уже не требовались. Вместе с тем слухи о поддержке Черногории российским императором уже распространились среди народа и в немалой мере способствовали упрочению позиций Степана Малого, выдававшего се-

бя именно за русского царя Петра III, "человека из царства Московского"<sup>8</sup>.

Подчеркнем еще раз необычайно оперативную реакцию Петра III на донесение Саввы и Василия: оно датировано 6 апреля, а реескрипт о дипломатическом демарше в пользу Черногории 30 мая. Следовательно, между обоими документами временной интервал составлял всего 55 дней. Ничтожно малый срок, принимая во внимание отдаленность расстояния между Черногорией и Петербургом, затрудненность сообщений между ними, не говоря уже о медлительности делопроизводства в высших бюрократических инстанциях Российской империи. Спешность и решительность действий русского правительства можно объяснить лишь пониманием значимости вопроса в общем контексте российско-черногорских государственных отношениях, начало которому положил Петр Великий, пользовавшийся авторитетом у южных славян. А ведь Петр III неоднократно заявлял о себе, как о продолжателе дел своего деда!

Но приведенный документ любопытен и в другом отношении: он заставляет задуматься над возможными намерениями правительства Петра Федоровича в так называемом восточном вопросе. Конечно, здесь возможны лишь гипотетические суждения, ибо "прежнее правление" было недолгим, продолжавшимся лишь 186 дней. Все же, существование подобных намерений правдоподобно. Сошлемся хотя бы на Указ о коммерции, подготовленный тайным секретарем императора Д.В.Волковым и подписанный 28 марта<sup>9</sup>. В нем, в частности, можно прочитать следующие строки: "Нет государства в свете, положение которого могло бы удобнейшим образом быть к произведению коммерции, как нашего в Европе". И далее: "В самый Египет и Африку по Черному морю, хотя еще неотворенная, но дорога есть". Как красноречиво это слово "еще"! И мысль о необходимости "отворить" Черное море для взаимовыгодной торговли и общения с остальным миром.

Депеша Голицына из Вены это не просто дополнение к публикации обращения Саввы и Василия Петровичей. Это еще одно подтверждение того, что обращение к архивам, выявле-

ние источников, сопутствующих основному документу, помогает не только пополнить знание фактов, но и способствует преодолению стереотипов, навязанных односторонним отношением нескольких поколений исследователей к той истории, которая состоялась, а не была ими предвзято истолкована или выдумана.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никитин С.А. Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города // Славянское возрождение, Сб. ст. и матер. М., 1966. С. 83.
2. АВПР. Ф. Сношения России с Черногорией, I762 г. № 13. Л. II-12.
3. Политические и культурные отношения России с югославскими землями в ХУШ в.: Документы. М. 1984. С. 262.
4. Там же. С. 262.
5. Там же. С. 263.
6. Подробнее см.: Мыльников А.С. Искушение чудом: "Русский принц", его прототипы и двойники-самозванцы. Л. 1991. С. 16-32.
7. АВПР. Ф. Сношения России с Черногорией, I762 г. № 398. Л. 23-23об.
8. Мыльников А.С. Легенда о русском принце: Русско-славянские связи ХУШ в. в мире народной культуры. Л., 1987. С. 34-61.
9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Чвертая серия. СПб., 1830. Т. I5. № II43I.

Н.А.ЛУЧИНИНА

#### ДУБРОВНИЦКАЯ РЕСПУБЛИКА И РОССИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ ХУШ в.

Изучение истории двусторонних отношений Дубровницкой республики /Рагузы - лат./ и России позволяет оценить их как особое направление югославянской политики России последней трети ХУШ в. Это связано с тем, что Дубровницкая республика являлась уникальным для ХУШ в. государственным

образованием на Балканах. Это была городская аристократическая республика, вся полнота власти в которой принадлежала патрициату – узкому замкнутому сословию. Вторым существенным отличием Дубровника от окружавших его югославянских территорий была его фактическая государственная самостоятельность, независимость в решении внутренних и внешнеполитических вопросов. Третья особенность – господство католической религии, причем господство абсолютное: по древней традиции православным запрещалось даже проживание в городе. Это своеобразие Дубровника коренным образом отличало его от других югославянских территорий и накладывало отпечаток на все стороны его жизни, оказало решающее влияние на формирование внешнеполитических принципов Дубровницкой республики, главным среди которых стал принцип нейтралитета в военных и политических столкновениях европейских государств с Османской империей. Политика нейтралитета поставила Дубровницкую республику в положение своего рода буфера между христианским и мусульманским миром и позволила республике избежать втягивания ее в военные конфликты на протяжении всего XIX в. И только однажды нейтралитет не "сработал" и Дубровницкая республика оказалась на грани войны, а ее независимость – под угрозой. Произошло это в годы русско-турецкой войны /1768–1774/, впервые ставившей интересы России и Дубровника.

Каковы причины этого конфликта, в чем он выразился и как был урегулирован? К этим вопросам исследователи истории Дубровницкой республики обращались не раз. Не останавливаясь подробно на историографии вопроса, отметим лишь ее принципиальные моменты. В югославянской историографии XIX в. Дубровник традиционно изображался в качестве невинной жертвы агрессии со стороны России<sup>1</sup>. В русской же дореволюционной историографии господствовала концепция В.В.Макушева, согласно которой в основе развития русско-дубровницких отношений лежало стремление России покровительствовать православному населению республики. Ответное

сопротивление дубровницких властей /аристократов-католиков/ вызывало конфликты, вся ответственность за которые возлагалась на дубровницкую сторону<sup>2</sup>. Концепцию В.В.Макушева разделяли и другие историки, в трудах которых делался акцент на протурецкий характер внешней политики дубровницкой республики, или же ее ориентация на католические государства Европы<sup>3</sup>. Словом, подчеркивалось то, что разъединяло, а не сближало позиции двух стран.

Для современного этапа исследований характерно стремление хорватских историков всесторонне изучить международные связи Дубровницкой республики – суверенного государства, субъекта международной политики в XVI-XVIII вв., выявить причины ослабления и упадка республики в совокупности, а не сводить их лишь к пройскам дипломатии европейских государств<sup>4</sup>. В советской же историографии история русско-дубровницких отношений освещается в связи с изучением русско-югославянских связей, но главным образом – в контексте изучения средневековой истории Дубровника<sup>5</sup>. В последние годы изданы совместные сборники научных трудов советских и югославских историков, посвященные истории русско-югославянских связей XVI-XIX вв. История русско-дубровницких отношений нашла в них свое, хотя и весьма скромное, место<sup>6</sup>. Эти публикации позволяют сделать вывод об отсутствии принципиальных различий в трактовке русско-дубровницкого конфликта в годы русско-турецкой войны /1768-1774/ в современной историографии, но в то же время и о том, что на ряд вопросов, связанных с этим конфликтом, исследователи до сих пор не дали ответа.

Каковы же причины русско-дубровницкого конфликта? Его возникновение представляется отнюдь не случайным. Российская политика активного привлечения христианского населения Балкан к совместной борьбе против османского ига, в основе которой лежала идея этнической и конфессиональной общности русского и местных славянских народов, не нашла, да и не могла найти поддержки в Дубровнике. Официальные дубровницкие власти остались на позициях нейтрали-

тета, что было расценено российской стороной, как проявление враждебности. Более того, имелись случаи нарушения нейтралитета отдельными дубровницкими капитанами. Эти факты неоднократно приводились в научной литературе<sup>7</sup>.

Вопреки Положению о национальном мореплавании /1745 г./, запрещавшему перевозить войска, оружие и боеприпасы для воюющих сторон, на дубровницких судах осуществлялись такие перевозки для Турции. Вплоть до появления русской военной эскадры в Средиземноморье в феврале 1770 г. дубровницкий сенат смотрел на эти нарушения как бы сквозь пальцы. Но с появлением русских военных кораблей у о. Корфу сенат запретил дубровницким кораблям перевозить вооружение для турецких войск, чтобы не компрометировать себя в глазах русского военного командования. Однако и это указание не очень строго выполнялось. Дубровницкие корабли продолжали перевозить не только продовольствие, но и вооружение и даже турецкие войска. Очевидно, что главная причина этих нарушений заключалась в нежелании дубровчан ссориться с Портой. Но нельзя не учитывать и другую: эти перевозки давали хороший заработок, из-за которого капитаны шли на риск. Среди исследователей существуют расхождения в оценке этих фактов. Одни из них считают, что нарушение нейтралитета частными лицами носило единичный характер, в целом же республика твердо стояла за его соблюдение<sup>8</sup>; другие признают, что в 1769-1770 гг. в результате стечения обстоятельств произошел отход дубровницких властей от традиционной политики нейтралитета<sup>9</sup>. На наш взгляд, при анализе этого вопроса должно учитываться следующее обстоятельство. В то время попросту не существовало еще единого, общепринятого понимания принципов морского нейтралитета. Под ним, как правило, понимали политику неучастия в вооруженных конфликтах – так называемый традиционный нейтралитет. Принципы морского нейтралитета впервые получат целостное оформление десять лет спустя, – с провозглашением Россией Декларации о вооруженном нейтралитете в 1780 г., к которой присоединяются многие ев-

ропейские морские державы. А в конфликте 1770 г. между Дубровником и Россией каждая из сторон руководствовалась собственным пониманием морского нейтралитета. Дубровницкое Положение о национальном мореплавании /1745 г./ запрещало перевозку для воюющих сторон войск, оружия и боеприпасов. Россия же, кроме того, признавала за воюющей стороной право на осмотр нейтрального судна и его конфискацию, если на нем обнаружена контрабанда. Разный подход к пониманию морского нейтралитета уже сам по себе таил потенциальную возможность конфликта. А несоблюдение его дубровницкими капитанами, также как и превышение своих полномочий командующим русскими военными силами в Архипелаге А.Г.Орловым, сделало его неизбежным. В сентябре 1770 г. от имени императрицы Екатерины II дубровницкому консулу в Ливорно было объявлено, что отныне Дубровницкая республика рассматривается как неприятельская<sup>10</sup>. С этого момента угроза возникновения военных действий между Россией и Дубровником стала реальностью.

Для урегулирования конфликта дубровницкому сенату пришлось пойти на чрезвычайные меры – отправку дипломатических миссий. В Ливорно, где находилась ставка главнокомандующего, были посланы сенаторы Д.И.Бунич и М.Ф.Геталдич; в Петербург – сенаторы М.Ф.Тудисич и Ф.С.Ранина. Ход переговоров в Ливорно и Петербурге получил отражение в переписке дубровницких посланников с сенатом республики, а также А.Г.Орлова – с императрицей Екатериной II<sup>11</sup>. Анализ этой переписки позволяет утверждать, что источником разногласий между Россией и Дубровником в те годы /помимо принципиальных различий в отношении к Османской империи/ было отсутствие объективной информации сторон друг о друге. Переговоры в Ливорно между А.Г.Орловым и сенаторами Буничем и Геталдичем были весьма краткими /май – июнь 1771 г./. Они быстро зашли в тупик и были сорваны по вине А.Г.Орлова, предъявившего республике /либо в силу преувеличеннного представления о ее финансовых возможностях, либо в силу стремления к личному обогащению/ нелдлемые финансовые претензии.

В Петербурге интересы республики представлял сенатор Ф.С.Ранина /его коллега М.Ф.Тудисич заболел в дороге и прервал поездку/. Его миссия оценивается современным дубровницким историком как "одна из самых трудных дипломатических миссий XVIII столетия"<sup>12</sup>. С этой оценкой нельзя не согласиться. В Петербурге шла весьма напряженная и довольно длительная /декабрь 1771 – сентябрь 1774 г./ дипломатическая игра. Встречи Ф.Ранины с первыми лицами екатерининского правительства /Н.И.Паниным, Д.А.Голицыным/ носили не официальный, а личный характер. Ему не удалось добиться даже аудиенции у императрицы, поскольку до окончания войны с Турцией с ним не желали вести официальных переговоров, считая его резидентом вассального Турции государства. В 1774 г. положение Ф.Ранины в Петербурге осложнилось в связи с новыми известиями из Дубровника. В июне 1774 г. в городе появился польский князь Радзивилл, а с ним – самозванка, известная под именем княжны Таракановой. Для дубровницких властей создалась щепетильная ситуация: князь Радзивилл – глава Барской конфедерации и союзник Турции. Оказать ему официальный прием, соответствующий лицам столь высокого ранга, означало бы ухудшить и без того непростые отношения с Россией. Но отказать Радзивиллу, а вместе с ним и княжне Таракановой в таком приеме – значило бы вызвать недовольство Порты. В этой ситуации сенат попытался "уговорить" княжну оставить Дубровник. С этой целью к ней была направлена делегация сенаторов. По свидетельству французского консула в Дубровнике Дерибо, "она их приняла, но высмеяла за малодушие"<sup>13</sup>. Тогда сенат вынужден был известить канцлера Н.И.Панина через Ф.Ранину о пребывании в Дубровнике самозванки. Естественно, что эта весть не могла не встревожить русский двор, хотя в ответе Н.И.Панина /так же переданном через Ранину/ и говорилось, что "нет нужды обращать внимание на сию побродяжку"<sup>14</sup>. В ноябре 1774 г. Екатерина II направила собственноручное письмо А.Г.Орлову, в котором распорядилась арестовать самозванку, "посадить

на наш корабль и отправить ... сюда, причем стараться провести эту операцию без шума". Но не исключался и другой вариант: "Буде же она в Рагузе гнездит..., то я Вас уполномачиваю ... послать туда корабль или несколько с требованием о выдаче сей твари. И в случае неповиновения дозволяю употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно". В ответе от 24 декабря Орлов заверил императрицу в том, что употребит все силы, "чтоб ону достать обманом, буде в Рагузах оная находитъся"<sup>15</sup>.

О пребывании самозванки в Дубровнике стало известно и в европейских столицах. В донесении французского консула Дериго от 16 августа 1774 г. сообщались сведения о личности самозванки, почерпнутые из его бесед с ней: выдает себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны и Разумовского; говорит, что ее брат стоит во главе восстания в России под именем Петра III; ее путь лежит в Константинополь, где она планирует встретиться с вице-канцлером Голицыным; в самое ближайшее время она ждет вестей из России от заговорщиков о свершении переворота и низвержении Екатерины II с престола. Консул Дериго выразил сомнение в истинности этих сведений /"все это смахивает на роман"/, но прибавил, что князь Радзивилл "клялся в их достоверности". В заключение французский консул упомянул о том, что "принцесса публично заявила в сенате, что имеет право на русский престол и бедные дубровчане совершенно ею покорены"<sup>16</sup>. И это вполне вероятно. Даже спустя сто лет в среде дубровницкой аристократии сохранилось предание о пребывании в Дубровнике русской "императрицы"<sup>17</sup>.

Разумеется, известия из Дубровника не могли не насторожить Екатерину II. Через некоторое время Ф.Ранина доложил сенату, что она предостерегает дубровчан от каких-либо действий, которые могли бы способствовать установлению связей самозванки с противниками русского двора<sup>18</sup>.

Княжна Тарakanova, судя по ее показаниям следствию, провела в Дубровнике 5 месяцев. Ее краткое пребывание

здесь не имело для дубровчан каких-либо видимых отрицательных последствий. Однако не учитывать этот факт нельзя: он отнюдь не способствовал улучшению и без того непростых русско-дубровницких отношений и мог быть использован против республики в сложной политической игре.

В июле 1774 г. в Кючук-Кайнарджи был подписан русско-турецкий мирный договор. Окончание войны устранило препятствия для урегулирования русско-дубровницких отношений. Эта задача была возложена Екатериной II на А.Г.Орлова. На завершающем этапе его переговоров с сенатором Ф.Раниной /январь – июнь 1775 г./ были приняты конкретные решения. Центральным вопросом переговоров стало обсуждение условий нейтралитета республики в случае новой русско-турецкой войны. Необходимость же самого нейтралитета не вызывала сомнений ни у одной из сторон. Это подтверждается действиями дубровницкого сената. В марте 1775 г. он разослал всем своим консулам распоряжение, в котором строго предупреждал о необходимости соблюдать Положение о национальном мореплавании. И если раньше за нарушение запрета на перевоз оружия для воюющих сторон с капитана взыскивался штраф, то теперь устанавливалась смертная казнь с конфискацией имущества<sup>19</sup>. По настоянию русской стороны в повестку дня переговоров были включены вопросы об открытии российского консульства в Дубровнике и строительстве в нем православной церкви, которые в принципе были согласованы, осталось урегулировать лишь детали, касающиеся подданства российского консула. Но Орлов внезапно прервал переговоры. Он торопился с подписанием договора, поскольку собирался в Петербург и надеялся лично доложить императрице Екатерине II об их успешном завершении. 20 июня 1775 г. он направил в адрес дубровницкого сената послание, в котором суммировал ранее достигнутые соглашения<sup>20</sup>. Этот документ вошел в историю двусторонних отношений как русско-дубровницкий договор<sup>21</sup>. Он ознаменовал собой завершение затяжного конфликта и создал основу для конструктивного развития двусторонних отношений в будущем. Однако пока новая рус-

ско-турецкая война не стала реальностью, практическое претворение в жизнь положений договора 20 июня 1775 г. отодвигалось на будущее. Начало же войны 1787-1791 гг. поставило в повестку дня вопрос об открытии российского консульства в Дубровнике. Первым российским генеральным консулом в Дубровнике стал Антон Джика. Его деятельность в Дубровнике /1788-1800 г./ в последние годы неоднократно привлекала внимание исследователей<sup>22</sup>. В научный оборот введены документы, позволяющие опровергнуть существовавшую прежде негативную оценку его деятельности в Дубровнике<sup>23</sup>. На наш взгляд, главным итогом его 12-летнего пребывания на посту генерального российского консула в Дубровнике стало предоставление объективной информации о республике правящим кругам России. Эта информация охватывала все важнейшие стороны жизни Дубровницкой республики: государственное устройство, внутриполитическое и финансовое положение, международные связи, внешнюю торговлю и торговое мореплавание<sup>24</sup>.

Накопление этой информации способствовало преодолению российскими правящими кругами своих первоначальных представлений о Дубровнике как турецком вассале. В России сумели по достоинству оценить выгоды "дубровницкой модели" отношений с Портой. При разработке Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. и проекта государственного устройства Ионических островов в 1798 г. Россия предлагала эту модель взаимоотношений с Портой в качестве образца для создаваемых на Балканах государств, которые считались бы вассалами Порты, платили ей дань, но пользовались бы фактической самостоятельностью во внутренних делах и внешних связях<sup>25</sup>.

И все-таки для России ее отношения с Дубровницкой республикой были лишь второстепенным эпизодом, как бы побочным продуктом русско-турецкого соперничества. Поэтому в Петербурге проявляли активный интерес к республике лишь в периоды военных столкновений в Средиземноморье. Иное, более значительное место занимали эти отношения в жизни

Дубровника. От их развития во многом зависело само существование республики. Осознав это в годы русско-турецкой войны 1768-1774 гг. дубровницкая дипломатия приложила максимум усилий для урегулирования двусторонних отношений и их стабилизации в последние годы XVIII в. Все выше сказанное позволяет нам рассматривать историю отношений Дубровницкой республики и России в последней трети XVIII в. не только как историю конфликтов, но и как образец преодоления конfrontации в результате трудного, но плодотворного процесса урегулирования кризисных ситуаций дипломатическими средствами.

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ireček K. Poselstvu republiku Dubrovničke k cíasarske Katerine II v L. 1771-1775. Praha, 1893; Vojnović L. Pad Dubrovnika. Zagreb, 1908. Knj. I-2

2. Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865.

3. Петкович К.В. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. М., 1859. Т. III. Кн. 15. Разд. У. С. 1-20; Добрянский С.Ф. К истории сношений Рагузской республики с Россией в XVII-XIX вв. М., 1909 и др.

4. Mitić I. Dubrovačka država u međunarodnoj zajednici (od 1358 do 1815). Zagreb, 1988; Krizman B. Diplomati i konzuli u starom Dubrovniku. Zagreb, 1957; Ivančević V. Luka Livorno i dubrovački brodovi (1760-1808). Dubrovnik, 1968.

5. Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. 2-е изд. М., 1989.

6. Фрейденберг М.М. Русский консул в Дубровнике в конце XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 169-186; Петрович Р. Роль русского консульства в Дубровнике в развитии югославско-русских отношений // Босния, Герцеговина и Россия в 1850-1875 годах: Народы и дипломатия. М., 1991. С. 96-128; Foretić V. Rusko-crnogorski rat s Francuskom 1806-1807 godine i pad Dubrovnika. // Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка. Београд, 1983. С. 327-338.

7. Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. С. 21; Добрянский С.Ф. К истории сношений Рагузской республики с Россией. С. 16; Ivančević V. Luka Livorno i Dubrovacki brodovi. S. 115.

8. Mitic I. O uzrocima velikog uspona Dubrovačke pomorske trgovine u drugoj polovini XVIII st. // Pomorski zbornik. Rijeka, 1977. Knj. I. S. 561.
9. Ivančević V. Dubrovački brodovi za prvog rusko-turskog rata (1768-1774) // Pomorski zbornik. Zagreb, 1962. Knj. II. S. 1725 - 1732.
10. Дубровачка акта и повеље / Објавио И. Радонић. Књ. Ј. Београд, 1951. № 289. С. 408 /далее - Акта/.
11. Akta; Сборник Русского исторического общества /далее - РИО/. СПб., 1857. Т. I; Русская беседа. М., 1859. Т. VI. Кн. I8; Русский архив. М., 1871. № 9.
12. Krizman B. Diplomati i konzuli u starom Dubrovniku. S.199.
13. Акта. № 307. С. 44I.
14. Русская беседа. Т. VI. Кн. I8. С. 6I.
15. Сборник РИО. Т. I. С. I05; Русская беседа. Т. VI. Кн. I8. С. 7I.
16. Акта. № 307. С. 439-44I.
17. Ястребов А. Заметка о пребывании Радзивилла в Рагузе в 1774 г. // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1884. № II. С. I7.
18. Mitić I. Imigracijska politika Dubrovačke republike s posebnim obzirom na ustanovu svetovnog azila // Analji JAZU-Sv.XVIII. Dubrovnik, 1979. S.I53.
19. Pravilnik Dubrovačke republike o nacionalnoj plovidbi // Grada za pomorsku povijest Dubrovnika. Dubrovnik, 1972. Knj.5. S.85.
20. Акта. № 329. С. 475.
21. В.Иванчевич расценивает этот документ как "Манифест Орлова": Ivančević V. Dubrovačke "ugovor" s Rusima u Livornu iz godine 1775 //Naše more.Dubrovnik, 1974. Knj.XXI. S.225.
22. Фрейденберг М.М. Русский консул в Дубровнике в конце XVIII в.; Лучинина Н.А.Дубровник конца XVIII в. глазами русского дипломата // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 105-116; Петрович Р. Роль русского консульства в Дубровнике в развитии югославско-русских отношений.
23. Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. С. 42-43; Петкович К.В. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе. С. 9; Добрянский С.Ф. К истории сношений Рагузской республики с Россией в XVIII-XIX вв. С. 3I.
24. АВНР. Ф. "Сношения России с Рагузой". Оп. 59/1. 1789-1800 гг.; ЦГАДА, Ф. 276 "Коммерц-коллегия". Оп. I д. 368; оп. 2. д. 201, 388, I022.

25. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года /его подготовка и заключение/. М., 1955. Приложение. Арт. 16, 20. С. 345; Внешняя политика России. Серия первая. Т. I. С. 667.

ЙОВАН Р.БОЈОВИЧ /Югославия/

## РОССИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Два великих и переломных события в развитии Черногорского государства произошли в начале XVIII в. Первое – это изгнание потурченцев с территории четырех нахий /Катунской, Риекской, Црмницкой и Лешанской/, которые сделались центром развития черногорского государства после образования черногорско-приморской и скадарской митрополии в Цетинье. Вторым великим событием было установление официальных отношений Черногории с Россией в 1711 г. Произошло это во время правления Петра I в России /1687–1725/ и владыки Данилы Петровича в Черногории /1697–1735 гг./. С 1711 г., когда Петр I направил в Черногорию своих послов с грамотами, черногорцы считали Россию единственной опорой в освободительной борьбе против турок. Точно также с Россией они связывали свои надежды на помощь в экономическом развитии. С 1711 г. и вплоть до объединения Черногории с Сербией и создания Югославии в 1918 г. контакты между Россией и Черногорией были разнообразными и дружественными.

В истории международных отношений довольно редки примеры таких всесторонних и близких отношений между великой державой, каковой была Россия, и маленькой Черногорией. Это обуславливалось обоядным интересом. Черногория обрела помощь и защиту в борьбе за свободу, а Россия – искреннего союзника в стратегически важном районе на Балканах. На протяжении двух с лишним веков официальных отношений в Черногории сложился культ России, русских царей, военачальников и дипломатов.

Уважение к России в Черногории сохранилось и после ве-

ликих политических перемен в России, наступивших в результате Октябрьской революции 1917 г. Традиционные дружественные отношения между Черногорией и Россией, развивавшиеся вплоть до настоящего времени, по нашему убеждению, продолжатся и в будущем.

В период освободительной борьбы в Черногории была разрушена племенная структура и были созданы государственные органы власти. Их создание происходило с большими трудностями. Творцом первых законников в Черногории был митрополит и государственный деятель Петр I Петрович, обладавший исключительными интеллектуальными и организаторскими способностями /1784-1830/. О создании черногорского государства наиболее обстоятельные работы написали: Б.Навичевич, Т.Никчевич, Н.А.Хитрова, А.П.Бажова, И.С.Достян, Ю.П.Аншаков и др. Роль России в создании государственной организации в Черногории заключалась в дипломатической защите и материальной помощи.

Большое количество материалов об отношениях Черногории и России в конце XIX и начале XIX в. сохранилось в Архиве внешней политики России /АВПР/ в Москве и гораздо меньше – в архивах Цетинье и Котора. За последние 20 лет в Советском Союзе и Югославии опубликованы капитальные сборники источников: "Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XIX в. Документы" /1984/; "Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия" /кн. I-II, 1980, 1983/. Наконец, существует проект издания документов о черногорско-русских отношениях 17II-1918 гг., в котором принимают участие Институт славяноведения и болганистики РАН, кафедра истории южных и западных славян МГУ и исторический институт в Черногории. Первая книга означенной публикации под названием "Русские источники о Черногории с конца XIX до середины XIX в." сдана в печать.

Важные документы для изучения этого периода содержатся и в публикациях источников: "Петр I Петрович Негош. Письма и другие документы", подготовленные д-ром Йово Ми-

ловичем и изданные Историческим институтом Черногории /кн. I-2, 1987, 1988/.

Наряду со сборниками документов того периода, представляет интерес публикация отдельных документов, характеризующих отношения Черногории и России. Одна из таких публикаций помещена в "Славянско-балканских исследований. Историография и источниковедение" /1972/. В этом издании А.С.Достян наряду с вводным текстом опубликовала и несколько документов русских дипломатов о Черногории, относящихся к 1805 г. /описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А.Санковского/.

Важным источником являются мемуары изучаемого периода.

Что касается литературы об отношениях Черногории и России, появившейся в Черногории до первой мировой войны, то наиболее значительными являются труды Марко Драговича "Россия и Черногория с 1780 до 1790"; д-ра Владана Джорджевича "Черногория и Россия 1784-1814", П.А.Ровинского "Черногория в ее прошлом и настоящем" и др.

Великие победы Черногории над турецкими войсками в Мартиничах и в Крусах в 1796 г. вывели Черногорию на европейскую политическую арену. Победы 1798 г. черногорцев над турецким войском вызвали воодушевление в Санкт-Петербурге. По достоинству была оценена заслуга в этом деле митрополита Петра I, Екатерина II наградила его ценной Панагией.

Расположенная на небольшой неплодородной территории, окруженная со всех сторон врагами, Черногория, по мнению митрополита Петра, могла получить гарантию своей независимости только в том случае, если Россия возьмет ее под свое покровительство. В этом смысле черногорские руководители во главе с митрополитом Петром обратились в 1796 г. с письмом к Екатерине II, чтобы она взяла "Черногорию с областью Скадара под свое владычество". Тогда положение Черногории укрепилось бы в правовом, военном и духовном отношениях. После смерти Екатерины II поставленные черно-

горцами вопросы решал ее наследник, царь Павел I. Удовлетворить просьбы митрополита Петра I для России было фактически невозможно из-за острых противоречий последней с Турцией, Австрией, а позднее и Францией. Эти проблемы подробно изучены Б.Павичевичем в работе, посвященной политике Павла I в отношении Черногории. Император и его правительство приняли в 1797 г. решения, которые удовлетворили черногорского митрополита и одновременно вызвали недовольство Константинополя и Вены. Русский император предоставил материальную помощь Черногории, митрополита Петра наградил орденом Александра Невского. Это было признанием заслуг черногорского митрополита. Император наградил также 15 выдающихся черногорцев, что было очень важно для Черногории.

В течение последнего десятилетия XVIII в. и первых двух десятилетий XIX в. в Европе произошли крупные политические изменения. Они отразились и на югославянских землях, прежде всего в Приморье.

Победа Великой французской революции знаменовала начало разрушения старого средневекового общества в Западной и Центральной Европе и создания нового общественного порядка. Ее принципы – свобода, равенство и братство встретили отклики в югославянских землях. Но вскоре, как известно, вслед за провозглашением свобод начало проявляться и французская захватническая политика в Европе. Так под ударами французской армии пала средневековая Венецианская республика в 1797 г., которая ранее захватила большую часть югославянского Приморья от Триеста до Бара.

В начале XIX в. в югославянском Приморье происходили столкновения великих держав: России, Франции, Австрии, Англии и Турции. И, хотя в тот период Черногория была маленькой, экономически слабой, только создавшей свою государственную организацию, суд и законы, истощенной последней войной с Турцией /1796 г./, тем не менее митрополит Петр I сознавал стремления и желания большинства жителей соседнего Приморья к объединению с Черногорией.

Всю свою внешнюю политику он ориентировал на борьбу за освобождение Приморья, связанного с Черногорией историческими, экономическими, торговыми, культурными, религиозными и политическими интересами. Это стремление митрополита Петра I нашло понимание у императора Павла I. По предложению Коллегии иностранных дел в январе 1799 г. Павел одобрил выделение Цетиньскому монастырю денежной помощи в размере 2 тыс. руб. для покупки книг, посылку книг для просвещения и предоставление субсидии на 6 лет в размере 1 тыс. руб.; российские дипломаты в Константинополе и Вене и консул в Дубровнике получали инструкции оказывать помощь Черногории; командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ушаков направил в Черногорию штабного офицера для передачи митрополиту Петру благодарности российского императора.

Это последнее решение имело исключительное значение для Черногории и ее народа, равно как и для укрепления государственных органов власти в ней. Представитель митрополита в России Стеван Вукотич вернулся в Черногорию в середине 1799 г. с царской грамотой, письмом государстенного канцлера графа Кочубея и с денежной помощью святейшего Синода в размере 1 тыс. руб. для Цетиньского монастыря. Царская грамота и другие решения были обнародованы на черногорской народной скупщине в августе 1799 г. Это было важным событием в политической жизни Черногории.

В конце 1799 г. в Россию отправился другой представитель митрополита, Никола Давидович Црноевич. В данных ему инструкциях содержалась и просьба об объединении Боки Которской вместе с Конавлем, Будвой и Лаштровичами с Черногорией. Н.Давидович развернул в С.-Петербурге активную деятельность, но смерть Павла I в марте 1801 г. внесла корректизы. Новый русский император Александр I не был так расположен к Черногории, как его предшественник.

Лишь в мае 1803 г. русское царское правительство ответило на предложения Черногории. Была издана и царская грамота митрополиту. Против митрополита открыто интриговали черногорские эмигранты в России во главе с С.Вуко -

тического, которого митрополит просил выслать из Петербурга. Митрополит обвинялся в связях с Францией. Это были безосновательные обвинения в адрес митрополита Петра, из-за которых он имел большие неприятности и в Черногории, и в С.-Петербурге.

В начале XIX в. митрополит Петр столкнулся с трудностями, вызванными различными внутри- и внешнеполитическими интригами и неблагосклонной позицией России. Русская денежная помощь за 1800, 1801 и 1802 гг. была предоставлена с опозданием, выплата была произведена в марте 1803 г., но и те деньги были возвращены из-за торговых и банковских затруднений в Царевграде. Об этом был поставлен в известность митрополит с указанием, что денежная помощь будет послана через одного с.-петербургского банкира. После падения Венецианской республики в 1797 г. и до середины 1813 г. можно выделить три основных этапа в решении приморского вопроса. Формированием здесь демократического правительства под французским протекторатом воспользовалась Австрия и оккупировала Далмацию. Резко обострилась политическая борьба среди населения прибрежных районов от Бара до Дубровника, в том числе: Паштровичи, Майна, Браич, Побор, Будва, Грбаль, Кртола, Луштица, Щакльяр, Муа, Прчань, Столив, Котор, Доброта, Пераст, Рисан, Ораховец, Герцег-Нови, Конавль, а также ряда других приморских местечек. Большая часть жителей считала необходимым ориентироваться на Черногорию, но были и сторонники Австрии, и сторонники нового правительства в Венеции.

В конце концов победили противники правительства в Венеции, выступавшие против господства Франции в этом районе. Они были готовы просить помощи у митрополита Петра для борьбы с французской оккупацией. В то же время в приморских районах развернулась деятельность турецких эмигрантов, которые требовали от митрополита Петра помочь закрепить данную территорию за Османской империей, обещая за это признать независимость Черногории и уступить ей часть прибрежных территорий. Со своей стороны и правительство Венецианской республики предложило Черногории

дружбу и взаимное сотрудничество.

В этой сложной политической ситуации, хорошо зная внутреннее положение Черногории и ее слабость, осторожный и предусмотрительный митрополит Петр принял решение не начинать военных операций в Приморье без твердой поддержки. Оказавшись в треугольнике между Австрией, Турцией и Францией, он считал, что именно Франция, как географически наиболее удаленная держава, скорее согласится предоставить Черногории выход к морю. Исходя из такой оценки политической ситуации и желая приблизиться к Боке Которской, черногорцы заняли Будву, Вранче, Поборе и Маине. Но после этого произошло то, чего митрополит опасался больше всего: по соглашению между Францией и Австро-Италией Бока Которская отошла к Австро-Италии. С этого момента и до конца 1805 г. вышеупомянутые приморские территории оставались под властью Австро-Италии. После победы французских войск над австро-русской коалицией в соответствии с Понсоньским соглашением /26. XII 1805 г./ Наполеон присоединил территорию бывшей Венецианской республики к итальянскому королевству.

В 1797–1805 гг. митрополит Петр находился под дипломатическим давлением трех великих держав: России, Франции и Австро-Италии. Черногория оказалась в сложном и тяжелом положении, которое усугублялось внутренними интригами и волнениями. Чрезвычайно тяжелая ситуация сложилась и для самого митрополита, на время лишенного поддержки со стороны России. И все же в своей дипломатической борьбе за югославянское Приморье Австро-Италия, Россия и Франция должны были считаться с фактом существования маленькой бедной Черногории.

Еще до того, как Австро-Италия передала Франции эту югославянскую территорию в начале 1806 г., десантом русского флота, при участии черногорских войск было занято все Приморье от Петроваца до Дубровника и контролировалось до середины 1807 г. Верховную власть здесь осуществляли русский советник Санковский и митрополит Петр. После заключения мира в Тильзите между Францией и Россией эта

территория перешла под контроль Франции, что явилось тяжелой потерей для Черногории.

На втором этапе решения вопроса о приморских территориях /1806–1807 гг./ возник проект увеличения территории Черногории за счет приморских югославянских земель. Согласно этому проекту Черногория занимала бы следующую территорию: Подгорицу с прилегающими районами, Служ, Вир-Пазар, Паштровичи, Боку Которскую, Далмацию и Герцеговину с центром в Дубровнике. Все это осталось лишь в планах митрополита Петра и народных стремлениях, так как после Тильзитского мира Черногория вынуждена отказаться от Приморья и оставить его французам.

Третий этап в решении вопроса о приморских территориях начался в середине 1813 г., когда возникла последняя антинааполеоновская коалиция /Россия, Австрия, Англия, Пруссия, Швеция/. Тогда митрополит Петр счел, что ситуация благоприятна и пришло время освобождения Приморья и объединения этой территории с Черногорией. Митрополит вступил в контакт с командующим английским флотом, находившимся в районе Виса, для получения военной помощи и проведений совместных операций в Приморье против французов.

После соглашения с английским адмиралом, уверенный в содействии населения Приморья, митрополит Петр предпринял освободительный поход. В середине сентября 1813 г. он обратился к черногорскому народу и черногорским старейшинам с призывом к борьбе против французов и их изгнанию из Приморья.

В течение сентября 1813 г. черногорские войска вели наступление на Будву и Котор. 21 сентября 1813 г. была освобождена Будва. Митрополит Петр обратился с воззванием к бокельцам, дубровчанам и далматинцам, которое получило широкую поддержку большинства населения Приморья, прежде всего православного. До середины октября 1813 г. была освобождена вся Бока Которская, кроме самого Котора, где находился в осаде французский гарнизон во главе с генералом Готье.

В ходе освобождения Боки митрополит Петр совместно со своими приморскими сторонниками занимался подготовкой объединения Боки и Черногории. Не дожидаясь освобождения Котора, представители Черногории, Паштровичей, Будвы и Боки Которской провели в Доброте 29 октября 1813 г. скupщину, на которой было провозглашено объединение этих земель с Черногорией, ставшее вехой в истории освободительной борьбы и развития Черногорского государства. Затем на скупщине 1 ноября 1813 г. было принято постановление о формировании Веча, состоявшего из 41 члена. Председателем Веча стал митрополит Петр. Одновременно создавалось и правительство /Центральная комиссия/, в состав которого входили 9 представителей приморских общин и 9 представителей Черногории. Возглавил правительство также митрополит Петр /секретарь - Франческо Лепопили/.

Местонахождением временного правительства была избрана Доброта /до января 1814 г./

Еще на первой скупщине в Доброте, где было провозглашено объединение Черногории и Приморья, возникла сложная и острые политическая проблема: под чьим протекторатом должно быть новое объединенное государство, России или Австрии? Этот вопрос стал камнем преткновения и в работе временного правительства и от его решения в итоге зависело и само объединение.

В Приморье австрийские агенты развернули тайную деятельность, направленную на вхождение Боки Которской и Приморья после окончания войны против Наполеона в состав Австро-Венгерской империи. Эта точка зрения имела своих приверженцев и среди членов Веча, и среди членов Временного правительства из Боки Которской. Центром австро-фильского течения стал Пераст. Одновременно сформировалось и русофильское течение в Которе. Обе группировки действовали при русском и австрийском дворах помимо и через голову Временного правительства, а митрополит Петр без извещения и одобрения остальных членов Временного правительства тайно послал своего уполномоченного в ноябре 1813 г. к Алек-

сандро I с просьбой к союзникам дать согласие на объединение Черногории и Боки и взять под свое покровительство новое объединенное государство. Узнав об этом, сторонники Австрии тайно приняли решение послать своего представителя к австрийскому императору Францу-Лосифу с прошением считать их своими подданными, а Боку - австрийской провинцией.

Попытка митрополита Петра заинтересовать русский двор объединением Черногории, Будвы, Паштровичей, Боки Которской с Конавлем до Цвтата не увенчалась успехом. После некоторого колебания император Александр 20 мая 1814 г. сообщил митрополиту о решении союзников, что Будва, Паштровичи и Бока Которская "войдут в состав австрийского государства". Это была огромная историческая несправедливость по отношению к объединенной с Приморьем Черногории. Это решение союзников и в Черногории, и среди большей части населения Приморья было воспринято как подлинная национальная трагедия. Будва, Паштровичи, Бока Которская, Конавле, как и остальная приморская югославянская территория, останутся под властью Австрии еще больше ста лет, вплоть до освобождения и образования Югославии 1918 г. Этим и завершается один из периодов истории русско-черногорских отношений начала XIX в.

В.П.ГРАЧЕВ

### РОССИЯ И СЛАВЯНЕ БАЛКАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XIX вв.

Предлагаемая вниманию читателей тема не нова ни для отечественной, ни для зарубежной историографии. Однако при ее освещении историки до сих пор порой диаметрально противоположно оценивают политику России в отношении славянских народов, населявших на рубеже XIX-XIX вв. балканские владения Османской империи. Наряду с недостатком

источников и различием теоретических воззрений существует ряд других причин, оказавших влияние на разноречивость оценок внешней политики России в данном вопросе, которая, по словам А.Л.Нарочницкого, еще ждет своего исследователя<sup>1</sup>. Одна из важных причин связана с тем, что эта разноплановая и многогранная проблематика оказалась на стыке таких исторических дисциплин, как османистика, славяноведение и балканстика, формирование и развитие которых шло обособленно и неравномерно. Историки-османисты, традиционно считая себя ориенталистами, прослеживая общие закономерности развития полигэтнической Османской империи, основное внимание уделяли изучению азиатского и африканского ареалов. Вопросы же общебалканской и южнославянской истории они по установленной традиции оставляли и до сих пор оставляют за славяноведами и балканистами.

Между тем развитие исторической науки в самих балканских государствах, выделившихся из состава Османской империи в XIX в., пошло по пути изучения узконациональной истории. При скучной базе собственных источников разработка магистральных концепций национальной истории чаще всего поручалась наиболее влиятельным политикам и находилась под надзором представителей правящей династии и даже главы государства. Все это вместе взятое наложило заметный отпечаток тенденциозности, наиболее отчетливо прослеживающейся при моделировании процессов национально-освободительных движений в данном регионе и толковании роли внешнеполитических факторов, влияние которых на национально-освободительные движения чаще всего характеризуются негативно.

Под влиянием вышеназванных и других причин в зарубежной и нашей историографии укоренился устойчивый стереотип объяснения предпосылок национально-освободительных движений, который постепенно формировался не столько на основе конкретных фактов реальной действительности, сколько на базе историко-правовых концепций и социологических учений.

В зарубежной историографии XIX – первой половины XX в., основывавшейся в основном на французских и австрийских дипломатических источниках конца XIX – начала XIX в., господствовала точка зрения, согласно которой Россия во время русско-турецких войн XIX–XIX вв. вовлекала в них православных подданных Порты, а при заключении мира с ней оставляла их на произвол и растерзание свирепых турецких властей. В стремлении опровергнуть подобные, как правило, необъективные оценки зарубежной историографии русские историки XIX – первой половины XX в. впадали порой в другую крайность. В.О.Ключевский, в частности, утверждал, что правительство России, завершив в конце XIX в. завоевания на юго-западных границах своей империи, в начале XIX в. обратило внимание на стремление балканских славян обрести "свое политическое бытие". А это подсказывало русскому правительству, по выражению Ключевского, "новое направление всей европейской политики" России. "Религиозные и племенные связи, – пишет он, – указали русской политике начала<sup>2</sup>, во имя которых она стала действовать против Турции".<sup>2</sup>

Отказавшись от этих крайностей, советские историки во второй половине XX в. разработали концепцию об объективно прогрессивной роли России в освобождении балканских славян от османского ига. В свете этой концепции процесс распада Османской империи, формирование предпосылок и динамика национально-освободительных движений балканских славян на рубеже XIX–XIX вв. реконструируются по известной в марксистской историографии схеме разложения феодальной формации в развитых государствах Европы, зарождения в недрах этой формации товарно-денежных отношений, дифференциации крестьянства, формирования национальной, в основном сельской и торговой буржуазии, которая, в свою очередь, идеологически готовила, возглавляла и финансировала национально-освободительные движения. Ускоренному развитию этих процессов в балканских владениях Османской империи, в Белградском пашальке в особенности, как пода-

гают многие югославские, а вслед за ними и некоторые наши историки, способствовали привилегии, данные сербам в 90-х гг. ХУШ в. Наряду с этим отдельные исследователи традиционно продолжают игнорировать взаимосвязь между реформами султана Селима Ш, проводимыми в 90-х гг. ХУШ в. и в начале XIX в. с предпосылками национально-освободительных движений в данном регионе. Например, в исторической науке до сих пор сохраняется точка зрения историков XIX – начала XX в., которые считали, что славянские народы балканских владений Порты на рубеже ХУШ-ХІХ вв. якобы не принимали участия ни во внутриполитических конфликтах часто возникавших между центральной властью и провинциальными феодалами, ни в междуусобной борьбе местных пашей и аянов.<sup>3</sup> Стремясь подчеркнуть определяющую роль национально-освободительного движения в распаде Османской империи, многие исследователи чрезмерно, на наш взгляд, преувеличивают его влияние на этот сложный и многогранный процесс и неоправданно относят начало этого движения к более раннему периоду. Между тем в зависимости от отношения к этому движению великих держав обычно идается соответствующая, чаще всего негативная, оценка их балканской политике.

Между тем новые российско-югославские публикации документов из архивов СНГ, инициатором и руководителем которых с нашей стороны был С.А.Никитин, а также последние страноведческие исследования болгарских, югославских историков, позволяют иначе взглянуть на эту проблематику. Новые документы свидетельствуют, что наряду с албанцами и греками, болгарами, сербами, босняками, герцеговинцами, черногорцами на рубеже ХУШ-ХІХ вв. разными путями вовлекались в общий поток внутриполитической борьбы и порой играли решающую роль в ее исходе. По свидетельству османских и других источников, Пазванд-оглу Видинский, например, набирал свое войско "из всех народностей Румелии"<sup>4</sup>. В войске Скутарского паши Махмуда Бушатли, по словам генерала Џ.Неранджича, было "пять частей христиан" и только 1/6 часть турок<sup>5</sup>. Более того, по законам Османской империи

конца XVIII в. нахийские и городские аяны должны были формировать отряды сейменов из местной христианской рабочей силы и т.д.<sup>6</sup> Я это подвожу к тому, что исследователи в ряде случаев пытаются представить участие славянских народов в этих конфликтах как проявление национально-освободительной борьбы. Подобный факт, с нашей точки зрения, имеет место при объяснении процесса формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг., которое в современной югославской и нашей историографии принято считать первой буржуазной революцией на Балканах. Пытаясь объяснить формирование предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. с позиции известной в марксистской историографии теории о закономерностях развития буржуазных революций в развитых государствах Европы, сторонники этой концепции видят в привилегиях, которые были даны Портой сербам Белградского пашалыка в 90-х годах XVIII в., фактор, способствовавший ускоренному развитию сельского хозяйства, ремесла, торговли, дифференциации крестьянства, формированию сельской и торговой буржуазии, которая подготовила и возглавила в феврале 1804 г. восстание сербов в Белградском пашалыке. Рассматривая политику России в отношении сербского восстания 1804–1813 гг., часть, в основном зарубежных, историков исходит из того, что Великая феодальная держава при любых обстоятельствах старается подчинить своему влиянию прогрессивное национально-освободительное движение малых народов, которые вместе с иностранным игом стремятся к свержению феодального гнета<sup>I</sup>.

Историки, придерживающиеся тезиса об объективно-прогрессивной роли России, считают, что в этой роли она выступает только тогда, когда задачи освободительного движения совпадают с задачами ее внешней политики. Если же они перестают совпадать, то Россия во время очередной войны с Турцией начинает провоцировать это движение, а при хороших отношениях с ней сдерживает его. Таким образом, в свете этой концепции политика России выглядит большей частью корыстной, непоследовательной, изменчивой и непредсказуемой.

мой для руководителей национально-освободительного движения.

Анализ факторов, способствовавших формированию предпосылок восстания, и отношения к нему русского правительства, позволил выявить в этой распространенной концепции ряд положений, которые, на наш взгляд, явно не согласуются с фактами источников. Какова степень этих расхождений, судите сами.

Итак, как известно, на рубеже XVIII-XIX вв. Османская империя переживала глубочайший экономический и политический кризис. Выход из него султан Селим III и преданные ему политики видели в проведении серии реформ "низами-джедид", т.е. "новый порядок". Известно также и то, что в 90-х годах XVIII в. Селиму III не удалось в полной мере осуществить задуманную им перестройку. Помимо сопротивления оппозиционных сил введение реформ осложнялось и рядом других обстоятельств. В частности, накануне, во время и после войны 1787-1791 гг., из балканских владений Турции началось массовое переселение христианских народов. Из Белградского пашалыка и Боснии переселилось в Австрию до 50 тыс. человек /некоторые исследователи называют цифру в 100 тыс. человек/. В 1793 г. из Мореи в Венецию, Австрию и другие страны выехали до 40 тыс. греческих семей<sup>8</sup>. Неуклонно нарастал поток болгарских беженцев из Румелии в Дунайские княжества и Россию. В начале XIX в. только в Дунайских княжествах насчитывалось до 86 тыс. болгарских семей<sup>9</sup>. Начавшаяся зимой 1792-1793 гг. эпидемия чумы в Белградском пашалыке продолжалась до 1795 г. В этот период пашалык обезлюдел, пахотные поля заросли кустарником, многие села были разрушены во время войны. Установленные в связи с эпидемией карантины на границе с Австрией и в портах Адриатики сохранились до 1797 г.<sup>10</sup> Если прибавить к этому повсеместный голод, начавшиеся в 1793 г. янычарские мятежи, междуусобия пашей и аянов в Румелии, разорительные нафеги на города и села бездесущих карджалиев, то вырисовывается ситуация, при которой вряд ли можно делать вывод

о наличии благоприятных условий для развития социально-экономических отношений в пределах одного пашалыка. Совершенно очевидно и то, что при сложившейся ситуации возвращавшиеся в пашалык сербы вряд ли могли воспользоваться данными им в 90-х годах XVIII в. привилегиями. Не могли они их реализовать и позже, так как в 1801 г. белградские янычары, убив пашу, захватили в пашалыке власть, отменили все постановления Порты и установили режим жесточайшей диктатуры. Аналогичная ситуация складывалась в этот период в Боснии, Герцеговине, Видинском, Никольском, Силистрийском и других пашалыках Румелии. После египетской кампании Порта все больше и больше утрачивала контроль над своими балканскими владениями. В 1803 г. русский канцлер А.Р.Воронцов констатировал в этой связи, что слабость Османской империи вытекает из ее фактического разделения "на множество провинций, управляемых пашами, султану даже в наружности не подчиняющихся".

В правящих кругах России и Австрии стали поговаривать о том, что ослабленная внутренними неурядицами Турция представляет собой идеального соседа и ее следовало бы сохранять до тех пор, пока она не разрушится сама под ударами изнутри. "Один из принципов моей политической системы, - писал в октябре 1801 г. Александр I, - будет заключаться в том, чтобы ... содействовать всеми моими силами сохранению государства, слабость и плохое управление которого являются ценной гарантией безопасности. Интересы Австрии в этом отношении совпадают с интересами России". При сложившейся ситуации на Балканах перед правительством России стояла сложная задача. Как союзник Турции оно не хотело портить отношения с Портой, но, с другой стороны, оно считало своей обязанностью защищать интересы православных народов, которые больше других страдали от царивших в регионе анархии и беззакония. В таких условиях, считал А.Р.Воронцов, Россия может защищать интересы этих народов только дипломатическим путем, требуя от Порты восстановления порядка в ее балканских владениях. Петербургский двор, пояснял свою позицию Воронцов, "весь-

ма далек от желания злоупотребить своим влиянием для того, чтобы побудить эти народы освободиться от турецкого владычества и, таким образом, ускорить крушение и без того слишком непрочной империи, в лице которой Россия имеет соседа, не дающего никакого повода для жалоб". Высказывания русского царя и канцлера подтверждают точку зрения о том, что Османская империя в 1803 г. разваливалась не под ударами национально-освободительного движения, а от внутренних неурядиц и слабости центральной власти. Что же касается национально-освободительного движения, то А.Р.Воронцов считал: если оно возникнет, то Россия не должна допустить того, чтобы освобождение балканских народов осуществлялось под влиянием других государств, тем более Франции. Если Франция будет посягать на целостность Османской империи, развивал эту идею дальше в начале 1804 г. А.Чарторыйский, то Россия должна придерживаться курса на ее сохранение, добиваясь улучшения положения христианских народов при условии, что они будут оставаться в составе этого государства. Взамен предоставленных христианским народам привилегий Россия согласна оказать Порте военную помощь для защиты ее владений от французской агрессии<sup>II</sup>.

В 1802-1803 гг. Порта действительно предприняла ряд мер по восстановлению порядка в Румелии, а в 1804 г. была сделана повторная попытка ввести реформы в балканских владениях. Эта задача была возложена на нового бейлербяя Румелии Абрагим-пашу Бушатли. С этой общей задачей Порта связывала и операцию по подавлению янычарского мятежа в Белградском пашалыке, начало которой планировалось на весну 1804 г. Узнав о том, что к этой операции будут привлечены и сербы, белградские янычары в январе 1804 г. начали арестовывать и убивать причастных к этому делу сербских кнезов. Это вызвало всеобщее восстание сербов в Белградском пашалыке против мятежных янычар. 17 марта 1804 г. Порта специально обсуждала сербский вопрос. Участники совещания признали, что восстание сербов явилось следствием произвола и насилий тамошних янычар, которые

сами восстали против вводимых реформ. Тогда же было принято решение послать в Белград боснийского визиря Бекир-пашу с войском и привлечь к этой операции сербских повстанцев. После усмирения янычар и распуска повстанческих отрядов Бекир-паша должен был подготовить условия для введения реформ. Чтобы сербы могли удержаться до прихода Бекир-паши, Порта предписала бейлербею, господарю Валахии и некоторым аянам снабдить их оружием и боеприпасами. О том, что Порта в этот период была на стороне сербов, свидетельствует ряд фактов. Например, отвечая на запрос австрийского посланника о причине восстания сербов, рейс-эфенди в июне 1804 г. признал: "Сербы, конечно, правы, возмущившись против белградских дахиев... И Порта до сих пор продолжает благоприятствовать им, как она это делала с самого начала". В июле 1804 г. совместными усилиями войск боснийского визиря и сербских повстанцев янычарский мятеж в Белграде был подавлен, а его предводители убиты. Но на этом белградское дело не закончилось. Позднее оно еще больше обострилось, а восстание сербов против янычар стало приобретать характер освободительного движения<sup>12</sup>.

В Герцеговине в это время также царили произвол и анархия. В связи с этим герцеговинские князы направили султану прошение, чтобы он, как сказано в письме, "во всем санджаке Герцеговинском низам учинил". В противном случае народ будет вынужден переселиться в другие государства<sup>13</sup>. Однако их мольба так и не нашла отклика, поскольку в июле 1804 г. бейлербей Румелии, по свидетельству русского консула в Бухаресте Л.Г.Кирико, заявил Порте, что он "никак не может силой принудить румелийский народ к принятию низам-джедида и что, ежели Порта настоять о том желает, то он просит увольнения от настоящего поста"<sup>14</sup>.

К августу 1804 г. стало ясно, что у Порты просто не хватает сил, чтобы сломить сопротивление румелийской оппозиции и восстановить порядок в ее балканских владениях. У сербов к этому времени было до 25 тыс. вооруженных воинов. Оценив уникальность сложившейся ситуации, предводите-

ли сербских повстанцев объявили о своем желании добиваться от Порты автономных привилегий по типу Дунайских княжеств или Ионической республики. С этой целью в сентябре 1804 г. они послали в Россию свою депутатию. Русское правительство дало согласие поддержать их требования перед Портой и Австрией. Однако Австрия и Франция выступили против и резко изменили свое отношение к сербскому восстанию, как только оно проявило свой освободительный характер. В этом отношении весьма показательна инструкция Ш.Талейрана от 13 /25/ июля 1806 г., в которой он предписывал П.Рюффену убедить Порту, чтобы она, как сказано в инструкции, "задушила в зародыше все мятежи, вдохновляемые примером сербов, поддерживаемые и поощряемые Россией". Только такая крайняя мера, писал Талейран, может лишить Россию ее влияния на христианские народы Турции<sup>15</sup>.

Таким образом, если принять во внимание вышеизложенные факты, которые обычно не учитывались ранее исследователями, то политика России в отношении славянских народов Османской империи на рубеже XIX-XIX вв. предстает вполне определенной и последовательной; а национально-освободительное движение сербов в начале XIX в. нашло понимание только со стороны России, которая вопреки сопротивлению других держав, оказала ему возможную для того периода помощь и поддержку.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нарочинский А.Л. Итоги и задачи изучения политики России и международных отношений в Юго-Восточной Европе // Внешняя политика России: Историография. М., 1988. С. 9.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. соч., Т. 1, М., 1989. С. 182.
3. Стојанчевић Б. Србија и Бугари. Београд, 1988. С. 35.
4. Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1977. С. 160.
5. Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями в XIX в. М., 1984. С. 353.
6. Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1977. С. 227-230.

7. Пејовић Д. Основни циљове првог српског устанка // Историјски часопис. Београд, 1976. № XXI  
с. 30; Пејовић Ђ. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 404-406.

8. Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XIX-XIX вв. М., 1990. С. 16-18.

9. Грачев В.П. Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 264-289.

10. Гавриловић Сл. Вести о кучи у Србији 1792-1794 // Историјски часопис. Београд, 1979, № XX-XXI, С. 279-283; Вукићевић М. Карабо рѣе. Београд, 1907, Књ. I С. 178; Грачев В.П. Балканские владения..., С. 19-20.

II. Подробнее об этом см.: Грачев В.П. Балканские владения..., С. 117-142.

12. Там же. С. 80-85, 142-186.

13. АВПР, Ф. ГА I-I3, 1804, д. 4, л. 6 . Прошение 23-х герцеговинских князей - султану Селиму III, 1804 г. /б/д/.

14. Грачев В.П. Балканские владения..., С. 98.

15. АВПР, Ф. Канцелярия МИД, 1806, д. II524, л. 66 и об. Талейран - Рюффену, 1805, июня 13/25.

Л.А.МУРАШОВА

## НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ АВПР О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ЧЕРНОГОРИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XIX в.

Время Петра I Петровича Негоша, одного из самых известных государственных деятелей Черногории - интереснейшая страница истории. Черногорский митрополит Петр I Петрович Негош приложил немало усилий как для укрепления внешнеполитического положения Черногории, так и для становления и развития ее государственности. Неудивительно поэтому столь пристальное внимание к этой теме не только югославских ученых, но также исследователей других стран.

Реформы, которые удалось провести Петру I, регламентировались законодательными актами, такими, как "Одлука" 1796 г., первый черногорский законник 1796 г., известный в историографии под названием "Стега" или "Под сенью всеобщего флага", и "Законник общий Черногорский и Бердский"

1798 г. Из перечисленных выше документов полностью сохранились рукописи законника 1796 г. и "Одлуки" /они находятся в архиве Черногории в Цетинье/. К сожалению, не сохранена даже в копии рукопись законника 1798 г. Поэтому ученые пользуются лишь опубликованными еще в середине XIX в. текстами этого законника. Где-то нет даты, где-то искажен текст, что вызывает множество споров у исследователей, занимающихся данными вопросами. Единственная возможность установить истину – найти в архивах новые документы по этой теме.

Совсем недавно в одном из фондов Архива внешней политики России, который называется "Лонгические острова", был обнаружен целый комплекс весьма интересных документов, относящихся к раннему периоду истории Черногории. Среди документов, соединенных между собой /без какого-либо хронологического порядка/ в одну тетрадку, находятся как копии документов, так и подлинники в русском рукописном варианте с оригинальными подписями митрополита Петра I Петровича Негоша, губернатора Черногорского и Бердского, сердарей и воеводы. Формат документов 33,5 x 23 см, бумага с водяными знаками, плотная, скорее всего венецианского производства.

Самый ранний документ датирован 20 июня 1796 г. Это копия, под ней нет подписей. По всей вероятности, копию изготовил служивший при Петре I Негоше дьяк Алексий. В исследованиях черногорских историков этот документ называется "Одлука"<sup>1</sup>. Он был принят на генеральном собрании в Цетинье в условиях надвигающейся опасности нападения Махмуда-паши Бушатли. Написана "Одлука" в форме клятвы, состоит из шести пунктов. В этом документе впервые провозглашается единство черногорского и бердского народов, готовность черногорцев сражаться насмерть за независимость свою и бердских братьев. Текст этого документа был опубликован в 1836 г.<sup>2</sup> без датировки. В нем также не доставало вводной и заключительной частей. Однако автор публикации 1836 г., сопоставляя другие источники этого пе-

риода, делает вывод, что документ был принят 20 июня 1796 г.

Й.Бойович в своей статье "Законодавство и центральные органы власти у Црној Гори у доба митрополита Петра I Петровича" /1784–1830 гг./ выражает сомнение в том, что "Одлука" была принята 20 июня 1796 г.<sup>3</sup> В найденном нами документе четко стоит дата 20 июня 1796 г. Далее Бойович Й. вступает в полемику с Д.Вуксаном, который в своей публикации дал этому документу название "Черногорские главари Петру I 20 июня 1796 г."<sup>4</sup> Бойович Й считает, что такое название не соответствует истине, потому что сам Петр I Петрович и был автором документа. В русском варианте текста читаем: "Мы, народа Черногорского главари и все вообще старшины ... утверждаем..." Несомненно, "Одлука" была сформулирована и разработана Петром I Петровичем. Не исключено, что предварительно была достигнута договоренность между митрополитом и главарями и старшинами, как пишет об этом Й.Бойович. Однако, как это видно из текста, на генеральном собрании черногорские главари и старшины представляли народу этот текст от своего имени. Поэтому формулировка Д.Вуксана не противоречит истине. Принятие "Одлуки" имело важное значение, так как из нее чуть позже, в августе того же года, родился первый черногорский законник, который также состоял из шести статей и в основном повторял содержание вышеназванного документа.

Еще одна из найденных копий – законник 1798 г. Он включает в себя 33 статьи. Написан тем же почерком, что и "Одлука". Во вводной его части говорится, что он был принят "1798 года, октября, 18-го дня" при монастыре Ставничи. Статьи пронумерованы арабскими цифрами. При сравнении текста законника с текстами опубликованными ранее, можно отметить некоторое их несоответствие. В статьях I-й и I4-й данного текста указывается дата принятия закона – 6 августа 1795 г., в то время как в текстах Лопова А. и Медаковича М.<sup>5</sup> – 6 августа 1796 г. Скорее всего "1795 г." – это ошибка переписчика. После статьи I6 го-

ворится: "Будучи все вышеписанные артикулы всеобщим договором или соглашением определены и подтверждены 1803 г. августа 23 числа, то в дополнение ныне всеобще и согласно следующие артикулы поставляем...", и далее следуют статьи с 17-й по 33-ю. Это примечание дает право утверждать, что в 1798 г. было принято лишь 16 статей законника, которые в 1803 г. были подтверждены, и тогда же законник был дополнен новыми семнадцатью статьями. Такой же вывод был сделан в работе Р.Петрович "Законник Петра I"<sup>6</sup>. Среди ученых существует мнение, что законник был составлен намного ранее, в 1790 г. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в опубликованном Медаковичем тексте законника после 16 статьи говорится, что эти статьи "были определены и подтверждены 17 августа 1790 г.". Можно предположить, что это не ошибка, но тогда опять-таки следует искать документы, доказывающие, подтверждающие правильность этой даты.

Найденный нами текст законника в целом совпадает с опубликованными ранее текстами, тем не менее есть одна любопытная подробность. Этот вариант был предназначен для русского царя. Первая его статья начинается словами: "Если кто отважится с соседним неприятелем против своего отечества или высокославного покровителя своего, нашего самодержца всероссийского учинить какую измену..." В опубликованных текстах Медаковича и Лопова этих слов нет. Также изменена последняя 33-я статья законника: "Должность каждого сына отечества есть быть верным и усердным, во-первых, Богу спасителю нашему и любезному отечеству и потом высокославному протектору нашему великому Государю императору Александру I самодержцу всероссийскому..." Это еще одно подтверждение того, что Владыка Петр связывал с русским государством надежды на решение как политических, так и национальных вопросов.

Следующий документ – подлинник обращения черногорцев к российскому императору с просьбой оказать содействие в организации правительства в Черногории. Тут же приложен

проект государственного устройства, внутренней организации правительства и смета расходов на его содержание. Материал рукописный. Он заканчивается подписями черногорского митрополита и ордена Святого Александра Невского кавалера Петра Петровича Негоша, черногорского и бердского губернатора Буколая Радонича, Катуньской нахии сердара Дикана Мартиновича, Црничкой нахии сердара Ивана Пламенца, Риечкой нахии сердара Николая Йошковича, бердского сердара Михаила Бошковича и Лешанской нахии воеводы Стана Јукоковича.

Вуксан Д. говорит в своей книге<sup>7</sup> о прошении черногорцев к русскому царю с проектом государственного устройства Черногории и относит его к 1798 г. А.Достян удалось найти в Архиве внешней политики России дешифрант донесения Санковского С.А. /дипломатического представителя России в Черногории. - Л.М./ с проектом государственного устройства, организации правительства и сметой на его содержание<sup>8</sup>. Сравнив текст донесения с опубликованным текстом Д.Вуксана, А.Достян сделала предположение о том, что Д.Вуксан располагал лишь недатированным отрывком этого документа. И вот перед нами подлинник прошения черногорцев, поданного 2 октября 1805 г. Текст проекта, подтверждает предположение А.Достян о том, что опубликованный Д.Вуксаном отрывок является лишь частью большого документа и составлен не в 1798 г., а семью годами позже.

При сравнении с оригиналом в тексте расшифрованного донесения Санковского выявлено несколько незначительных ошибок, не меняющих, однако, общий смысл документа. Ошибки могли быть допущены как при зашифровке текста, так и при его расшифровке.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Одлука - "решение", "постановление" /сербск./.
2. Годица, Црногорски календар за 1836 г.
3. Ђојовић Ј. Законодавство и централни органи власти у Црној Гори у доба митрополита Петра I Петровића /1784-1830/ гг. Историјски записци, година XXXV /Лу/. 1982. I-2.

4. Записи, февраль 1939 г. С. 140.
5. Попов Н.А. Путешествие в Черногорию. С.-Петербург, 1847; Медакович М. История Черногории. 1850. С.-Петербург.
6. — Петрович Р. Законик Петра I, 1930, Београд. С. 43-68.
7. Вуксан Д. Петр I Петрович Негош и его эпоха и его время. Цетине, 1951.
8. Достян А. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // ИУ Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974.

А.П.БАМОВА

### РОССИЯНЕ В ВОСТОЧНОЙ АДРИАТИКЕ В МАРТЕ 1806 - СЕНТЯБРЕ 1807 г.

История совместных боевых действий российских и приморско-черногорских войск на побережье и в водах восточной Адриатики освещена в работах В.Броневского, В.Макушева, Е.Тарле, А.Шапиро, Ю.Давыдова<sup>1</sup>. Однако обращение к советским архивам позволяет полнее на основе ранее неизвестных документов раскрыть этот короткий, но яркий эпизод в истории русско-югославянских отношений.

В начале XIX в., когда ясно проявились экспансионистские планы наполеоновской Франции в отношении Балкан, Россия предприняла ответные меры, укрепляя свои сухопутные и морские силы на Ионических островах. Здесь зимой 1806 г. сосредоточились значительные военно-морские и сухопутные войска. Их возглавил прибывший на о.Корфу в январе 1806 г. вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин – опытный флотоводец и умелый политик.

В инструкции, которую Д.Н.Сенявин получил, отправляясь на Адриатику, ему предписывалось: защищать Ионическую республику и лишь в случае особой надобности турецкое и греческое побережье. Однако развитие национально-освободительного движения в Черногории, Боке Которской, Герцеговине и Далмации побудили Д.Н.Сенявина включиться не толь-

ко в военную, но и политическую деятельность на Адриатическом побережье.

Главным очагом национально-освободительного движения в этом районе Балкан являлась Черногория, возглавляемая митрополитом Петром I Петровичем Негошем — выдающимся государственным деятелем, мудрым политиком, талантливым военачальником, полностью сосредоточившим в своих руках духовную, светскую и военную власть.

По условиям Пресбургского мира, подписанного 14 декабря 1805 г. Австрия "уступала" Наполеону в числе других земель Истрю, Далмацию и Которскую область. Войска под командованием генерала Лористона, составлявшие 7 тыс. человек с 16 орудиями, заняли Дубровник, и генерал потребовал, чтобы до 30 января 1806 г. австрийцы сдали ему Боку Которскую.

Однако войска наполеоновской Франции под командованием генерала Монитора, наступавшие с юга, дошли только до Задара /Зары/. Передвигаться к Боке морем они не решались, боясь превосходящих сил русского флота, а по суше было крайне трудно преодолевать подъемы и спуски горного рельефа, а также недружелюбное отношение местного населения. Из Задара в Далмацию был выслан передовой отряд для овладения районом Макарской<sup>2</sup>.

Между тем в Боке Которской назревало восстание. Старишины Которской области и других соседних комунитетов считали, что Австрия, под властью которой Бока перешла в 1797 г., надеясь на защиту от нападения всякой другой державы, не выполнила своего обязательства, а потому они считают себя свободными от всяких соглашений с нею и волны выбрать себе нового покровителя в лице России. Австрийские гарнизоны, находившиеся во всех восьми крепостях Которской области, ждали прихода французов. Бокельцы послали своих представителей к черногорцам, герцеговинцам, далматинцам, взывая о помощи. 29 января 1806 г. австрийский комендант Котсра сообщил жителям о сдаче Боки французам. Это вызвало бурю возмущений: венский двор обвинялся в предательстве, звучали призывы вооружаться против

французских войск и искать покровительства России.

17 февраля на Цетинье состоялся сбор старейшин, на котором решено поддержать бокельцев, послать в Боку войско в 1 тыс. человек, искать поддержки России. Черногорский сбор направил ультиматум градоначальнику Боки Которской генералу Гизлиери с требованием не уступать ее французам. Черногорцы заявляли, что не занимали Боку Которскую только потому, что считали ее переданной Александром I Наполеону, но коль скоро Россия находится во враждебных отношениях с Францией, черногорцы не позволят французским войскам занять бухту, а если они вступят на землю Котора, Черногория и все Приморье объявишь им войну. "Предупреждаем, - писали далее черногорцы, - не сдавайте Боку Которскую, чтобы нам не пришлось напасть на союзника России".<sup>3</sup>

Д.Н.Сенявин, получив от С.А.Санковского, специального представителя Александра I в Черногории, и от Петра I Петровича Негоша сообщения о событиях в Черногории, отдал приказ отряду под командованием капитана Белли выступить в поход. Принимая это решение, Сенявин справедливо считал: Которская область по Пресбургскому миру передана Франции, с которой Россия находится в состоянии войны, следовательно, должно воспрепятствовать Франции овладеть этой территорией, тем более что стратегически Которский залив расположен чрезвычайно удобно для господства морских сил на Адриатике. Отсюда можно было легко перекрыть сообщение по морю французских войск с Италией, Австрией, Далмацией.

16 февраля отряд русских судов под командованием Белли вошел в залив<sup>4</sup>. Одновременно к Которской крепости пошло двухтысячное войско черногорцев под командованием Петра I Петровича Негоша. 19 февраля капитан Белли потребовал, чтобы австрийское командование сдало все крепости Которского залива представителям бокельского народа, так как область уже не австрийская, а срок ее сдачи французам истек 30 января 1806 г.<sup>5</sup>

После недолгого сопротивления на всех восьми крепостях спущены австрийские флаги, и 21 февраля 1806 г. 140 русских солдат и канониров вышли на берег. Их встречали приветственными криками, бросали под ноги цветы. На Которских укреплениях поднят Андреевский флаг, звучала песня: "Свой своему и помощь, и слава"<sup>6</sup>.

Это не было только выражением любви к россиянам. В основе такого отношения лежала экономическая заинтересованность. Жители Боки издавна кормились морем, были отменными капитанами, лоцманами, торговцами, грузчиками, корабельными мастерами. Попав под владычество Франции, жители Боки неизбежно становились врагами Англии, которая, обладая большими возможностями, могла круто оборвать все морские связи Боки Которской, что нанесло бы серьезный ущерб благосостоянию не только бокельцев, но и их соседей черногорцев, для которых Бока была единственным выходом к международным торговым центрам.

13 марта в Герцог-Нови /Кастельново/ прибыл Сенявин. Оттуда на шлюпке его доставили в Котор, где местное население радостно и торжественно встретило его.

В тот же день он сообщил об освобождении населения от всяких податей, а бокельцы взамен предложили "свою жизнь и имущество". И это не были пустые слова. Бокельцы добровольно вступали в военную службу на российские корабли, вооружали за свой счет небольшие и мелководные суда, которые были очень удобны для использования в Боке и у берегов Далмации<sup>7</sup>.

По данным современного югославского исследователя М.Милошевича, более ста бокельских судов действовали на стороне русского флота<sup>8</sup>. Среди документов советских архивов встречаются также многочисленные свидетельства об участии бокельцев и черногорцев в морских и сухопутных частях, в составе российской армии и флота в 1806-1807 гг. на Адриатике. Чаще других встречаются в архивных документах имена Саввы Петровича, капитанов Трифона Петровича, Савелия Павловича, Николая Петровича.

О Савве Петровиче командующий войсками писал: "... будучи во всех случаях храбр и, сохраняя присутствие духа, находился всюду первой при поражении и прогнании французов"<sup>9</sup>. Трифон Петрович за свой счет вооружил десятилупечный корабль, на котором находились 25 матросов-бокельцев. Командуя кораблем "Славянин", он принял участие во взятии острова Корчула, в блокаде берегов Албании и Далмации. После того как российские корабли оставили Боку, выполнил распоряжения капитана Барятинского. На борту своего корабля перевозил русских солдат и оружие в безопасную зону. Оказывал помощь российскому флоту в Мессине и Палермо<sup>10</sup>.

Савелий Павлович сражался под Цавтатом и Дубровником, "оказал усердие и храбрость"<sup>11</sup>. А Николай Петрович, по свидетельству Сенявина, "оказал российскому флоту отличные услуги"<sup>12</sup>.

Со своей стороны Сенявин и Санковский приложили максимум усилий к тому, чтобы местное население не было никак ущемлено. Уважительное отношение к существующим в Боке законам, установлениям, привилегиям рождало ответную симпатию. Испытывая постоянно недостаток в деньгах и военных припасах, Сенявин и Санковский тем не менее никогда не отказывали своим союзникам. Командующий российским флотом передал повстанцам часть трофеев судов, захваченных в результате союзных боевых действий<sup>13</sup>. В работах по укреплению крепостей Боки Которской, которые велись по распоряжению командования, принимали участие только россияне, бокельцы к этим тяжелым работам не привлекали. "С тех пор как войска российские сюда вступили, - докладывал Сенявин Александру I, - не только не взято с жителей даже самой малейшей контрибуции, но, напротив того, подаваема им была всякая помощь, а также крепостные и прочие здесь работы производились нашими людьми, не требуя никакого вспомоществования от народа"<sup>14</sup>.

Разумеется, события не всегда развивались так гладко, как хотелось бы, о чем свидетельствуют сохранившиеся в ар-

хвах инструкции русским солдатам. Совместные военные действия российских, черногорских и приморских войск требовали большей согласованности. Храбости югославянам было не занимать, значительно хуже обстояло дело с дисциплиной. По мнению офицера русской эскадры известного публициста Л. Свирьина, очевидца событий, складывалось впечатление, что приморские войска нуждались в усилении таких качеств, которые облегчили бы общие, согласованные их действия с регулярной русской армией. Сенявин вводил воинский порядок в эти войска, что было возможно и воспринималось спокойно при неограниченном к нему доверии.

Помогал регулировать взаимоотношения между российскими и приморско-черногорскими войсками и С. А. Санковский. Так, плац-майору поручику витебского мушкетерского полка В. Начвалодову он составил инструкцию, которой должно было определяться взаимодействие в войсках. В инструкции среди прочих пунктов значилось: "Заботиться о согласии и дружелюбии между союзниками ... арестовывать за злоказычие, попытки сеять рознь ... учредить словесный суд над теми, кто не подчиняется дисциплине..."<sup>15</sup>.

Даже мелкие конфликты Сенявин стремился решать совместно с представителями комунитад. Он пресекал малейшее проявление неуважения к черногорцам и бокельцам со стороны русских офицеров и рядовых и, наоборот, всячески поощрял дружественные отношения с союзниками. К черногорцам и бокельцам "приказано обращаться со всей лаской и дружелюбием ... командиры должны внушать подчиненным свой долг обхождения с жителями, причем относиться с уважением ко всем, поелику у них по платью ни знатного дворянина, ни простого человека различить нельзя", - говорилось в одном из распоряжений Сенявина.

Он заботился о доверии к России, а потому требовал, чтобы "всяк бы отдавал справедливость благородной вежливости военнослужащих, свойственное всем россиянам ... грубость по отношению к союзникам может обесславить не только все войско здесь находящееся, но и целую нацию"<sup>16</sup>. За нару-

шение приказа взыскивали сурово и с рядовых, и с командиров.

Далеко не все командующие и офицеры одобряли политику, проводимую Сенявином в Боке Которской. Так, у него возник конфликт с генерал-майором, шефом I3 стрелкового полка кн. Вяземским. Причиной послужила жалоба Петра I Петровича Негоша на то, что некоторые офицеры "произносили ругательные укоризны всему вообще войску черногорскому и от самого генерала Вяземского некоторыми неприличными выражениями обижен"<sup>17</sup>. Вяземский был действительно раздражен плохим состоянием крепостей, недостатком оружия, отсутствием у черногорцев и бокельцев регулярного войска, а главное, он считал, что "народ сей не заслуживает защищения нашего"<sup>18</sup>. В этом он резко расходился с Сенявином. В результате Вяземский подал рапорт об увольнении, а Сенявин продолжал строго взыскивать с офицеров и солдат за малейшее проявление недоброжелательства по отношению к союзникам.

Записки каноника Койовича из Будвы, современника событий, свидетельствуют о том, что "русские никого не обижали и не утесняли. Офицеры были хорошо воспитаны, а солдаты вежливы. Они были снискодительны и совершенно не суровы... Кто хотел бы сказать что-либо плохое о русских, по крайней мере о тех, которые были в Будве, заслужил бы имя лживого человека"<sup>19</sup>.

Сенявин заботился о безопасности передвижения бокельцев по морю, для их сопровождения формировался конвой из русских военных кораблей<sup>20</sup>. Когда военный комендант Триеста австрийский фельдмаршал фон Цах под давлением наполеоновской администрации арестовал 50 бокельских судов под русским флагом, Сенявин подвел к Триесту три российских корабля и один фрегат и поставил их напротив батареи города. На угрозу Цаха открыть огонь по русским кораблям, Сенявин отвечал: "Стреляйте, но помните, что даже двадцатитысячная французская армия не спасет вас, если вы не будете соблюдать нейтралитет"<sup>21</sup>. Через час бокельские су-

да были освобождены. На них под крики "Ура" взвились русские флаги, и они беспрепятственно покинули порт. Сенявин в своих донесениях писал, что "встал на защиту чести и достоинства российского флага".

Пребывание русских в Боке Которской, Далмации и на Адриатике, их доброжелательное, уважительное отношение к местному населению послужило сигналом к выступлениям православного населения соседних областей против армии французов. На имя Санковского приходили многочисленные обращения, подобные тому: "Прадеды и деды наши да и мы сами, - писали старейшины Рисанской комунитады, - желаем быть не только под высочайшим покровительством, но и верноподданными единоверного и единоязычного великого государя императора всероссийского на правах наших привилегий и обещаем все единодушно мы и население наше по возможности нашей противо неприятеля его сражаться, не щадя даже жизни своей. Почему уполномачиваем и посыпаем в.в., яко к министру е.и.в. от лица всей здешней комунитады братьев наших капитана Джуровича, байрактара Дм. Лукича, судью М. Поповича, кн. Богдана Самарджича и кн. Ивана Бербера для представления усердного нашего желания"<sup>22</sup>.

От каторских комунитад, из Герцеговины и Далмации к представителям России Сенявину, Санковскому, а также на имя Александра I поступали многочисленные прошения о помощи. "Просим сохранить от ужасного разорения, иначе пропадет целая провинция", - писали старейшины общины Рисан<sup>23</sup>. "Скорее смерть, чем предаться врагам", - заканчивали послание старейшины Загоры<sup>24</sup>. Защиты и покровительства просила община Котор<sup>25</sup>. О многочисленных обращениях к нему за помощью жителей Котора, Кастельново, Ластуа, Лепетан, Теодо, Доброты, Столива, Будвы, Жупы, Лобор, Майне, Браича, Вравца, Видно, Паштровичской нахии Сенявин сообщал Александру I<sup>26</sup>.

Представителю России в Черногории Санковскому приходилось сдерживать православное население соседних с Черногорией областей, призывать его сохранять мир и спокойствие,

так как ни подданство, ни протекторат над югославянскими землями в то время не входили в планы русского двора.

Освободительное движение югославянских народов, развернувшееся в конце XIX в. в значительной мере под влиянием идей Великой французской революции изменилось с того времени, когда войны, которые Франция вела на Балканах, приняли завоевательный характер. Что касается России, то, хотя она исходила из собственных государственных интересов, ее цели на данном этапе совпадали с целями национально-освободительных движений на Балканах. И это совпадение приводило к прямому боевому сотрудничеству.

Ведя военные действия в районе Боки Которской, Цаватата, Дубровника, островов Ерачо и Корчула, Сенявин в донесениях Александру I, отмечая подвиги российских матросов и сухопутных войск, не забывал похвалить союзников: "Черногорцы и бокельцы в сем деле славно отличились", – неоднократно писал он<sup>27</sup>. "По всему можно видеть, что черногорцы великий наводят ужас на французов, ибо коль скоро сии завидят где черногорцы вблизи, то немедленно обращаются в бегство, что можно приписать между прочим и тому обстоятельству, что черногорцы преискусные стрелки и с удивительной легкостью поднимаются на самые крутые, почти неприступные горы и скалы".<sup>28</sup>

Не забывал выражать благодарность союзникам и черногорский митрополит. После известного боя у села Еосанка 8 июня 1806 г., он писал: "Победа над французами приписывается оружью е.и.в. и храброму, неустрешимому его войску. Из сего не исключается и войско черногорское, коее вперед ходило войскам регулярным и путь им отворяло"<sup>29</sup>.

Торжественно награждая за участие в боях на Адриатике храбрейших солдат, матросов и офицеров, Сенявин обратился к местным жителям: "Неприятель удивлен вашей твердостью. Дерзость врага, осмелившегося ступить на землю вашу, наказана. Я имел удовольствие видеть опыты усердия, наряда, оказанного в содействии с войсками мне порученными". Такое уважительное отношение к народам, которых французский генерал Мармон в своих заявлениях иначе как

варварскими не называл, благотворно сказывалось на дальнейшем развитии русско-югославских отношений.

3 августа Сенявин вновь начал вести активные военные действия. Стряд из 4 линейных кораблей и одного фрегата под командованием Сорокина осадил Дубровник. 2 сентября соединенные силы черногорцев, приморцев и герцеговинцев напали на французские войска, двигавшиеся на подкрепление в Дубровник. Орудиями российских кораблей были сбиты батареи, охраняющие вход в залив. 18 сентября состоялся решительный бой под Кастельново. У генерала Мармона было значительное превосходство в силах, однако он потерпел поражение. Французские войска отступили и вновь закрепились в крепости Дубровник.

"Во время боев, — сообщал Сенявин, — французские войска учинили варварский разгром беззащитных земледельцев Боки. Они предавали огню и убивали все живое на территории Боки ди Катарро, в Далмации и Герцеговине".

Трехдневные жестокие бои показали, что если у Сенявина нет сил, чтобы взять Дубровник, то у Мармона не хватает сил овладеть Бокой Которской.

В конце лета 1806 г. русские, соединенные с черногорско-приморскими войсками господствовали на Адриатике. Широкие планы Наполеона овладеть Бокой, Далмацией, Черногорией не были осуществлены. Русские корабли перехватывали французские, итальянские торговые суда на Адриатике. Сенявин и Санковский, сторонники активных действий, считали, что занятие российскими войсками Боки Которской, Далмации и Дубровника лишило бы Францию плацдарма, с которого она предполагала проникнуть вглубь Балканского полуострова, к Ионическим островам, к Босфору и границам России. По их мнению, у России в это время был шанс изменить стратегическую обстановку в Центральной Европе. Не берусь обсуждать эту точку зрения, но очевидно, что даже то, что было сделано в марте 1806 — августе 1807 гг. имело большое значение. Занятие Которской области, изгнание французских войск с о. Корчула, значительное улучшение позиций России и условий

базирования русских средиземноморских сил, затруднило проникновение французских войск в Албанию, Грецию, обеспечило оборону Ионических островов.

В ноябре 1806 г. в Дубровник прибыли австрийские представители. Пока французское и австрийское командование совещалось в Дубровнике, русско-приморские войска овладели островами Корчула и Брачо. В декабре 1806 г. Сенявин продолжал заниматься укреплением крепостей Котора, а французские войска оставались в Дубровнике, не помышляя о взятии Боки. В октябре 1806 г. иррегулярное войско, готовое к военным действиям против французской армии, составляло 3 тыс. 200 человек /далматинцев - 830, черногорцев - 600, кастельновцев - 800, бокельцев - 1 тыс. человек/ .

Однако свободное плавание российских кораблей в восточной Адриатике и успешные военные действия против наполеоновской Франции были возможны пока сохранялся мир с Портой, пока оружие и припасы можно было поставлять через Босфор и Дарданеллы, пока основные силы Франции были отвлечены войной на севере. Понимая это, Сенявин в донесении главе морского министерства П.В.Чичагову еще раз настаивал на том, что Бока является очень важным стратегическим пунктом, владея которым, можно обезопасить Россию от нападений со стороны Порты.

Когда стало очевидно, что французская армия примет решительные меры, чтобы занять всю территорию Дубровницкой республики и Далмации, Сенявин, готовя войска к отражению наступления, считал необходимым предупредить местных жителей - своих союзников, что, возможно, российские войска вынуждены будут покинуть Адриатическое побережье и бокельцам придется подумать о своей защите. Предупреждение было своевременно .

В декабре - январе 1807 г. политическая обстановка в Европе изменилась. 30 декабря 1806 г. Турция, подстрекаемая Наполеоном, объявила войну России, что означало угрозу закрытия проливов и парализацию действий русского флота на Адриатике и в Средиземноморье.

Наполеон, заняв Берлин, нанеся серьезные удары российской армии в Европе, предложил начать сепаратные переговоры о мире. 10 июня 1807 г. было подписано перемирие, а 25 июня в Тильзите заключен мирный договор о наступательном и оборонительном союзах . Первая секретная статья Тильзитского договора гласила: "Российские войска сдадут французским войскам землю, известную под названием Катарро".

Сенявин получил предписание прекратить военные действия и оставить Котор и Корфу, сдав их французским войскам. Оставив Котор, Корфу, Ионические острова, выведя эскадру из Средиземного моря, Россия потеряла свои стратегические и политические позиции в восточном Средиземноморье и юго-западной части Балканского полуострова. Внутренние ресурсы и военные средства царской России оказались недостаточными для выполнения ее внешнеполитических замыслов в Юго-Восточной Европе, возникших в связи с экспансиею наполеоновской Франции в этом регионе. Итак все усилия российского флота оказались тщетными. Эскадре Сенявина было дано распоряжение покинуть Адриатику. Вместе с уходом россиян рушились надежды руководителей национально-освободительного движения в Черногории, Боке Которской, Далмации, Герцеговине. Успехи российского флота в 1798-1800 и в 1806-1807 гг. были преданы забвению и до смерти Александра I Сенявин находился не у дел.

Однако для развития русско-югославянских отношений совместная борьба против общего врага имела большое значение. Боевое содружество позволило соприкоснуться этнически близким народам, оценить мужество и храбрость друг друга, способствовало установлению симпатий между людьми. На Адриатике и в Черногории навсегда осталась память о российских офицерах, матросах и солдатах сенявинской поры.

Добрая память российских сердец о своих югославянских собратьях в трудной общей борьбе нашла отражение на страницах документов, записок, мемуаров бывших участников кампании на Адриатике.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 г. по 1810 г. Ч. I-II. 2-е изд. СПб., 1836-1837; Макушев В. Задунайские и а드리атические славяне. СПб., 1867; Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземном море /1805-1807/. М., 1954; Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н.Сенявин. М., 1958; Давыдов Ю. Сенявин. М., 1972.

2. АВИР. Ф. ГА-І-5, 1805-1821 г. Оп. 4. д. І. л. 3. ч. І. л. 172. Г.Войнович - С.А.Санковскому от 18 февраля 1806 г.

3. Там же. л. 123-123 об. Послание черногорского сбора за подписью В.Радонича, сердарей, воевод и князей от 17 февраля 1806 г.

4. ЦГА ВМФ. Ф. Канцелярия Сенявина. д. 33. л. 6 - 6 об. Рапорт Белли Сенявину от 21 февраля 1806 г.

5. Прилози за повестницу Боке Которске. Ч. II. Дубровник, 1878. С. 30.

6. Макушев В. Задунайские а드리атические славяне. СПб., 1867. С. 175.

7. История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 84-88.

8. Milošević M. Jstorijiski tokovi na području zaliva, Kotor, Zagreb. 1970. S. 20-29.

9. АВИР. Ф. ГА-І-5, 1805-1821. Оп. 4. д. І. л. 3. ч. П. л. 192. Атtestат, выданный Савве Петровичу ген.-майором, шефом 13 егерского полка кн. Вяземским.

10. АВИР. Ф. ГА-І-5, 1815-1837. Оп. 3. д. 4. л. 5. Атtestат, выданный Т.Петровитчу капитан-лейтенантом Снак-саревым от 4 июня 1807 г.

11. АВИР. Ф. ГА-І-1, 1812 г. Оп. 30. д. 3. л. 2. Атtestат, выданный майором Забелиным от 22 июля 1806 г.

12. АВИР. Ф. ГА-І-5, 1815-1837 г. Оп. 38. д. 4. л. 23. Атtestат выданный Н.Петровичу Сенявиним от 18 сентября 1807 г.

13. ЦГА ВМФ. Ф. Канцелярия Сенявина. д. 162. л. 109. Сенявин - Негошу от 3 июля 1806 г.

14. АВИР. Ф. Канцелярия МИД, 1806 г. Оп. 468. д. 1247. л. 88 об - 89 об; ВИР. Т. Ш. С. 281. Донесение Сенявина Александру I от 18 /30/ марта 1806 г.

15. АВИР. Ф. ГА-І-5, 1805-1821 г. Оп. 4. д. І. л. 3. ч. І л. 263-264. Наставление С.А. Санковского поручику витебского мушкетерского полка В.Начвалодову от 30 марта 1806 г.

16. ЦГА ВМФ. Ф. Канцелярия Сенявина. Д. I56. Л. 65.  
Приказ Сенявина от 1 июля 1806 г.
17. АВПР. Ф. Канцелярия МИД. I806 г. Оп. 468. Д. I247.  
Л. 74. Негош - Сенявину от 2 июля 1806 г.
18. Там же. Л. 73. Рапорт Сенявина - Александру I от  
20 июля 1806 г.
19. Прилози за повестницу Боке Которске. Ч. П. Дубров-  
ник, I878. С. 32; Ковачич Р. Записки каноника доктора  
Койовича будвянинца.
20. ЦГА ВМФ. Ф. Канцелярия Сенявина. Д. I62. Л. 48 об.  
Ордер Сенявина Белли от 22 марта 1806 г.
21. Давыдов Ю. Сенявин. М., I972. С. 90.
22. АВПР. Ф. ГА-I-7, I803-I809 гг. Д. 4. П. 6. Л. 66.  
Обращение старейшин Рисанской комунитады к С.А. Санковско-  
му от 8 февраля 1806 г.
23. АВПР. Ф. ГА-I-5, I805-I82I г. Оп. 4. Д. I. П. 3.  
Ч. П. Л. I80-I8I об. Старейшины общины Рисан Александру I  
от 1 июня 1806 г.
24. Там же. Л. I20-I20 об. Обращение старейшин Загоры к  
Александру I от 5 июня 1806 г.
25. Там же. Л. I23-I23 об. Старейшины Котора Александ-  
ру I.
26. ВПР. Серия I. Т. Ш. С. 205. Сенявин - Александру I  
от 16 /28/ июня 1806 г.
27. АВПР. Ф. Канцелярия МИД. I806 г. Д. I247. Л. 9-9об.  
Донесение Сенявина - Александру I от 16 /28/ июля 1806 г.
28. Там же.
29. АВПР. Ф. ГА-I-5, I805 г. - I82I г. Оп. 4. Д. I. П.  
3. Ч. П. Л. I20-I2I, I86-I87. Петр I Негош - Сенявину от  
8 июня 1806 г.
30. Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н. Сенявина в Среди-  
земное море. М., I954. С. I93.
31. АВПР. Ф. Канцелярия МИД. Д. I250. Л. 49. Донесение  
Сенявина послу в Вене Разумовскому.
32. АВПР. Ф. ГА-I-5. I805-I82I г. Оп. 4. Д. I. П. 3. Ч.  
П. Л. 435. Штат нерегулярным войскам ныне на лицо состоя-  
щим I6 октября 1806 г.
33. ВПР. Серия I. Т. Ш. С. 63I-649.

## РОССИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В 30-Х - 40-Х ГОДАХ XIX В.

На протяжении 30-х - 40-х годов XIX в. балканское направление внешней политики России оставалось одним из важнейших среди общего комплекса отношений со странами Западной Европы. Именно ситуация на Балканах послужила толчком к тому противостоянию держав, которое привело в начале 50-х гг. к Крымской войне. Внешняя политика России предвоенных десятилетий не подвергалась до сих пор тщательному изучению вследствие "невыгодности" данной темы. Консервативные тенденции международного курса царизма, превратившие Россию в "жандарма Европы", очевидны и получили соответствующую оценку в исторической литературе. Не составляет исключения и баланская политика российского правительства. Однако, в силу специфических интересов России в данном регионе, ее давних связей с православным населением Османской империи, а также сложившихся политических и экономических отношений с балканскими провинциями, внешнюю политику царизма на Балканах в 30-е гг. нельзя охарактеризовать однозначно как сугубо консервативную.

На протяжении 20-х гг. XIX в. Россия традиционно поддерживала освободительные движения балканских народов. После заключения Адрианопольского мира 1829 г. на Балканах произошли важные изменения, зафиксированные в русско-турецком договоре. Сербия получила автономию, расширились права Дунайских княжеств, в начале 1830 г. Греция провозглашена независимым государством: Все это изменило социальнополитическую ситуацию в регионе. Вновь созданные государственные образования получили возможность заняться своим внутренним устройством, разработкой законов и конституций. Вполне закономерно, что местные правительства чувствовали необходимость избавиться не только от явного гнета османских властей, но и любого другого вмешательства в свою внутреннюю жизнь. Это касалось и державы-покровительницы,

каковой долгое время являлась Россия, претендовавшая на руководство всей политической жизнью данных провинций. Европейские революции начала 30-х гг. и нестабильность общей политической ситуации служили для российского правительства обоснованием необходимости вмешательства во внутрpolitическую жизнь тех, кому до недавнего времени оно оказывало поддержку.

В начале 30-х гг. политическое влияние России на Балканах и в Турции было очень велико. В результате недавно завершившейся войны России с Османской империей политическое и финансовое положение последней было подорвано. Турецкое правительство выплачивало крупные суммы контрибуции, до полной уплаты которой войска победительницы оставались на территории Дунайских княжеств. Вырос престиж России среди балканских народов. В глазах сербов, черногорцев, молдаван, валахов, греков и болгар Россия оставалась освободительницей. Это мнение бытовало несмотря на весьма умеренные результаты "освобождения" балканских народов из-под османского гнета. Известно, что сербы были все же недовольны условиями Адрианопольского мира, а болгарам, которым было отказано даже в частичных свободах, предоставлялось лишь право переселения в Россию, чтобы укрыться от гнева османских властей за сотрудничество с русской армией во время войны.

Тем не менее, политическая ситуация на Балканах изменилась, она требовала новых форм социально-экономической жизни общества, ведших к развитию капиталистических отношений в новых государственных образованиях. Все эти процессы совершенно игнорировались российскими правящими кругами, по-прежнему считавшими балканский регион сферой своего традиционного влияния и не желавшими изменить хотя бы внешние формы "покровительства". Теперь, когда большинство балканских народов получило возможность развития в рамках национальных образований, это пресловутое "покровительство", зачастую оказываемое в форме грубого вмешательства во внутренние дела молодых государств, стало тяготить местные власти и порождало закономерное стремление избави-

ться от обременительного контроля бывшей высокой союзницы – России. Отсутствие гибкости во взаимоотношениях с новым руководством послужило причиной все углубляющегося кризиса доверия к России, приведшего в ряде случаев к полной потере ее былого влияния и переориентации балканских государств на поддержку со стороны других европейских стран – давних соперниц России на Балканах.

Усиление консервативных тенденций во внешней политике России и как следствие, потеря былых позиций на Балканах происходили на протяжении всего исследуемого периода. Это не могло не волновать российских политиков. Видный дипломат Ф.И.Бруннов имел случай заметить в 1835 г.: "Надо признаться, что вообще Россия получает мало доказательств признательности за благодеяния, оказанные ею народам, которые она изъяла из-под деспотизма Порты. Из этого еще не следует, чтобы мы сожалели о доставленном им нами благосостоянии, но это служит нам поводом к тому, чтобы не идти далее и не эманципировать вполне областей, которые даже в настоящем их состоянии административной независимости не признают руки, даровавшей им это благодеяние"<sup>1</sup>. Россия ждала от балканских народов особой признательности за "благодеяния", не получив которой могла эти "благодеяния" умерить или прекратить вовсе в качестве наказания. Российские политические деятели, как видно, не отдавали себе отчета в том, что уже не в их власти решать, "эманципировать" ли ей балканские народы дальше или подождать более подходящего момента. В действительности процессы, происходившие на Балканах, уже вышли из-под контроля России.

30-е гг. XIX в. начались для России с крупной внешнеполитической победы – заключения Ункяр-Искелесийского договора, знаменовавшего собой высшую точку российского влияния в Турции. Русско-турецкий договор, подписанный 26 июня /6 июля/ 1833 г. и увенчавший русскую морскую экспедицию к берегам Босфора по приглашению самого султана, явился огромным успехом русской внешней политики и отвечал претензиям Николая I на "сильное влияние" в Царьграде, подоб-

ное тому, "коим пользуется Англия в Португалии"<sup>2</sup>. Это была уже серьезная заявка на преобладание в проливах и право охранять вход в Черное море, сравнимое с контролем Англии над входом в Средиземное. То, чего Россия не сумела достичь в результате русско-турецкой войны и заключения Адрианопольского мира, далось ей без кровопролития в 1833 г. в результате заключения Ункяр-Искелесийского договора.

Условия Ункяр-Искелесийского договора предполагали, что на восемь лет Черноморские проливы будут закрыты для военных судов иностранных держав. Кроме этого важнейшего условия договор значительно улучшил русско-турецкие отношения, следствием чего стали возможными некоторые дополнительные меры, направленные на защиту интересов турецких подданных-христиан. После заключения Ункяр-Искелесийского договора произошло определенное сближение между Россией и Турцией. В 1833 г. посольство Ахмед-паша выехало в Петербург для переговоров о ходе выполнения условий Адрианопольского мира. В 1834 г. по Петербургской конвенции царское правительство прощало Порте третью контрибуцию и снижало в два раза сумму ежегодных выплат<sup>3</sup>. Все эти послабления явились своего рода уступкой России Турции за Ункяр-Искелеси. Заключенная конвенция требовала признания ее правомочности со стороны западных держав. Российские власти сознавали необходимость привлечь к этому успешному для них двустороннему соглашению и другие европейские силы, но не могли сделать этого, не уступив часть своего единоличного влияния в Турции и проливах. Наконец, Россия пошла на этот шаг, привлекая в союзники державу, с одной стороны, ревниво следившую за русскими успехами на Ближнем Востоке, с другой - крайне заинтересованную в поддержании дружественных отношений с Россией - Австрию.

В сентябре 1833 г. между ними была заключена Монхенгрецкая конвенция. Присоединение третьей страны к заключенному ранее русско-турецкому договору хотя и ограничивало влияние России в Турции, в то же время придавало

этому соглашению большую прочность и законность. По словам К.В.Нессельроде, Мюнхенгрецкая конвенция обещала, "что во всех будущих замешательствах на Востоке мы будем видеть Австрию с нами, а не против нас"<sup>4</sup>. Однако, эти надежды оказались тщетными: Мюнхенгрец стал первым шагом отступления России от роли державы, контролирующей режим проливов. Англия и Франция старались приложить максимум усилий к тому, чтобы сравняться в этом качестве со своей более удачливой соперницей, а при случае и заменить ее. Такая возможность предоставилась в конце 30-х гг., когда на Ближнем Востоке разразился очередной кризис, связанный с новой попыткой египетского правителя отделиться от Турции. Потеря самостоятельности России в улаживании очередного турецко-египетского конфликта наложила отпечаток и на общую политику по отношению к балканским народам и предопределило ее неуспех в 40-х гг. XIX в.

Новый кризис конца 30-х гг. существенно повлиял на расстановку сил и перераспределение сфер влияния в этом регионе. После заключения Ункяр-Аскелесийского договора западные державы вынашивали план его быстрейшего уничтожения и заключения такого документа по восточным делам, условия которого позволяли бы им играть ведущую роль в Турции. В самой России также существовали политические силы, которые считали, что существующая русско-турецкая конвенция лишь расширяет число недругов России и ратовали за скорейшее ее аннулирование. Выразителем их интересов стал К.В.Нессельроде. Он считал конвенцию "слабым местом"-российской внешней политики и полагал, что если ее нельзя уничтожить, то по крайней мере не следует продлевать после истечения срока ее действия, т.е. в 1841 г.<sup>5</sup>

Уже в 1837 г.английское правительство пыталось выступить с заявлением, что срок действия конвенции подошел к концу<sup>6</sup>. Однако, в это время "отменить" документ не удалось. Но уже в 1839 г. русский посол в Лондоне Ф.И.Бруннов высказал английскому министру иностранных дел Пальмерстону намерение Николая I не возобновлять русско-турецкое согла-

шение по истечении его срока. Для английского кабинета это заявление было полной неожиданностью: то, чего предстояло добиваться путем сложных политических комбинаций, само шло в руки. Россия, казалось, также получила желаемое: Бруннов докладывал из Лондона, что в лице Англии Николай I приобрел надежного союзника против Франции. Расчеты эти, как показали дальнейшие события, оказались несостоятельными.

С началом нового восточного кризиса, явившегося продолжением конфликта между Мухаммедом Али и султаном, позиции западноевропейских держав резко разделились. Традиционная покровительница египетского паша – Франция – и на этот раз поддерживала претензии Мухаммеда Али на Сирию, чего пытались не допустить ни Турция, ни Англия. Поскольку развернувшиеся военные действия между войсками султана и паши привели к полной победе египетских сил и разгрому турецкой армии в битве при Незибе /24 июня 1839 г./, усилилась конфронтация западноевропейских держав по восточному вопросу. Россия, после 1833 г. выражавшая надежду на то, что ее "призовут вторично" для урегулирования турецко-египетского кризиса в будущем, должна была признать полную несостоятельность своих политических прогнозов. Западные державы, разделенные в данной ситуации своекорыстными соображениями, объединялись лишь в одном: они полагали, что Россию безусловно следует изолировать от участия в конфликте на Востоке и не допустить ее усиления на берегах Босфора. Начавшийся кризис предоставлял им счастливую возможность аннулировать прежнюю русско-турецкую конвенцию и заменить ее коллективным соглашением.

К этому времени ясно выявилось стремление России к изоляции Франции в решении египетских дел. В свою очередь, Англия хотела исключить любую возможность "франко-русской комбинации". Таким образом, английские политики старались поддержать явно выраженное стремление российского правительства к русско-британскому сближению в ущерб Франции, его готовность пренебречь собственными интересами на востоке ради успеха складывающегося союза. Результатом поли-

тики Англии по изоляции как Франции, так и России стала англо-австрийская интервенция в Сирию при участии сухопутных турецких военных сил в сентябре 1840 г. Взятие Бейрута и победа союзных войск в Сирии привели к окончанию англо-французского кризиса при безусловном господстве Англии в этом регионе. Наследственная власть Мухаммеда Али ограничивалась Египтом, его притязания на Сирию были отклонены.

Возникшие к началу египетского кризиса англо-французские противоречия Россия пыталась использовать для сближения с Англией. Ради изоляции Франции российское правительство готово было пренебречь собственными интересами. 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Турция подписали конвенцию о проливах, хотя основной вопрос в ней был территориальный. Мухаммед Али получал Египет в наследственное владение и Акку в пожизненное; Россия, Англия и Австрия обязывались защищать Константинополь, вводя при необходимости свой флот в проливы, которые закрывались для военных судов всех держав "пока Порта находится в мире".

Николай I был настолько воодушевлен устранением Франции от участия в "концерте" держав, что мало придавал значения тому факту, что Лондонская конвенция 1840 г. практически сводила на нет все успехи России, достигнутые в Турции и проливах в предыдущие годы и, по сути, заменяла собой Ункяр-Йскалеский договор. Выигрыш от сближения с Англией также оказался иллюзорным, поскольку англо-французские противоречия забывались каждый раз, когда речь заходила о "русской угрозе" на Ближнем Востоке. Именно это и произошло уже к началу 1841 г.

Лондонская конвенция 1840 г. явилась для России шагом назад и во взаимоотношениях с ее западными партнерами. Она оказалась запертой в Черном море, а главное - условия конвенции допускали вмешательство третьих держав в решение вопросов между двумя черноморскими империями - Россией и Турцией, чего, в первую очередь стремились избежать руководо-

дители российского внешнеполитического ведомства во все предыдущие годы. К неудачам российской европейской политики надо отнести и то, что к подписанию второй Лондонской конвенции в 1841 г. была приглашена Франция, несмотря на резкие протесты Николая I. 13 июля 1841 г. состоялось подписание второй Лондонской конвенции. По сравнению с предыдущим, условия этого документа были больше ориентированы на урегулирование статей морского права, а не территориальных вопросов. Режим Босфора и Дарданелл был окончательно поставлен под общеевропейский контроль. "Древнейшее право" Турции открывать и закрывать проливы по своему усмотрению грубо попиралось условиями конвенции. Они предполагали косвенное ослабление Османской империи, неспособной теперь противостоять вмешательству держав в свои внутренние дела<sup>8</sup>. Что касается России – второй черноморской державы – условия конвенции предопределяли ослабление ее прежних позиций не только в проливах, но и на южных морских границах, облегчали контроль европейских сил над двусторонними русско-турецкими отношениями.

Таким образом, Лондонские конвенции 1840 и 1841 г. были заключены в результате перегруппировки европейских сил, которая произошла к концу 30-х – началу 40-х гг. XIX в. Россия с самого начала турецко-египетской войны не была допущена к коллективным действиям держав и не получила возможности укрепить свое положение на Ближнем Востоке путем оказания Турции военной помощи, сухопутной или морской. Русско-французские противоречия были умело использованы Англией для собственного укрепления в этом регионе в результате отказа России от имеющихся привилегий в проливах и Турции, что вытекало из принятого принципа коллективного контроля над проливами. Политический авторитет Англии на Ближнем Востоке значительно укрепился, она приобрела доминирующее влияние, заменив Россию. На долю России, пользуясь словами С.С. Татищева, "выпала роль подчиненная, менее, чем второстепенная"<sup>9</sup>. В случае войны между Россией и любой из держав, Порта могла впустить в

Черное море неприятельский флот. Такое положение, безусловно, не могло удовлетворить российские правящие круги. Сложившаяся политическая ситуация на Ближнем Востоке потенциально уже содержала в себе зародыш будущего военно-го конфликта между Россией и западными державами.

Балканская политика России в 30–40-е годы XIX века отмечена острым драматизмом ситуаций. Это и достижение высшей точки влияния России в Турции, которое было закреплено Ункяр-Искелесийским договором 1833 г. – и Лондонские конвенции 1840–1841 гг., уничтожившие привилегированное положение России в Османской империи и сыгравшие свою негативную роль в завязывании узлов международных конфликтов, в полной мере проявившихся перед началом Крымской войны. Двойственная роль России среди балканских народов как никогда ярко проявилась именно в это время. С одной стороны, только Россия выступала в качестве державы, оказывавшей поддержку освободительным движениям православных народов Балкан. С другой – непоследовательность и консерватизм ее внешней политики не позволили проявиться этой поддержке в полной мере, что в результате вело к замедлению освободительных процессов в покровительствуемых регионах и полному разочарованию национальных балканских правительств в получении действенной поддержки от российских правящих кругов.

Безусловно, реакционность русской внешней политики, в полной мере выразившаяся в подавлении ряда европейских революций и принесших России нелестную славу "жандарма Европы", сказалась на ее взаимоотношениях с османской Турцией. Однако, неверно было бы утверждать, что по отношению к балканским народам общая реакционная политика царизма была проявлена в полном объеме.

Консерватизм правящих кругов России дал о себе знать и тем, что они не смогли выйти за рамки взаимоотношений с балканскими народами, которые сложились в предыдущие десятилетия и которые не могли оставаться неизменными в ходе развития национально-освободительных процессов и складыва-

ния новых социально-политических структур в национальных государственных образованиях на Балканах. Отставание России от хода развития капиталистических отношений в передовых европейских странах сыграло свою негативную роль и в русско-балканских связях. Молодые государства, возникавшие на обломках Османской империи, были ориентированы на западные идеалы политического устройства. Этому способствовали и активные экономические связи, также преобладавшие с европейскими державами. Феодально-монархический строй России и неразвитость торгово-экономических связей со странами балканского региона служили препятствием для сохранения прежней прорусской ориентации практически всех народов Балкан. Боязнь всего нового, приведшая к прямому вооруженному вторжению с целью подавления валашской революции в 1848 г., полностью дискредитировала политику российского правительства среди балканских народов. Сыграв свою историческую роль державы-покровительницы, оказывавшей постоянную и действенную поддержку освободительным движениям православных народов Османской империи в предыдущие десятилетия, консервативные силы России стали тормозом на пути развивающихся структур новых государств. Переориентировка на поддержку прогрессивных западных сил явилась закономерным результатом развития внутриполитической жизни в данный период на стадии формирования государственных учреждений.

Потеря политического влияния сначала в Греции, затем в Сербии и Дунайских княжествах была в какой-то степени компенсирована некоторым повышением престижа России в Черногории, куда обратилось внимание российского правительства. Однако Черногория не играла столь значительной роли в международных отношениях, да и помочь ей была оказана лишь в ограниченных размерах. Поэтому усиление позиций России в этой области не могло возместить общего упадка влияния России в балканских странах и Турции. Обострение международных противоречий в этом регионе было чревато вооруженным столкновением с западными противниками, более успешно в данный период претендовавших на роль покровите-

лей освободившихся балканских народов. Это вооруженное столкновение, подготовленное всем ходом соперничества европейских сил с Россией на Балканах, произошло в 1853 г.

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 315.

2. Там же. С. 385.

3. Киняпина И.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 194.

4. Цит. по: Татищев С.С. Указ. соч. С. 309.

5. Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 - начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 97.

6. Там же. С. 109.

7. Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. М., 1990. С. 44.

8. Георгиев В.А. Указ. соч. С. 182.

9. Татищев С.С. Указ. соч. С. 546.

В.Н.ВИНОГРАДОВ

### О ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Что неуклюжая политика Николая I способствовала развязыванию Крымской войны – не может быть сомнений. На третьем десятилетии пребывания на престоле он потерял присущую ему в начале царствования осторожность, утратил сдержанность, чувство ответственности, привычку советоваться с опытными сановниками. Обстановка лести и угодничества, господствовавшая при дворе, могла вскружить голову и менее самонадеянному человеку, чем Николай Павлович, а уж ему – тем более. Он утратил способность здраво и критически оценивать позицию оппонентов по переговорам и усвоил привычку толковать ее в желательном для себя духе. Поскольку власть самодержца была огромна – поспешность и безответственность его решений бросали мрачную тень на внешнюю политику России.

Все эти качества ярко проявились во время визита царя в Англию в июне 1844 г. О какой-либо подготовке к переговорам не было и речи: Николай не разгласил своих планов даже сопровождавшей его свите. Королева Виктория узнала о прибытии высокого гостя за двое суток до его высадки на берега Альбиона. В перерыве между военными смотрами, театральными представлениями и светскими увеселениями Николай Павлович изложил британцам свой план раздела сфер влияния на обломках Османской империи, которая, как ему представлялось, вот-вот должна была испустить дух. Ответы министров ее величества были крайне сдержаны — они прочили державе султана еще много лет существования, но царю было угодно трактовать их в духе согласия с его замыслами, а разъяснить истинное положение вещей и тем более возражать никто в его окружении не решился. В том же духе, но с гораздо более зловещими последствиями император вел беседы с британским послом сэром Гамильтоном Сеймуром в начале 1853 г. в Петербурге.

Отвлекшись от "личной дипломатии" Николая I, следует признать, что царской голове было от чего болеть. Российское влияние в державе Османов неуклонно падало. Результаты победоносной войны 1828–1829 гг. непосредственно для России на Балканах оказались скоротечными...

И тут следует сказать об основном направлении политики самодержавия в отношении Высокой Лорты.

В 20-е годы XIX столетия окончательно оформился курс петербургского кабинета на отказ от территориальной экспансии в Юго-Восточной Европе. Накануне войны 1828–1829 гг. он был трижды зафиксирован в актах международного значения: в англо-русском протоколе от 4 апреля 1826 г., в англо-франко-русской конвенции 1827 г. и в так называемом протоколе о бескорыстии, подписанном в декабре того же 1827 г. Но это отнюдь не означало, что российская политика в данном направлении утратила экспансионистские черты. Отнюдь нет. Но проявлялись они в стремлении укрепить и расширить свое влияние в регионе, опираясь на консервативные слои балканского общества. Экспансионизм принял поли-

тический характер, и его пагубное влияние на развитие социальных, политических и идеологических процессов на Юго-Востоке Европы, очевидно. Самым мрачным проявлением этого курса явилось участие царизма в подавлении революционного движения в Дунайских княжествах в 1848 г.

В Петербурге полагали, что слабая, раздираемая центробежными течениями в своих владениях Высокая Порта беспомощна сопротивляться натиску царизма, и он станет доминирующей силой в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Кардинальная ошибка этого курса заключалась в том, что в расчет бралась одна Турция, пришлось же иметь дело с могущественными европейскими соперниками – Великобританией, Францией, Австрией, которые, взяв на вооружение принцип статус quo, принцип сохранения в неприкосновенности владений Порты, вступили в борьбу. Основным соперником выступала владычица морей, ревниво оберегавшая безопасность имперских морских путей, пролегавших по Средиземному морю. В завязавшемся противостоянии Восток – Запад все преимущества были на стороне последнего. Турецкие реформаторы во главе с самым выдающимся из них, Мустафой Решидом-пашой, обращали и взоры свои, и надежды к Западной Европе. Здесь находился рынок сбыта для турецкой сельскохозяйственной продукции и источник получения промышленных изделий, в том числе вооружения и кредитов; здесь был сосредоточен опыт конституционного развития, которому турецкие реформаторы, с поправкой на местные условия, собирались следовать; наконец, из западных столиц раздавались уверения в поддержке власти султана в его разлезавшихся по всем швам владениях. Что могла этому противопоставить официальная Россия? Почти ничего. При схожести аграрной ориентации экономики условий для взаимо выгодной торговли в сколько-нибудь существенных размерах не существовало. Что же касается самодержавного строя, то абсолютизма было хоть отбавляй в самой Турции. Несмотря на формально дружественные отношения, существовавшие после подписания Адрианопольского мира 1829 г. между Османской и Российской империями, влияние последней в Констан-

тинополе со второй половины 30-х годов неуклонно падало, а роль Великобритании, особенно после подписания торговой конвенции в 1838 г., столь же неуклонно возрастала.

Тревожные для самодержавия признаки отмечались и в его отношениях с появившимися на карте или укрепившими при российской поддержке свою автономию государственными образованиями, в первую очередь с Грецией и Дунайскими княжествами. Оговоримся, процесс развивался исключительно сложно и однозначной оценке не поддается. Утверждение государственности на полуострове было далеко от завершения, христианское население продолжало, и не без основания, возлагать надежды на помощь России в его осуществлении. Но с другой стороны, наличествовали и факторы отчуждения. По выражению барона А. Жомини, занимавшего важные позиции в российском министерстве иностранных дел, России нечего было продавать балканским странам и нечего было покупать у них. Экономическое тяготение, как фактор, влияющий на политику, отсутствовало, идеологическое – тоже. Что могла предложить официальная Россия поднявшимся к самостоятельной жизни народам Юго-Восточной Европы? Формулу "самодержавие, православие и народность?" Отсталый крепостнический строй? Абсолютистское правление в его самых одиозных формах? Отсутствие какого-либо намека на народное представительство?

Все это было глубоко чуждо прогрессивным кругам балканского общества, тяготевшим к буржуазно-демократической идеологии Западной Европы, жадно изучавшим опыт конституционного развития, стремившимся утвердить во вновь появившихся или возрожденных государствах привлекательные для них социальные и политические порядки. Наконец, последнее по счету, но отнюдь не по значению соображение: Запад рисовался серьезным и перспективным торговым партнером.

Оговоримся еще раз, положение было сложным: Россия, как страна, способствующая освобождению, продолжала пользоваться на Балканах значительным авторитетом, но тен-

денция к охлаждению уже наметилась. Проявилась такая закономерность: как только какая-либо страна добивалась, с русской помощью, восстановления государственности либо укрепления автономии, ее правящие круги занимали по меньшей мере сдержанную позицию по отношению к Петербургу. В 30-е годы было утрачено влияние в Греции, в Дунайских княжествах, Молдавском и Валашском, после подавления революционного движения 1848 г. "русская партия" вообще сошла на нет. Борцы за объединение княжеств и создание Румынии, унионисты, ориентировались целиком на поддержку западных держав.

Осенью 1838 г. произошел знаменательный эпизод: совместные маневры английской и турецкой эскадр у берегов Анатолии, одновременно 15 русских военных кораблей крейсировали в Черном море вблизи Турции. Эти параллельные и взаимоугрожающие эволюции показывали всю степень напряженности в регионе. Десятилетием позже, в 1849 г., британская эскадра, в нарушение Лондонской конвенции 1841 г., довольно далеко вторглась в Дарданелльский пролив, и лишь после больших усилий русской дипломатии, и угрозы, что в таком случае и Черноморский флот может появиться на Босфоре, корабли под флагом адмирала Паркера удалились из Дарданелл.

Что ж, у императора Николая Павловича имелось достаточно причин для тревоги. Сам он писал о "состоянии ничтожества, в которое приведена Османская империя англо-французским всемогуществом"<sup>1</sup>. Его кардинальная ошибка, вылившаяся для него в личную трагедию, заключалась в неспособности осознать необратимость утраты своего влияния и в нежелании смириться с этим.

Обратимся теперь к событиям, непосредственно предшествовавшим Крымской войне. Существовали ли в российском ведомстве иностранных дел опасения, что намерение царя, вступив в спор о Святых местах, восстановить и упрочить свое влияние в Османской империи, может привести к катастрофе? Знакомство с внутриведомственной перепиской сви-

действует, что такого рода мрачные предчувствия имели место. Обстановка в Европе сложилась взрывоопасная. Только что возведший сам себя на престол Франции Наполеон Шаждал упрочить свою власть с помощью крупного внешнеполитического успеха. Он, можно сказать, днем с огнем искал повода к войне, и не было для него войны желанней неожидали с Россией, которую можно было представить как реванш за гибель в снегах России великой армии его дяди, Наполеона I, в 1812 г.

К.В.Нессельроде, тогдашний канцлер, которому нельзя отказать в опыте и личной осторожности, предавался тревожным размышлениям. Он вкладывал в уста новоявленного повелителя французов следующее рассуждение: начинать войну на границах Франции опасно, "три великие державы Севера едины в стремлении меня остановить и заставить соблюдать договоры. Англия относится с подозрением и следит за мной. Вторгнуться в Германию, Италию, а еще пуще - Бельгию - значит поднять коалицию. Мне придется бороться против четырех".

Иное дело - Ближний Восток. Здесь наступит очередь России остаться в одиночестве против всего мира. "Если Константинопольские проливы будут открыты для нас, соединенные морские силы Турции, Англии и Франции легко справятся с русским флотом. Проникнуть в Черное море, уничтожить здесь русскую торговлю, сжечь города, перебросить подкрепления повстанцам на Кавказе - все это, в раскладе на троих, не потребует слишком разорительных жертв людьми и деньгами"<sup>2</sup>.

Увы, эти здравые и вполне обоснованные тревоги Карл Васильевич излагал в сугубо доверительном личном письме. Перед самодержцем появлялся "другой Нессельроде", исполнительный чиновник и преданный слуга его величества. В официальных докладах опасения, хоть и проскальзывали, но в достаточно туманной и завуалированной форме, что не могло подействовать на столь самонадеянного человека, как царь Николай I<sup>3</sup>.

Бесполезной, а значит, и бессмысленной затеей считал намерение Николая I – зафиксировать в договоре международного характера вырванные у турок обязательства – посол в Лондоне Филипп Иванович Бруннов. История сохранила нам его аргументацию: не формулы трактатов, а реальное соотношение сил определяло в конечном счете русско-турецкие отношения. "Не надо слишком натягивать поводья ... Более или менее длинная, более или менее жесткая статья ничего в действительности не прибавит к нашему влиянию в Турции. Это истоки – в делах, а не в словах"<sup>4</sup>.

Но опасения свои Бруннов выражал в личном письме. В официальных же депешах он сообщал царю успокоительные известия, укрепившие того в уверенности, что с Великобританией воевать ни в коем случае не придется.

Решив снарядить чрезвычайное посольство в Константинополь, царь стал подыскивать кандидата на пост посла. Два крупных деятеля, А.Ф.Орлов и Л.Д.Киселев, поспешили уклониться от этой сомнительной чести, что говорит отнюдь не в их пользу<sup>5</sup>. В конце концов царский выбор остановился на князе Александре Сергеевиче Меншикове, известном в петербургском свете своим остроумием, а в более серьезных кругах – дилетантизмом во всех делах.

Миссия Меншикова в Стамбул вошла во все дипломатические буквари как пример развязности, бес tactности и неумелости лица, ее осуществлявшего. Но давайте отбросим форму и займемся содержанием переговоров. Дискуссия о Святых местах протекала вполне мирно и завершилась русско-французским компромиссом, чему способствовал не кто иной, как спешно вернувшийся в Стамбул заведомый враг России, британский посол лорд Ч.Стрэтфорд-Редклифф. Изумлению русских не было предела – самый опасный враг неожиданно оказался на их стороне. К.В.Нессельроде выражал надежду, что "дьявол окажется не так черен", как его малют<sup>6</sup>.

По словам самого Стрэтфорда, все было уложено быстро и в милейшей обстановке. Сам он остался очень доволен своей ролью примирителя, и у него были на то веские основания. Ему было крайне важно способствовать урегулированию

конфликта вокруг Святых мест, чтобы вычленить из всего комплекса спорных вопросов один-единственный – требование петербургского кабинета расширить право на покровительство православным подданным султана и тем самым представить российский двор перед Европой – и британской общественностью в особенности – в качестве агрессивной стороны.

В историографии, особенно зарубежной, вошло в традицию приводить предъявленные требования, так сказать, в авторском изложении, не прибегая к цитированию, и давать им самую резкую характеристику, усматривая в них пополнение на установление царского господства в регионе: "С помощью договора царь ... просил султана безвозвратно отказаться от всякого подобия власти над более чем четырнадцатью миллионами своих подданных"<sup>7</sup>. Мы поступим наоборот и приведем выдержки из документов. Сущность предъявленных требований в их первоначальном, самом резком варианте состояла в следующем: "Ближайшая Порта обязуется перед Российским императорским двором сохранять и уважать права греческой православной церкви в Святых местах Иерусалима и его окрестностей"<sup>8</sup>. Это была тревожная для турок формулировка, явно выдававшая намерение Николая I под флагом заботы о православном культе укрепить в султанских владениях свое влияние тем более, что она должна была быть зафиксирована в акте, имевшем характер международного договора. Говорилось также, что "министры императорского Российского двора ... как и в прошлом, будут вправе делать представления в пользу церкви Константинополя и других мест, а также в пользу клира, и эти представления будут приниматься, как исходящие от соседней и искренно дружественной державы"<sup>9</sup>.

Несмотря на серьезность предъявленного, рискнем высказать следующее предположение: если бы турки, допустим это на минуту, приняли бы все, что им предписывали, ничего или почти ничего в реальной жизни бы не изменилось. Мы разделяем точку зрения Ф.И.Бруннова, что не бумаги, сколь бы громко они не назывались и какие бы высокие подписи

под ними не стояли, а реальное соотношение сил определяло степень российского влияния. Не такой уж давний и не забытый в то время пример: после подписания Бухарестского мирного договора в 1812 г. российская дипломатия 14 лет добивалась выполнения некоторых его условий турецкой стороной, и лишь в 1826 г., когда сложилась необыкновенно благоприятная для нее ситуация, удалось повторить эти положения в Аккерманской конвенции. Затем маятник политической конъюнктуры вновь качнулся, и турки отреклись от конвенции. Понадобилась новая война в 1828-1829 гг., чтобы эти условия претворить в жизнь. Что же говорить о 1853 году, когда царь Николай был не так уж далек от действительности, толкую об "англо-французском всемогуществе" в Константинополе! Без большого риска ошибиться можно высказать предположение, что условия навязываемой туркам конвенции остались бы на бумаге.

Но главное заключалось в другом. В создавшейся обстановке трудно было ожидать уступчивости со стороны оппонентов как в виде полной бесперспективности подвигнуть турок на предлагаемые условия, так и потому, что очень не равны были силы дилетанта от дипломатии в генеральско-адмиральском чине и ее мастера в лице британского посла Ч.Стрэтфорда-Редклиффа. И Меншиков, натолкнувшись на упорное сопротивление турок, чуть не в открытую руководимых Чарлзом Стрэтфордом, быстро уступил, о чем и информировал британского посла. Последний сообщал своей жене 27 апреля: "Я имел удовольствие получить от русского уверение, что он опустил худшее в очень скверном договоре"<sup>10</sup>. В новой, уж 3-й по счету, редакции, предложенной Меншиковым 23 апреля /5 мая/, говорилось о сохранении "на основе строгого статус quo" прав и привилегий православного духовенства<sup>11</sup>. Всякое упоминание об обязательстве султана перед российским двором исчезло..

Стрэтфорд, чтобы представить российские требования перед британской общественностью вызывающими, не остановился перед прямым подлогом: вместо "делать представление" /о по-

ложении православного духовенства/ он писал: "давать приказы". И в таком искаженном виде текст обсуждался в парламенте!<sup>12</sup>

Миссия Меншикова закончилась провалом. Но летом 1853 г. конференция послов великих держав в Вене выработала формулу, в которой деликатно, в не обидной для султана форме упоминались русско-турецкие договоры в Кючук-Кайнардже /1774 г./ и Адрианополе /1829 г./ и которая, казалось, способна была положить конец конфликту и предотвратить войну. Глава Форин оффис лорд Дж. Кларендон с удовлетворением констатировал, что державы становятся арбитрами /он употреблял слово рефери/ в русско-турецких делах и, что подразумевалось, не дадут Турции в обиду. Тем не менее Николай I, с опозданием осознавший, что занес ногу над пропастью, согласился с выработанными в Вене предложениями, означавшими уже не сохранение, а уменьшение влияния России в балканских и ближневосточных делах. Не было уже и речи о двухстороннем русско-турецком договоре: достаточно было завершить спор, втянувший в себя "всю Европу", односторонней турецкой нотой с перечислением выработанных в Вене положений.

Отказ, однако, пришел из Стамбула. Великий визирь Решид-паша внес в текст венских предложений поправки, менявшие их суть. В его интерпретации исчезло всякое право России не только на покровительство православным обитателям Османской державы, но даже на вмешательство в защиту христиан в виде дипломатических демаршей. В пояснительном письме Решид отвергал всякую возможность наблюдения с русской стороны за делами подобного рода. Россию просто-напросто выдворяли с Балкан. Этого Николай I стерпеть не мог.

В Лондоне ощущалось что-то вроде смущения: как-никак британская дипломатия участвовала в выработке венских предложений: лорд Кларендон их одобрил, а тут — такой афонт! Высокая Порта проявила самостоятельность, от которой все давно отвыкли. В английскую столицу дошли сведения /позднее подтвердившиеся/, что за спиной Решида стоит лорд

Стрэтфорд-Редклифф. Посол, действительно, официально, по должности, советовал визирю принять "венскую ноту"; но лично, от себя, рекомендовал ему внести поправки, делавшие ее заведомо неприемлемой для Петербурга.

Посол тревожился: как бы "абстрактная идея мира не возобладала над всеми другими соображениями, и турок не предоставили самим себе"<sup>13</sup>. Он зря беспокоился.

В недрах Форин оффис, правда, зародилась было идея отправить строптивца в отставку; но вскоре от нее отказались. Никакие громы небесные либо земные на Стрэтфорда не обрушились. В кабинете возобладал воинственный курс, предложенный Джоном Пальмерстоном: колебания и сомнения премьер-министра лорда Дж. Абердина были преодолены.

Николай I совершил фатальную ошибку, дав приказ войскам занять Дунайские княжества как "материальную гарантю" того, что с русскими требованиями посчитаются. К.В.Нессельроде тщетно уверял, что Россия на обладание княжествами не претендует. /Мы не разделяем точку зрения Евгения Викторовича Тарле, что царь и его окружение сознательно вели дело к войне<sup>14</sup>, хотя они и предусматривали такую возможность/. Ни в Лондоне, ни в Париже российского канцлера не слушали. Желанный повод для разрыва был обретен. Война стала неизбежной, слишком велики были силы, в ней заинтересованные.

Император Французов Наполеон III жаждал укрепить свой трон, стать доминирующей силой на континенте и утвердиться на Ближнем Востоке с помощью громкой победы.

Высокая Порта усмотрела в начавшемся конфликте уникальный и последний шанс - воспользоваться участием в анти-русском походе для того, чтобы восстановить свои пошатнувшиеся позиции в Юго-Восточной Европе, вдохнуть свежие силы в дряхлеющее тело Османской империи.

У британского кабинета в первый, и, как оказалось, единственный раз в XIX столетии возникла возможность образования общеевропейской антирусской коалиции /Англия, Франция, Турция, впоследствии Сардиния при поддержке Авст-

рийской империи/, а стало быть – перспектива нанести сокрушительный удар по российским позициям на Балканах, Ближнем Востоке и добиться общего ослабления России.

Николай I в недобрый час задумал невозможное – дос тичь расширения своего влияния на балканские и ближневосточные дела. При существовавшей расстановке сил его планы были обречены на провал. А когда царь спохватился – было уже поздно ; отступление сулило неизбежные потери. Своими неуклюжими маневрами Николай I помог оппонентам представить Россию как воплощение агрессивности, а войну против нее как справедливую. Что же касается целей войны со стороны России, то они, помимо вполне утопического замысла расширить влияние царизма, рисовались Николаю I следующим образом: "Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, вновь станут тем, чем они были – христианскими государствами, княжествами, и, как таковые, они вступят в семью христианских государств Европы. Гарантировать свободу религии, их организацию, их отношения между собой и с их соседями – все это должно быть предметом регулирования на чрезвычайном конгрессе, который я бы хотел, чтобы состоялся в Берлине"<sup>15</sup>.

Конечно, при всем при том подразумевалось, что он, император всероссийский, станет покровителем всех этих государств, и выражение "независимость" следует принять с оговоркой. В общем и целом обрисованные царем целишли в традиционном для России русле подрыва власти Османской империи и поддержки создания на Балканах национальных государств.

Сдаче позиций без боя Николай I предпочел войну без перспективы на выигрыш. России она принесла и славу обороны Севастополя, и горечь Парижского мира, и осознание правящими сферами необходимости реформ. Николай I конца ее не увидел. Этот гордый и самонадеянный человек сошел в могилу в феврале 1855 г. при обстоятельствах, навевавших мысли о самоубийстве.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный архив древних актов /далее - ЦГАДА/. Ф. I292, Д. 6, Л. 68.
2. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Приложения. СПб., 1908, Т. I, С. 365.
3. Там же. С. 355-357.
4. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с другими государствами. СПб., 1898. Т. I2. С. 314.
5. Goldfrank D. Russia's Turn to Rigid Armed Diplomacy (manuscript). P. 17-18.
6. ЦГАДА. Ф. II. Д. I226, Л. I2-I3.
7. Byrne S.G. The great ambassador. Ohio state university press. 1964. P.261.
8. Зайончковский А.М. Указ соч., С. 383.
9. Там же. С. 383.
10. Lane-Poole St. The Life of Lord Stratford de Redeford. L., 1890. P.270.
- II. Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 409.
- I2. Parliamentary Debates. 3-rd Ser. Vol. I30, P. 1234; Тарле Е.В.; Крымская война. М., 1950. Т. I. С. I79.
- I3. Lane-Poole St. Op.cit. P.288.
- I4. Тарле Е.В. Указ. соч. С. I36.
15. ЦГАДА. Ф. I292, Оп. I. Д. 6, Л. 68. Помета Николая I на докладе К.В.Нессельроде от 8 /20/ мая 1854 г.

Л.Е.ГОРИЗОНТОВ

## СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ПОЛЬШЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ XIX в.

Изучая различные течения общественной мысли, важно задаться вопросом, каким образом и насколько они воздействовали на формирование государственной политики, складывание правительственные концепций и программ. На наш взгляд, это один из наиболее перспективных путей исследования фундаментальной проблемы альтернативности в истории. Не всем идеям, составлявшим интеллектуальную ат-

мосферу той или иной эпохи, суждено было воплотиться в социальной действительности. Однако изменчивость последней во многом определялась тем, какие идеи овладевали умами государственных деятелей, имевших в силу занимаемого ими положения влияние на ход событий.

В свою очередь, общественная мысль, как известно, развивается по собственным законам, черпая строительный материал из многих источников. К их числу принадлежат научные знания данной эпохи. Становясь достоянием определенного круга людей, они нередко кладутся в основу разного рода идеологических конструкций. При этом общественное сознание обнаруживает большую избирательность: идеиные течения опираются лишь на некоторые, не всегда самые основательные научные положения своего времени.

Богатую пищу для размышлений на обозначенные выше темы дает история русского славянофильства. Превратившись к середине прошлого столетия в одну из могущественнейших сил духовной жизни страны, оно искало опоры в трудах отечественных и зарубежных ученых и весьма настойчиво стремилось оказывать влияние на действительность. Выхода в сферу практики еще в большей степени, чем признанные теоретики славянофильства, пожалуй, добивались его ныне забытые рядовые представители. К их взглядам мы и собираемся обратиться. Достаточно хорошо известны славянофильские рецепты внешнеполитических ориентаций России, длительное время решительно отвергавшиеся официальной дипломатией. Много написано о вкладе славянофилов в подготовку крестьянской реформы 1861 г. В меньшей мере цепочка политика-общественная мысль-наука воссоздана исследователями применительно к польскому вопросу – самому острому и драматичному национальному конфликту России XIX в.

Рамки небольшого сообщения заставляют ограничиться введением в научный оборот трех новых документов, обнаруженных в личных фондах министра статс-секретаря Царства Польского Валерьяна Платоновича Платонова, которые хранятся в Нью-Йорке, в Бахметьевском архиве и архиве Института

Пилсудского. Это датированная маеm 1861 г. записка генерала Шипова "О существенных причинах последних волнений в Царстве Польском", поданная в августе 1863 г. записка Сушкова "Мысли русского человека о польском деле" и разбор последней Платоновым<sup>1</sup>. Значение собраний Платонова трудно переоценить. Должность министра статс-секретаря, унаследованная Россией от находившегося под скипетром саксонского короля Герцогства Варшавского, соединяла наместника и другие высшие власти Царства Польского с особым императором. Причастный к решению всех важнейших польских дел, министр был ключевой фигурой в управлении Царством.

Генерал от инфanterии Сергей Шипов в интересующий нас период был уже в весьма преклонном возрасте. В молодости входил в близкие к декабристам круги, он принадлежал к числу тех, чье положение не пострадало, а, напротив, упрочилось в результате событий на Сенатской площади. В генеральском чине участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., питал горячие симпатии к балканским славянам. С не меньшим рвением два года спустя подавлял польское восстание, получив за штурм Варшавы престижного Владимира 2-ой степени. В 1837–1840 гг. Шипов имел возможность узнати Польшу поближе, будучи директором Комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского. Здесь наш герой оставил о себе дурную память русофикатора. В "Былом и думах" Герцена он фигурирует как "дикий генерал-адъютант Шипов, уничтожавший просвещение в Польше"<sup>2</sup>. По свидетельству своего сослуживца, высокопоставленный администратор "не изучил ни польского языка, ни дела, но всегда только повторял ... что он русский, православный" и "писал проекты, как бы прежде его никакого управления здесь не существовало"<sup>3</sup>. Склонность к проJECTству – отличительная черта Шипова, составлявшего записи по самым разным предметам, в том числе и весьма далеким от круга его собственных занятий. Обращение генерала к польско-русской теме, в которой он мог претендовать на роль опытного эксперта, кажется, однако, вполне естественным.

Он представлял сам и защищал систему, сложившуюся в Царстве Польском при наместнике Ласкевиче.

Сходный склад ума имел Сергей Сушков, получивший известность как писатель по церковным и богословским вопросам. "В своей служебной деятельности, - читаем его характеристику, - он не обременен обыкновенною канцелярскою работою, но посвящает свое время на составление разного рода проектов, которым при сгущих обширных связях успевает давать ход". Связи же этого очень скромного по меркам Табеля о рангах чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода были таковы, что его записка легла на стол Александра II, а затем, по высочайшему повелению, через шефа корпуса гвардейских гренадеров Долгорукова поступила на отзыв Платонову, Позиция Сушкова в польском вопросе определялась его непримиримой публицистической борьбой с католицизмом, которая позволила писателю существовать в 30-е годы за счет церковного ведомства. Показательна критика Сушковым более чем умеренных воспоминаний цензора О. Пржецлавского, раскрывающая очередную польскую интригу<sup>4</sup>. Сушков полностью солидаризировался с позицией катковских "Московских ведомостей". Родной брат и биограф поэтессы Евдокии Ростопчиной, он попал в весьма щекотливое положение в связи с известной поленофильской аллегорией сестры "Насильный брак", опубликованной в 1847 г. Сушкову ничего не оставалось, как объявить недоразумением политическое прочтение стихотворной истории жестокого барона и его несчастной супруги. Таковы авторы привлекших наше внимание записок.

"Я, согласно с мнением многих ученых славистов, - писал Шилов, - не признаю ни Великорусской, ни Малорусской, ни Белорусской, ни Польской, ни Чешской, ни Сербской, ни Хорватской отдельной национальности: все мы славяне разных отраслей, принадлежащим к одной национальности - Славянской..." Немцы и даже романские народы, по наблюдениям Шилова, стремятся к государственному единению. "Соединение народов в большие тела политические составляет необходимое условие их благосостояния... Это -

закон природы, Всевышним творцом положенный!". Лишь население в 20-30 миллионов человек способно обеспечить жизнеспособность государства. "Мы славяне всех отраслей должны также поставить себе целию - образовать некогда одно отечество Славянское. Стремление какой-либо отрасли славянского народа, уже соединенной с другими славянскими отраслями, к особому политическому существованию, есть измена тому славянскому отечеству". Надо сказать, что взгляды Шипова не отличались оригинальностью. Герцен вспомнил о "диком генерал-адъютанте" под впечатлением встречи с ним у Чаадаева. В недавно опубликованном фрагменте Чаадаева "Несколько слов о польском вопросе" /1831-1832 гг./ читаем: "Благополучие народов может найти свое полное выражение лишь в составе больших политических тел". Поразительное текстуальное совпадение с запиской Шипова, тем более что далее следует близкая к шиповской статистика и рассуждение о преимуществах, получаемых поляками в составе империи<sup>5</sup>.

Согласно Шипову, "единство языка составляет самую сильную связь, соединяющую народы... Богатая речь польская вольется... в общий язык славянский, подобно тому, как многие немецкие наречия слились в один общий язык немецкий". Однако перемены в этой сфере должны "идти ходом естественным, без всяких мер насильственных". Другим интегрирующим началом генерал считал службу молодых поляков в империи и, одновременно, привлечение русской молодежи на службу в Царство.

Будучи весьма жестким в отношении нераздельности судеб Польши и России, Шипов вместе с тем настаивал на автономном управлении Царством Польским. Во имя "твердого соединения" с Россией Царство должно иметь "свой правительственный организм, свои особые - французского образца - законы и свой центр правления". Если в этих положениях можно обнаружить стремление продлить существование системы Паскевича, то следующий пункт программы Шипова явно порывает с политико-административной практикой 30-х - 50-х го-

дов. Автор записки предлагает даровать Царству Польскому конституцию и народное представительство. Он критикует прежние конституции 1807 и 1815 гг. за их олигархический характер, устранивший от участия в управлении 19/20 поляков. Однако всесословные представительные органы должны опираться на сословное деление общества, которое в русской Польше необходимо решительным образом укреплять. Призывая "разделить народ на состояния", Шипов проявлял особое внимание к крестьянскому самоуправлению польской деревни.

Социальный источник польской смуты Шипов усматривает в олигархической партии, "увлекшей за собою толпу пролетариев". Этим деструктивным силам в записке противопоставлялись "люди благомыслящие и особенно граждане зажиточные". Власти надлежит стоять на страже их интересов, создавая благоприятные условия для хозяйственной деятельности в крае.

Взгляды Шипова органически вписываются в представления того времени, которым датируется его записка. В них сказался опыт решения польского вопроса, накопленный за годы николаевского царствования, ощущимы точки соприкосновения с чиновничьей публицистикой жандармского генерала А.Я.Стороженко, писавшего о Царстве в середине 40-х годов. Тем не менее автор записки уловил некоторые новые веяния, заявлявшие о себе на рубеже 50-х - 60-х годов. Шиповские мысли об управлении польскими землями были созвучны тогдашним планам высшей петербургской и варшавской бюрократии, хотя мы можем лишь строить предположения о вкладе генерала в разработку правительственной концепции. Славяно-фильские симпатии Шипова несомненны, правда, его славяно-фильство носило, если позволительно так выразиться, инструментальный характер, обосновывая программу, определенные постулаты которой могли выходить за рамки сугубо славянофильского канона.

Записка Сергея Сушкова датируется тем временем, когда патриотические манифестации поляков сменились повстанческими выступлениями. Это обстоятельство, а также сам способ

мышления чиновника Синода придают его суждениям более решительный характер. "Польский вопрос, - писал он, - есть продолжение восточного вопроса; даже, вернее сказать, начало его; начало борьбы за преобладание Западной Европы с Восточной, франко-германских племен с славянством, Латинства с Православием". Сушков предлагал основать "православно-славянское братство", заверяя императора Александра, "что действием этого учреждения в три года не останется в России следа польского духа". Самодержавию давался довольно смелый совет "предоставить самому обществу деятельное участие в общественном деле". Братству, агенты которого внедряются во все славянские племена, предстояло стать связующим звеном между правительством и народом, опорой первого и другом второго. В случае отказа от перехода в православие всем полякам России грозило выселение в пределы Царства Польского. Таким образом, в своих отправных посылках концепция Сушкова носила выраженный клерикальный и репрессивный характер. Надо, впрочем, заметить, что идея изгнания поляков, особенно с территории так называемых западных губерний, в период восстания пользовалась большой популярностью в националистически настроенных кругах русского общества.

С перечисленными выше мерами резко контрастировала программа Сушкова в отношении Царства Польского, предлагающая его полную автономию, национальное представительство, польский состав администрации, признание польского языка официальным, отмену ограничений, относящихся к латинскому вероисповеданию. Вслед за вождями восстания Сушков обещал уничтожение сословных привилегий и предоставление народу в личную собственность всей земли, которой он пользовался. Более того, автор записки допускал проведение через пять лет в Царстве референдума по вопросу его будущей государственной принадлежности, настаивая лишь на конституционно-монархическом строе.

"Что же делать с Царством Польским? - вопрошал Сушков. - В рассуждении этого вопроса русские разделяются на три мнения: одни стоят за безусловную необходимость удер-

жать Царство Польское под владычеством России. Другие полагают возможным отпустить немедленно Польшу на совершенную свободу. Последние, не указывая никакого определенного образа действия, только говорят... помяя племенное родство наше с поляками... действовать в отношении к ней /Польше. - Л.Г./ благодушно и надеяться, что настанет время, когда поляки подадут нам братскую руку... Каждое из этих мнений, взятое в отдельности - неосновательно... в соединении их заключается истинное решение вопроса". Сам Сушкин, однако, явно сочувствовал славянофильским надеждам противопоставить непримиримой шляхте пробужденную славянскую стихию польского крестьянства. "До сего времени, - писал он, - никогда не слышался голос простого польского народа. Никто не знает: что думает он? Чего желает? Сознает ли свое кровное родство со славянской семьей, хочет ли жить с нею в дружбе и союзе..."

Заключение министра статс-секретаря Платонова по записке Сушкина оказалось весьма критическим. "Идеям или, лучше сказать, утопиям славянофилов я вообще мало сочувствую, - замечал он. - Россия должна заняться преимущественно русским, а не славянским делом... Крутые насилиственные меры, предложенные Г.Сушкиным для Западного края России, были бы не только крайне несправедливы и беззаконны, но даже и совершенно неисполнимы... Изгнание из России в Ц.Польское всех поляков ... составляющих многие миллионы людей без разбора было бы мерою беспримерной в истории просвещенных народов". Платонов призывал прогнозировать реакцию Европы, а также принять во внимание огромные издержки, необходимые для организации переселения. Позитивная программа министра довольно близка к той, которую двумя годами раньше выдвигал генерал Шипов. Речь шла о комплексе мер, по возможности ненасильственных, противодействующих "вредному влиянию" польских ксендзов, помещиков и чиновников".

Итак, "утопии славянофилов", казалось бы, не находили понимания в высших эшелонах власти, представители кото-

рых должны были считаться с реалиями международной политики, состоянием казны, наличными кадрами чиновников. Даже в годы острого кризиса польской политики царизма бюрократия с большим недоверием относилась к альтернативам, родившимся на почве славянофильства. Тем не менее взаимоотношение реальной политики и славянофильских доктрин не оставалось неизменным. Восстание 1863-1864 гг. похоронило традиционную ориентацию царизма на Польшу помещичью. Крестьянская реформа в Царстве Польском была нацелена на создание новой социальной базы русской власти в населенных поляками губерниях. Прошли годы, прежде чем славянофильская по своему происхождению иллюзия обнаружила полную несостоятельность и ушла из сферы формирования политики в маргинальные течения общественной мысли, а также труды сохранивших романтическое мировосприятие ученых.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

I. Всеподданнейшая записка С.П.Сушкова, служебная переписка, связанная с ней и резюме В.П.Платонова цитируются далее по: The Bakhtmeterf archive of Russian and East European History and culture. Manuscripts Collections. Platonov Collection. Box 2; Записка С.П.Шипова - Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce poświęcony badaniu najnowszej historii Polski, Archiwum, rękopisy, dossier 2, rękopis 3.(Документы не пронумерованы).

Сведения об архиве В.П.Платонова см.: Golos J.The Platonov Papers in the Jozef Pilsudski Institute of America // The Polish Review. 1980 N 2. P.56-70.

2. Герцен А.И. Собр. соч. В 30 Т., Т. 9. С. 142.  
Б. Стороженко А.Я. Впечатления // Стороженки..Фамильный архив. Киев, 1902. Т. I. С. 385.

4. Сушков С.П. Несколько заметок С.П.Сушкова по поводу "Воспоминаний г-на Пржецлавского". М., 1876.

5. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989, С. 371-373.

Е.К.ВЯЗЕМСКАЯ

К.Д.ПЕТКОВИЧ И РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ СВЯЗИ  
В 50-е - 60-е ГОДЫ XIX в.

50-е - 70-е годы XIX в. были важным этапом в развитии национально-освободительного движения на Балканах в целом и в политической жизни Черногории в частности. Основной внешнеполитической задачей Черногории являлось дипломатическое признание ее независимости, а также освобождение захваченных Османской империей соседних земель с этнически родственным населением и создание экономических условий дальнейшего развития. Среди европейских держав лишь Россия рассматривала Черногорию как независимое государство и оказывала ей дипломатическую и финансовую помощь, выплачивая ежегодно денежные субсидии, использовавшиеся черногорцами для укрепления государственной власти и обороноспособности.

При поддержке России Черногория была провозглашена княжеством /1852 г./. Укрепление в Черногории централизованной власти сыграло положительную роль в успешном решении задач освободительного движения. После преобразования теократического государства в светское черногорский князь Данило разработал политическую программу, в которой основным направлением внешнеполитического курса Черногории определялась борьба против Османской империи. Значительное влияние на активизацию этого курса оказали антиосманские восстания 50-х и 60-х годов в юго-восточной Герцеговине.

Освободительная борьба Черногории способствовала усилению к ней интереса среди русского общества. В России наиболее тесные связи с Черногорией установили славянофилы, сыгравшие большую роль в укреплении русско-славянских отношений, выступившие в поддержку славянского национально-освободительного движения и оказания помощи культурному развитию славянских народов. Значительную роль в развитии русско-черногорских отношений продолжали играть по-

литические связи с Россией, которая по прежнему оказывала ей разнообразную помощь в решении насущных задач государственной жизни<sup>1</sup>.

После поражения в Крымской войне международное положение самой России резко ухудшилось и проведение независимого внешнеполитического курса, в том числе и на Балканах, было затруднено. Вместе с тем, будучи не в состоянии отказаться от традиционной поддержки православия и православных народов Османской империи, петербургский кабинет избирает тактику укрепления своего влияния на Балканах иными средствами, например, расширением консульской сети. Вновь назначаемые консулы получали инструкции от МИДа России оказывать поддержку не только православию, как преимущественно ранее, но и по возможности помочь национально-освободительным устремлениям балканских народов.

В этих условиях и начиналась деятельность российского консула в Рагузе /Дубровник/ К.Д.Петковича, назначенного в 1858 г. Ценные донесения К.Д.Петковича, за весь период пребывания его на этом посту, неоднократно использовались в трудах югославских коллег акад. Б.Павичевича<sup>2</sup>, Р.Йовановича<sup>3</sup>, советских специалистов Н.И.Хитровой<sup>4</sup>, В.И.Косика<sup>5</sup>. Личности К.Д.Петковича посвящена книга М.Стояновича<sup>6</sup>. Вместе с тем московские /главным образом АВЛР/ и петербургские архивы содержат огромное число документальных материалов и свидетельств, ранее недоступных исследователям и раскрывающие еще более подробно деятельность К.Д.Петковича, который, по словам Б.Павичевича, был "искренне привержен общим интересам освободительной борьбы балканских славян"<sup>7</sup>.

В небольшом сообщении невозможно исчерпывающе осветить данный вопрос. Мы поставили задачу показать лишь некоторые направления деятельности К.Д.Петковича, используя при этом ряд малоизвестных или не известных ранее его записок и обобщающих донесений за период 1858-1868 гг.

К.Д.Петкович /1824-1898/ родился в 1824 г. в дер. Башино близ современного Титового Велеса. Будучи выпускни-

ком Санкт-Петербургского университета, принял российское подданство, стал дипломатом, специализировавшимся, видимо, в силу своего происхождения по Балканам. Он занимался сербской средневековой историей, имел печатные труды по старым сербским рукописям, истории рагузской православной общины. Одна из особенностей консульской деятельности К.Д.Петковича заключалась в том, что он, находясь на австрийской территории, поддерживал тесные связи с двором черногорских правителей, фактически выполняя там роль официального представителя России. Ретроспективный анализ доносений К.Д.Петковича в посольство в Вене, Константинополь, МИД России показывает прекрасную осведомленность консула в событиях, происходивших в землях, соседствующих с Рагузой /Черногории, Боснии, Герцеговине и др./. Сеть корреспондентов на местах, личные встречи с черногорским князем Николаем и его отцом Мирко Петровичем, занимавшим пост президента Сената, воеводами, с представителями австрийских и турецких властей, связь с консульствами в Сараево, Мостаре, контакты с руководителями повстанческого движения в Герцеговине, которое всячески поддерживала Черногория – все это позволяло Петковичу свободно ориентироваться в быстро меняющейся обстановке. В его доносениях отчетливо прослеживается живой ум автора, склонность отойти от сухого изложения фактов, дать им свое толкование.

В конце 50-х годов XIX в. МИД России поручил ряду своих консулов на Балканах составить представление о положении православных верующих и православной церкви в балканских землях, рассматривая православную религию как один из рычагов своего влияния. К.Д.Петкович на основе сведений, собранных у местных священников и капитанов в период работы комиссии по разграничению, составил большую аналитическую записку<sup>8</sup>, в которой приводится список и содержатся сведения о церквях и монастырях Черногории и смежных с ней Требинском и Столачском округах Герцеговины. Он сообщал об их бедственном материальном положении, о необеспеченности церковными книгами и утварью, характеризовал черногорское

духовенство. По его мнению, черногорский владыка Петр II Петрович мало внимания уделял состоянию церквей и монастырей, недостаточно строго подходил к подбору церковных служителей, "при этом жертвуя попечение о церкви насущным потребностям развития Черногории"<sup>9</sup>. И, хотя "ныне в пределах Черногории имеется 9 монастырей и около 140 церквей – число больше нежели достаточное для народонаселения не превышающего 120 тыс., но в большей части из этих церквей богослужения не совершаются – они или совершенно запущены, или не имеется в них того, что необходимо для совершения богослужения. Божественная литургия отправляется только в монастырях и главных церквях, имеющихся у каждого из племен, куда народ собирается по праздникам из окружных селений и в которых сохранились еще кое-какая священная утварь, книги и ветхие изорванные облачения", – писал К.Д.Петкович<sup>10</sup>. "...Едва ли во всей Черногории отыщется пять или шесть церквей, в которых имелось сполна все, что существенно необходимо для православного богослужения"<sup>11</sup>. Список церквей и монастырей Черногории и Герцеговины К.Д. Петкович снабдил примечаниями, в которых указывалось их состояние, потребности в богослужебных книгах и церковной утвари, приводились сведения их истории. Основной вывод российского консула в том, что он считал насущной задачей как официальных кругов России, так и ее общественности оказывать всемерное всломоществование церквям Черногории и Герцеговины.

К.Д.Петкович поддерживал переписку с известным своей благотворительной деятельностью М.Ф.Раевским, которому сообщал о тяжелом положении черногорской православной церкви и о различных событиях в политической жизни Черногории. Благодаря стараниям М.Ф.Раевского и его сподвижников в Петербурге в Черногорию и Герцеговину пересыпалась помощь в виде денежных пожертвований, церковных книг, утвари, икон, церковных облачений и пр.<sup>12</sup>

В годы герцеговинских восстаний конца 50-х – начала 60-х годов и черногоро-турецкой войны 1862 г. К.Д.Петкович не был сторонним наблюдателем<sup>13</sup>. Он неоднократно встре-

чался с повстанцами, пытался оказать влияние на князя Николая и Мирко Петровича, советуя проводить более сдержанную политику /в частности, в период, предшествовавший войне/.

После черногоро-турецкой войны 1862 г. по поручению российского посла в Вене К.Д.Петкович совершил длительную поездку по Черногории. Свои наблюдения он изложил в обширных донесениях в Вену и Константинополь<sup>14</sup>. Анализируя последствия войны, К.Д.Петкович отмечал, что черногорские руководители убедились, что они в одиночестве не в состоянии вести наступательную войну против турок. По его мнению, черногорский народ стал невинной жертвой неблагородных и опрометчивых поступков своих начальников<sup>15</sup>.

К.Д.Петкович представил российским послам статистические данные потерь в живой силе и материального ущерба Черногории в этой войне<sup>16</sup>, справедливо подчеркивая, что у правительства Черногории нет средств для закупки продовольствия, так как в прошедшем году внутренние доходы Черногории составили лишь 60 тыс. гульденов, а иностранные субсидии /в основном из России/ – около 265 тыс., но почти все деньги были истрачены на закупки вооружения и продовольствия. Петкович ходатайствовал о просьбе кн. Николая использовать часть черногорских капиталов, хранящихся в России. Относясь с большой симпатией к народу Черногории Петкович писал о том, что, несмотря на тяжелейшее материальное положение, моральный дух черногорцев очень высок.

Большим ударом для черногорцев явилось строительство турецкой военной дороги и блокгаузов на территории Черногории в соответствии с мирным договором. Кн. Николай, как явствует из донесения К.Д.Петковича, не сообщил об этом черногорцам во время заключения мира, полагая, что турки не смогут этого осуществить. Анализируя политическую обстановку в Черногории, К.Д.Петкович считал, что реальной оппозиции князю Николаю в тот момент не существовало. Князь, по его мнению, пользовался авторитетом среди черногорцев, но на него оказывал негативное воздействие Мирко<sup>17</sup>.

Политическая ситуация и состояние финансов Черногории постоянно находились в поле зрения консула в Рагузе. Он неоднократно сообщал в Петербург сведения о доходах и расходах Черногорского княжества. Так, например, в начале 1864 г. он представил подробный анализ состояния черногорского бюджета, данные о котором были им получены из достоверных официальных источников<sup>18</sup>. Подводя итоги своего обзора Петкович подчеркнул, что в 1863 г. состояние финансов Черногории можно было признать удовлетворительным благодаря чрезвычайным пособиям и субсидиям из России, Франции и Сербии. Но в дальнейшем собственными средствами, без внешней помощи, Черногория, по его утверждению, существовать не сможет.

Покидая свой пост в Рагузе в 1868 г., К.Д.Петкович анализировал политическую обстановку в Черногории уже будучи умудренным балканским опытом. В своей аналитической записке на имя П.Н.Стремоухова, написанной в 1869 г.<sup>20</sup>, он констатировал, что поражение в войне и недальновидные действия кн. Николая в годы, предшествовавшие войне, подорвали авторитет Черногории среди соседних народов Османской империи. Если раньше воинственные племена Герцеговины и Албании стремились присоединиться к Черногории, то теперь, по его оценке, они отдают предпочтение Белграду<sup>21</sup>. Рассматривая политику кн. Николая, Петкович отмечал, что князь никогда не смотрел серьезно на союзный договор с Сербией. Он вынашивал планы превращения Черногории в славянский Пьемонт и присоединения к ней Герцеговины и Албании. Российский консул, объективно оценивая ситуацию, полагал, что будучи очень отсталой и бедной, Черногория не в состоянии возглавить национально-освободительную борьбу балканских народов, но она "может и должна сыграть в предстоящих событиях большую роль, ибо она занимает очень важную фланговую позицию, парализуя военные силы Турции в этом районе. Черногорская армия отличается высоким боевым духом, но для действий вне собственной территории она нуждается в обеспечении провиантлом и воен-

ными припасами со стороны Сербии"<sup>22</sup>.

Серьезное беспокойство К.Д.Петковича вызывали возрастший интерес к Черногории со стороны Австрии и активизация австрийской политики, основным проводником которой в Черногории было семейство Радоничей<sup>23</sup>. Его оценка князя Николая после десятилетия постоянных тесных контактов изменилась и стала далеко не лестной. Петкович считал, что Николай не обладал способностями крупного государственного деятеля, часто подпадал под различные влияния. "Дать торжественное слово и обещание и не исполнить его - ему ничего не стоит. В самых важных делах он руководится минутными впечатлениями или внушениями своих льстецов и поклонников. Логические доводы на него мало действуют"<sup>24</sup>. Надо отметить, что у Петковича установились доверительные отношения с Николаем. Он вел с ним переписку как официального, так и частного характера и имел определенное влияние на князя. "Официальным путем мне было всегда трудно добиться от него чего-нибудь, - писал Петкович, - но в частных письмах указывал ему на его обязанности к черногорскому народу и к России, его благодетельнице, и высказывал ему прямо, без всяких приправ такие истины, каких никто не смел ему говорить в Цетинье. Этими письмами мне удавалось не раз предостерегать его против разных неблагонамеренных личностей и удерживать его от поступков и предприятий, которые были бы гибельны для его народа и для него самого"<sup>25</sup>.

Значение своей деятельности для развития русско-черногорских отношений Петкович видел в том, что благодаря его десятилетним стараниям в "настоящее время в Цетинье стали говорить больше о России и Петербурге, чем о Франции и Париже"<sup>26</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

I. Подробнее см.: Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-е годы XIX в. М., 1979.

2. Павићевић Б. Црна Гора у рату 1862. Београд, 1963.
3. Јовановић Р. Политички односи Црне Горе и Србије 1860-1878. Цетиње, 1977.
4. Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении...
5. Косик В.И. Деятельность рягусского консула К.Д. Петковича во время восстаний в южной и юго-восточной Герцеговине конца 50-х - начала 60-х гг. XIX в. Медицински научни склоп "Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850-1875" Sarajevo, 1987.
6. Стојановић М.М. Константин Петковић и Црна Гора. Скопље, 1987.
7. Павићевић Б. Црна Гора у рату 1862, с. 189.
8. АВПР, Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2122. Л. II-23 об. Записка К.Д.Петковича.
9. Там же. Л. I4.
10. Там же. Л. I7.
11. Там же. Л. II
12. См.: Зарубежные славяне и Россия. М., 1975.
13. Подробнее см.: Косик В.И. Деятельность рягусского консула К.Д.Петковича... С. 147-153.
14. См., например: АВПР. Ф. ГА У-А<sub>2</sub>. 1862 г. Д. 724. Л. 390-410 об. Донесение К.Д.Петковича Н.П.Игнатьеву 12/24 ноября 1862 г.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. АВПР. Ф. У-А<sub>2</sub>. Д. 726. Л. 41-45 об. Донесение К.Д. Петковича Н.П.Игнатьеву 25 февраля /8 марта/ 1864 г.
19. Там же. Л. 45.
20. АВПР. ф. ГА, Политотдел. Д. 3. Л. I-I3. Записка К.Д.Петковича Н.Н.Стремоухову 8 мая 1869 г.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.

ГРЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНей ПОЛИТИКЕ РОССИИ  
В ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875-1878 гг.

Лзучение истории Восточного кризиса 70-х годов XIX в. по-прежнему остается одним из наиболее важных направлений в отечественной историографии. В то же время греческие аспекты этой проблемы почти всегда оставались как бы в тени, хотя события 1875-1878 гг. явились переломным этапом не только в жизни славянских народов Балканского полуострова, но и в истории греческого государства, поскольку присоединение к Греции Фессалии и округа Арта в Эпире в 1881 г. согласно рекомендации Берлинского конгресса стало важным шагом на пути воссоединения всех греческих земель.

В данной статье мне хотелось бы осветить российскую политику по отношению к Греции в указанный период. Известно, что накануне кризиса правящие круги Греческого королевства не стремились к активному участию в назревавшем балканском конфликте, надеясь добиться воссоединения всех греческих земель, остававшихся под властью султана, дипломатическим путем, опираясь на поддержку западных держав, прежде всего Великобритании. Существенное воздействие на позицию Греции оказывали греко-болгарский церковный конфликт, а также вопрос о судьбах ряда спорных областей со смешанным населением в Македонии и Фракии, сопровождавшиеся ростом антиславянских, главным образом антиболгарских, настроений в стране. Следствием этого стала политика нейтралитета, провозглашенная греческим правительством в самом начале кризиса.

Отношения между Россией и Грецией были в это время весьма сложными. С одной стороны, русских и греков связывали традиции многолетней совместной борьбы против османского владычества на Балканах. Греческий народ не забывал покровительства России в наиболее тяжелые периоды своей истории. Однако после Крымской войны /1853-1856 гг./ русско-греческие отношения заметно ухудшились. Россия, потер-

певшая серьезное поражение в этой войне, существенно сме-стила акценты в своей балканской политике, направив ее в первую очередь на поддержку славянских освободительных движений. В свою очередь, греческие политические деятели уже не рассматривали Россию как силу, способную оказать реальную помощь Греции в решении национального вопроса. В результате греческий фактор, как отмечает известный современный исследователь Э.Кофос, имел накануне Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. второстепенное значение во внешнеполитических планах России, хотя его и нельзя было полностью сбрасывать со счетов в силу ряда обстоятельств. Прежде всего, российская дипломатия опасалась того, что Греция и весь эллинизм в целом могли под <sup>допастъ</sup> безраздельное влияние враждебных России западных держав /Великобритания, Франции и Австро-Венгрии/. Существенным моментом было также стремление всех государств сохранить равновесие между греками и славянами при изменении в будущем карты Балканского полуострова<sup>1</sup>. Поэтому накануне столкновения с Османской империей Россия скорее предпочла бы видеть Грецию в стане своих союзников, нежели противников. Этим и объясняется деятельность российской дипломатии в Греции в годы кризиса.

Основы внешней политики России в Греции в 70-х гг. XIX в. были заложены еще в 1870 г. в инструктивном письме руководителя российского МИДА <sup>канцлера</sup> А.М.Горчакова посланнику в Афинах П.А.Сабурову. В инструкциях отмечалось, что несмотря на греко-славянские противоречия, проявившиеся в последние годы, Россия по-прежнему остается покровительницей каждой из противоборствующих сторон. Канцлер предупреждал посланника, что не следует допускать, чтобы греки использовались как передовой отряд Запада против славян, поскольку это нанесет удар прежде всего по интересам самой Греции. Напротив, Греция сможет извлечь выгоду из российской политики, если не будет противопоставлять свои интересы интересам других балканских народов<sup>2</sup>.

В начале кризиса /1875 г./ Россия не была заинтересована в его углублении, поскольку еще не были исчерпаны

возможности мирного урегулирования конфликта. Поэтому российская дипломатия в лице посланника Сабурова опасалась форсировать вовлечение Греции в события и давать конкретные обещания греческому правительству. В 1875 г. Сабуров не был сторонником радикального решения Восточного вопроса в кратчайший срок, в отличие от российского посла в Константинополе графа Н.П.Игнатьева, полагавшего, что вооруженная борьба всех народов Балкан позволит свергнуть османское иго даже без участия России. На этом этапе позиция Сабурова получила одобрение императора Александра II, следствием чего стал отказ России предоставить Греции какие-либо гарантии на будущее.

После того, как Сербия и Черногория объявили в июне 1876 г. войну Турции, Россия активизировала свою политику в Греции. Российская дипломатия начала вырабатывать более конкретную программу по греческому вопросу, не возражая в принципе против присоединения к Греции Фессалии и Эпира. Однако, несмотря на конкретизацию своей позиции, Россия не ставила перед собой задачи заключить официальный союз с Грецией, поскольку это могло поставить под вопрос нейтралитет Австро-Венгрии и, особенно, Великобритании в предстоящей русско-турецкой войне. Сабуров, изменивший в силу обстоятельств свои прежние взгляды, пытался вместе с Игнатьевым склонить Грецию к участию в войне без формальных обязательств, вопреки мнению канцлера А.М.Горчакова, незаинтересованного, по-видимому, в непосредственном участии Греции в военных действиях из-за опасения нарушить баланс сил в балканском регионе. Положение российского посланника в Афинах было в этот период достаточно сложным: он практически не получал инструкций из Петербурга и зачастую должен был самостоятельно определять стратегическую линию во время переговоров с греческими политиками, опасаясь при этом высказывать конкретные предложения и давать какие-либо обещания, которых требовали греки. Одновременно Сабуров предпринимал усилия, направленные на сглаживание греко-славянских противоречий<sup>3</sup>.

Русско-турецкая война, начавшаяся в апреле 1877 г., ознаменовала собой вступление Восточного кризиса в кульминационную фазу. Политика России в Греции в этот период развивалась по двум основным направлениям. Во-первых, российская дипломатия стремилась подтолкнуть к решительным действиям население греческих провинций Османской империи, поскольку восстания в этих землях отвлекли бы значительные силы турок с русско-турецкого фронта. С этой целью Сабуров и Игнатьев осуществили операцию по доставке в Грецию оружия из России в помощь национальным организациям /"этериям"/ "Этники амина" и "Адельфотис", готовившим восстания в Эпире, Фессалии и на Крите, а также известному греческому революционеру Л. Вулгарису, действовавшему независимо от этих организаций. Российское правительство хорошо понимало, что огласка факта поставки оружия нейтральной Греции может привести к нежелательному международному резонансу. Поэтому вся операция проводилась в строжайшей тайне, одна часть оружия была отправлена в Грецию через Италию, другая – через известного греческого торговца в Петербурге Н.Петрококкиноса, причем Сабурову удалось убедить не только греческое правительство, но и руководство этерий, что оно является патриотическим даром Петрококкиноса и петербургских греков. Паралельно российский посланник сумел скординировать действия Центрального комитета этерий и Л. Вулгариса, а также содействовать выработке общего плана восстания, согласно которому предусматривалось одновременное начало боевых операций на Крите, в Эпире, Фессалии и южной Македонии силами повстанцев и вооруженных формирований, прибывших из Греции<sup>4</sup>. Однако в конечном итоге российская дипломатия так и не добилась успеха на этом направлении: в течение 1877 года ни в одной из греческих провинций Османской империи восстания не начались. Это было связано как с международной обстановкой, так и с внутренним положением в этих землях.

Во-вторых, Россия пыталась в этот период ускорить вступление Греции в войну, в связи с чем со всей остротой вновь возник вопрос о заключении формального союза. Кроме

того, греческое правительство было готово вступить в войну при условии предоставления Россией военной помощи в виде посылки кораблей для защиты побережья от турецкого флота. Требования греков были вполне законными – наиболее крупные города Греции, включая столицу, были беззащитны перед лицом вторжения с моря. Однако Россия не могла в тот момент выполнить эту просьбу. Опасаясь осложнения англо-русских отношений, российское правительство отвергло идею предоставления гарантii Греции, которые были бы зафиксированы в договоре между двумя странами.

Понимая, что неучастие Греции в войне может поставить страну вне рамок мирного урегулирования после ее окончания, греческие правящие круги, побуждаемые Сабуровым, приняли решение о вводе войск в Фессалию. Но эта акция не имела успеха, поскольку ее начало совпало с заключением перемирия между Россией и Турцией/31 января 1878 г./. В итоге им не удалось добиться выполнения своей национальной программы в период войны. Оставалось только рассчитывать на противоречия между Россией и остальными великими державами на заключительном этапе кризиса.

В январе – феврале 1878 г. греческое правительство еще не потеряло надежды на то, что Россия учтет требования Греции при подписании договора с Турцией. Премьер-министр А.Кумундурос в этот период неоднократно просил Сабурова определить ему линию поведения, заверяя посланника, что Греция по-прежнему будет надеяться лишь на Россию. Интересный дипломатический ход предприняла королевская чета. В начале марта королева Ольга направила своему отцу, великому князю Константину Николаевичу /брату Александра II/ письмо, в котором содержалась просьба убедить российского императора удовлетворить греческие требования<sup>5</sup>. Но, как показало время, все надежды греческих правящих кругов оказались беспочвенными. Вопрос о Греции был решен еще в середине января на совещании у императора в присутствии Горчакова, Игнатьева, военного министра Милитина и других высших политических руководителей Российского государства. Первоначально Горчаков предложил поставить вопрос о при-

соединении к Греции Крита, части Эпира и части Фессалии, однако он не получил поддержки из опасения, что другие державы не согласятся принять эти условия. Было решено, ограничиться проведением реформ в этих провинциях, что и было зафиксировано в Сан-Стефанском предварительном мирном договоре, подписанном 3 марта 1878 г.<sup>6</sup>

Греческий историк Э. Кофос в одной из своих работ отмечает, что отказ российской дипломатии удовлетворить требования Греции был вызван прежде всего опасением правящих кругов Петербурга, что выдвижение на авансцену греческого вопроса нарушит хрупкое равновесие и ускорит вмешательство Британии<sup>7</sup>. Соглашаясь по существу с этой оценкой, позволю себе высказать некоторые соображения. Предположим, что российское правительство удовлетворило бы эти требования. Это вызвало бы, на мой взгляд, еще большее противодействие Лондона, не заинтересованного в тот период в окончательной гибели "большого человека" /как тогда называли Османскую империю/. С другой стороны, Петербург не мог не предвидеть и того, что их игнорирование позволит англичанам найти удобный предлог для пересмотра мирного договора, как и случилось впоследствии. Наконец, можно было бы, удовлетворив часть греческих требований, одновременно сократить предполагаемую территорию Болгарского государства. Но здесь, по-видимому, сыграл свою роль такой фактор как неучастие Греции в войне. Понимая, что с позиций сегодняшнего дня многое представляется по-иному, можно тем не менее констатировать, что российские правящие круги не проявили в нужный момент политической гибкости, недостаточно трезво оценили международную обстановку и свои собственные силы.

Период от Сан-Стефана до Берлинского конгресса /июнь 1878 г./ был насыщен дипломатической борьбой, главной целью которой было изменение русско-турецкого договора. Греция была выдвинута западными державами в качестве своеобразного "противовеса" Болгарии. Произошло значительное ухудшение русско-греческих отношений, влияние России в Греции было в какой-то момент сведено к нулю. Но и в этих

неблагоприятных условиях стратегический курс российской дипломатии в Греции продолжал оставаться неизменным. Подтверждением тому стала позиция российской делегации в Берлине в поддержку французского предложения о воссоединении с Грецией Фессалии и Арты. Соответствующее заявление канцлера Горчакова произвело глубокое впечатление в Греции, вновь повернув общественное мнение в пользу России<sup>8</sup>.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что хотя греческий фактор и не находился среди приоритетов российской политики на Балканах в период Восточного кризиса 70-х гг. XIX в., тем не менее он с достаточной степенью серьезности учитывался российской дипломатией. Положение не изменилось и в последующие годы: как показала история, решение Восточного вопроса было невозможным без учета законных интересов греческого народа.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кофос Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции /XIX-XX вв./. Балканские исследования. Вып. П. М., 1989. С. I46-I48.

2. ЦГИА /г. Санкт-Петербург/. Ф. I044, Оп. I. Д. I72. Л. I-18. Инструктивное письмо князя А.М.Горчакова П.А.Сабурову в связи с назначением его чрезвычайным посланником и полномочным министром в Грецию, 30 июня 1870 г.

ЦГИА З. Подробнее см.: Sabouroff P.A. Ma mission en Grece // Г. Санкт-Петербург/. Ф. I044, Оп. I. Д. 257. Л. 223-224; АВИР. Ф.Канцелярия. 1876 г. Д. 8, Л. 830-832; П.А.Сабуров А.М.Горчакову. /личное письмо/, 26 сентября 1876 г.

4. Подробнее см.: Цехмистренко С.П. Национально-освободительное движение греческого народа и русско-греческие отношения в период Восточного кризиса 1875-1878. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989. С. I08-II3.

5. ЦГАОР. Ф. 722. Оп. I. Д. 810..Л. 31-37. Королева эллинов - В.К. Константину Николаевичу, 2 марта 1878 г.

6. Игнатьев Н.П. Сан-Стефано. Лг., 1916, С. 29.

7. Кофос Э. Указ. соч. С. I50.

8. Documents Diplomatiques. Attaires d'Orient. Congres de Berlin. 1878. Paris, 1878. P. 82-84; Ф. Канцелярия 1878 г. Д. 7. Л. 877. Телеграмма П.А. Сабурова - А.И. Горчакову. 2 августа 1878 г.

С.И.ДАНЧЕНКО

### "РУССКИЙ ФАКТОР" В РАЗВИТИИ СЕРБСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ /1878-1903 гг./

В статье, представленной на суд специалистов, изложены некоторые результаты многолетних исследований и раздумий по исключительно важной, по мнению автора, теме - "Развитие независимого сербского государства в последней четверти XIX - начале XX в. и Россия".

Прежде всего следует отметить, что несмотря на наличие многочисленных работ о развитии сербского буржуазного государства и его институтов в период после 1878 г. ни в югославской, ни в отечественной историографии нет специальных исследований, освещдающих значение так называемого "русского фактора" в этом сложном процессе. Данное исследование проведено на основе многочисленных, весьма интересных материалов, выявленных главным образом в архивах СССР. Эти документы позволили в ряде случаев по-новому осветить многие аспекты темы, а также объективно разобраться в фактах и определить роль России в становлении сербской государственности.

В результате двух сербско-турецких войн 70-х годов XIX в. и русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сербия обрела полную независимость - это был главный итог предыдущего этапа развития сербской государственности. Период после Берлинского конгресса был своеобразным переходным периодом в ее истории. Решались очень важные вопросы в жизни отныне независимого государства - княжества /с 1882 г. королевства/ Сербия: территориально-административное и государственное устройство, определение внешнеполитической ориентации, организация армии и др. Одним из феноменов развития

независимого сербского государства являлась невиданная доселе политизация общественной жизни. За короткий срок – с конца 70-х – до начала 80-х годов – возникшие в предшествующие годы политические группы оформились как политические партии: напредняцкая, правившая с 1880 по 1887 г.; либеральная, быстро терявшая свой авторитет, сторонников и реальную политическую силу; и оппозиционная, радикальная партия, самая многочисленная, отражавшая в эти годы интересы большинства сербского крестьянства. В этот же период оформились взгляды и программы партийных лидеров; был сделан решающий шаг по пути подготовки конституционной реформы. Деятельность, направленная на демократизацию общественной жизни Сербии, вступала в противоречие со стремлением князя /с 1882 г. короля/ Милана к укреплению авторитарного режима. Обеспокоенный ростом популярности радикальной партии, активной позицией оппозиции в скупщине, сербский монарх стремится расширить прерогативы своей власти, опираясь на поддержку правящих кругов Австро-Венгрии.

Развитие сербской государственности после Берлинского конгресса было осложнено усилением влияния монархии Габсбургов на все стороны экономической и политической жизни страны. В 80-е годы XIX в. Австро-Венгрия, не отказавшись от новых завоеваний на Балканах, стала все более широко использовать экономические и политические рычаги проникновения в этот регион. Этой политикой, по признанию покойного академика В. Чубриловича, она обеспечила свое преобладающее положение в Сербии в 1878–1903 гг.<sup>1</sup>

Одновременно с усилением на Балканах влияния Австро-Венгрии в конце 70-х годов происходит процесс постепенного ослабления позиций России. В рассматриваемый период российская дипломатия была вынуждена отказаться в силу ряда причин, внутренних и внешних, от активных действий в западной части Балканского полуострова, в частности, в Сербии. Вместе с тем, как и в предшествующий период, Россия была заинтересована в укреплении национальных государств, получивших независимость благодаря ее дипломатической

и военной поддержке. В них, и прежде всего в Сербии, она видела возможных союзников в случае международных осложнений.

Каково же было отношение России к главным факторам сербской государственности? Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют детально проследить позицию российской дипломатии на различных этапах внутриполитического развития Сербии, а также действия России, направленные на стабилизацию ее государственной жизни.

В Петербурге прекрасно понимали, что для упрочения сербской государственности необходимы политическая стабильность, укрепление авторитета власти, создание боеспособной армии. Только в этом случае Сербия могла быть готова к решению вопроса об освобождении и объединении всех земель, населенных сербами.

Российской дипломатии приходилось считаться со всеми факторами политической жизни Сербии: королем, партиями, отдельными влиятельными деятелями. Это было непросто, так как внутриполитическая ситуация в стране была крайне неустойчивой.

Официальные круги России не доверяли королю Милану, видя в нем главного "творца" и "вдохновителя" провавстрийского внешнеполитического курса Сербии. Его действия вызывали в Петербурге неизменное порицание. Руководители внешней политики России не верили в искренность намерений Милана, делавшего в начале 80-х годов попытки нормализовать ухудшившиеся отношения с Россией. Император Александр II довольно часто по прочтении донесений из Белграда со свойственными ему грубоватостью и резкостью называл сербского короля "подлецом". Более того, судя по секретной дипломатической переписке, после поражения Сербии в войне с Болгарией в 1885 г., когда в стране разразился внутриполитический кризис, в Петербурге серьезно рассматривался вопрос о возможности смены династии Обреновичей. В его обсуждении принял участие и Александр II. Примечательна его пометка на одном из документов: "Мне кажется, что, кроме Карагеоргие-

вича, нет другого кандидата"<sup>2</sup>. К этому вопросу русские правящие круги возвращались неоднократно на протяжении 80-х – 90-х годов, при этом претендент на сербский престол оставался прежним.

Особенностью русско-сербских отношений рассматриваемого периода являлось то, что правящие круги России были вынуждены в своей политике в Сербии опираться не на законного монарха, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация. Напредняки, связанные торговыми и промышленными интересами с Австро-Венгрией и проводившие проавстрийский курс, не вызывали доверия в Петербурге. Либералы во главе с И. Ристичем, пользовавшимся авторитетом в русских общественных и официальных кругах, в 80-е – 90-е годы не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Что же касается радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером "подвижки", под влиянием политических реалий, официальной позиции России в отношении так называемой "революционной" партии. Документы свидетельствуют, что вначале отношение к ней официального Петербурга было настороженным и даже негативным. Русский министр-резидент в Белграде Александр Иванович Персиани неоднократно получал предупреждения не вступать с лидерами радикалов ни в какие "сношения". Опасения вызывали якобы "нигилистическое" прошлое ее вождей и "революционный" дух программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности партии, антиавстрийская и антимилановская направленность которой импонировала правящим кругам России. Александр II, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно относился к радикалам уже в начале 80-х годов и явно был настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что "оппозиция, хотя и в меньшинстве в скучине, но ведет энергичную борьбу с

министерством", "отказалась подписьаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец к князю", русский император начертал: "Утешительно"<sup>3</sup>. На секретной телеграмме, посланной А.И.Персиани из Белграда в МИД 3 /15/ июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось "все возрастающее число оппозиционеров", содержится одобрительная пометка Александра Ш: "Прекрасно"<sup>4</sup>.

После подавления Тимокского восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений со стороны режима в радикальной партии усиливается умеренное оппортунистическое течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями с целью достижения власти, радикалы начинают признаваться той силой, на которую Россия может опереться внутри самой Сербии в борьбе с австрийским влиянием и с помощью которой могут быть восстановлены дружеские русско-сербские отношения. Документы, хранящиеся в Архиве внешней политики России, позволяют сделать вывод о том, что в ряде случаев российское правительство оказывало поддержку радикалам /например, в период эмиграции лидеров партии после 1883 г./, сочувственно относилось к их планам по ограничению произвола короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживало их стремления совершить государственный переворот в Сербии, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим последствиям. В то же время признавалось, что если переворот "назреет", Россия будет вынуждена оказать содействие "вождям сербской партии", однако лишь в рамках "собственных интересов"<sup>5</sup>. Достаточно благосклонно в Петербурге было встречено сообщение Персиани в конце 1887 г. об отставке кабинета Ристича и возможном приходе к власти "сербских патриотов" – радикалов. "Хуже от этого не будет", – начертал на телеграмме из Белграда Александр Ш<sup>6</sup>. Примечательны слова Персиани, относящиеся к 1887 г., времени правления радикального кабинета С.Груича: "Будущность принадлежит этой /радикальной.

- С.Д./ партии и с нею придётся считаться. Хотя я знаю недоверие, которое питает к ней императорское министерство, и держусь, на основании инструкций, в стороне от радикалов, долгом совести считаю уверить ... что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем даже между либералами".

Наибольшее беспокойство российских правящих кругов вызывала нестабильность политической жизни Сербии. Помимо действий короля этому в значительной степени способствовала межпартийная борьба. Русская дипломатия всеми силами стремилась предотвратить внутренний кризис в Сербии. Особое внимание в 80-е - 90-е годы обращалось на "замирение" лидеров политических партий, соперничавших между собой. Занятая по этому вопросу позиция была достаточно здравой и конструктивной: "Для России не существует партийных различий, и мы желаем лишь истинного блага и процветания Сербии, и рады оказать посильную помощь всем здравым народным вожделениям и всякому правительству, которое сумеет работать на благо страны", - читаем мы в одном из официальных документов. На протяжении двух последних десятилетий XIX в. дипломатические представители России в Сербии получали из Петербурга предписания всеми средствами содействовать "поддержанию согласия" между либеральной и радикальной партиями, ибо в их согласии и единстве виделась реальная сила, способная противостоять политике Обреновичей. И делалось в этом направлении немало. Как известно, в преддверии конституционной реформы 1888 г. наметилось сближение радикалов и либералов, чему, судя по документам, в немалой степени содействовал А.И. Персиани, понимавший ее важность для стабилизации общественно-политической ситуации и упрочения сербской государственности. Он старался также убедить радикалов в том, что их требования при разработке проекта конституции должны быть более умеренными<sup>8</sup>. Принятие конституции 1888 г. вызвало одобрение в России, официальные круги видели в ней залог упрочения политического строя Сербии и выражение требований "политических сил общества".

Позиция российской дипломатии, направленная на "утешение" партийных страсти и политических амбиций лидеров партий несомненно имела большое значение. "Мы не упускали случая внуширить вожакам народных партий, что для право-го их дела им надо воздерживаться, насколько возможно, от смут, могущих привести к внешним осложнениям", - отме-чалось в отчете российского дипломатического ведомства за 1888 г.<sup>9</sup>

И в следующее, весьма бурное в политическом отношении десятилетие сербской истории правящие круги России, верные своей прежней позиции, прилагали немало усилий для стабилизации внутриполитической жизни Сербии в соответст-вии со своими взглядами и представлениями. Так, тогдашний министр иностранных дел России А.Б.Лобанов-Ростовский в середине 90-х годов писал: "Мы стараемся сдерживать серб-ских деятелей всех оттенков в пределах законности, предо-стерегая их от пагубных последствий антидинастических интриг, неминуемо ведущих к внутренним и внешним замеша-тельствам"<sup>10</sup>.

С середины 90-х годов развитие сербской государствен-ности было отмечено ослаблением влияния радикалов на по-литическую жизнь Сербии и усилением позиций напредняков. В связи с этим изменилось отношение российских правящих кругов к сербским партиям, что проявилось, в частности, в признании ими возможности для России поддерживать не только радикалов, но и напредняков, так как в этот пери-од их усилия были направлены на укрепление государства, принятие новой конституции и упрочение русско-сербских от-ношений<sup>11</sup>.

В заключение хотелось бы подчеркнуть еще ряд моментов. На наш взгляд, нельзя отрицать того, что и после Берлин-ского конгресса, несмотря на изменение внешнеполитической ориентации сербских правящих кругов, Россия играла опре-деленную, временами весьма значительную роль в истории Сербского государства. До 1885 г. влияние "русского фак-тора" в силу ряда причин было минимальным. Однако с сере-дины 80-х годов положение меняется. Лидеры политических

партий, хотя и брали за образец западные демократии при формировании своих программ, по традиции старались в своей деятельности заручиться поддержкой, воспользоваться советом российских дипломатов. Судя по документам, и радикалы, и либералы постоянно посещали русскую миссию в Белграде – с целью информации о внутриполитических событиях, получения совета и т.д. Несомненно, для Российской дипломатии это был весьма важный канал влияния. Отношения с Россией были существенной частью внешнеполитических разделов программ сербских партий. Кроме того, в своей деятельности они не могли не учитывать прорусских симпатий широких народных масс. Вместе с тем роль России в складывании молодого независимого государства была неоднозначной. Страгическая линия русского правительства, направленная на политическую стабилизацию в Сербии – решающее условие экономического и политического развития Сербского государства, была в целом верной, но методы русской политики часто были старые, "традиционные". Царские чиновники с трудом преодолевали стереотипы прежних представлений и часто действовали в духе давно минувших времен, нередко вмешивались в той или иной форме во внутренние дела Сербии, хотя постоянно заявляли о позиции невмешательства; открыто высказывали недовольство в отношении "неугодных" им представителей сербских правящих кругов; поддерживали оппозиции. Русские правящие круги недостаточно учитывали то обстоятельство, что с образованием независимых государств ситуация на Балканах в корне изменилась. Сербия стала самостоятельным государством, во главе которого стояли люди, стремившиеся строить его отнюдь не "по образу и подобию" отсталой России. В принципе политика Петербурга в Сербии не использовала всех возможностей для укрепления и развития русско-сербских отношений. Слабы были экономические связи несмотря на то, что предложения от предпринимателей поступали; недостаточно широки были и общественные контакты, которым следовало бы придать больший размах, обеспечив им государственную поддержку. Вместе с тем для Сербии очень важной являлась поддерж-

—ка России на международной арене, которая, разумеется, оказывалась исходя из ее собственных интересов, а также действия, направленные на стабилизацию ее политического строя.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чубриловић В. Србија и Аустрија у XIX в. // Међ - ународни научни скуп "Велике сице и Србија пред први светски рат", одржан 13-15 септембра 1974. Београд, 1976. С. 21.
2. АВИР. Ф. Политархив /далее ПА/. Д. 434. 1886 г. Л. 72. Персиани - Н.К.Гирсу 28 февраля 1886 г.
3. АВИР. Ф. ПА. 1882 г. Д. 420. Л. 2.
4. АВИР. Ф. Канцелярија. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
5. АВИР. Ф. ПА. Д. 439. 1888 г. Л. 62-63. Н.К.Гирс - А.И.Персиани II марта 1888 г.
6. АВИР. Ф. Канцелярија. 1887 г. Д. 10. Л. 74. Телеграмма А.И.Персиани в МИД 17/29/ декабря 1887 г.
7. АВИР. Ф. ПА. Д. 437. 1887 г. Л. 167 об. - 168. А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 19 ноября 1887 г.
8. АВИР. Ф. ПА. Д. 439 1888 г. Л. 246 об. - 247. А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 26 октября 1888 г.
9. АВИР. Ф. ПА. Д. 466. 1895 г. Л. 4 об. А.Б.Лобанов-Ростовский - Р.Р.Розену 25 мая 1895 г.
10. АВИР. Ф. Отчеты. 1888 г. Л. 13 об. ;
- II. Там же. Д. 464. 1895 г. Л. 149-149 об. Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому II июля 1895 г.

#### А.Л.ШЕМЯКИН

#### НИКОЛА ПАШИЧ И РОССИЯ /1883-1889 гг./

В настоящей статье представлены первые результаты начатого исследования большой темы "Никола Пашич и Россия". Естественно, что результаты эти относятся к изучению ее начальной фазы, а именно периода эмиграции Пашича, когда он после поражения Тимокского восстания 1883 г. был вынужден на долгие шесть лет покинуть Сербию.

Еще в 1927 г. С.Иованович заметил, что "в жизни Пашича менее всего изучен период его эмиграции 1883–1889 гг."<sup>1</sup> За последние шесть с лишним десятилетий кое-что писалось по этой теме – отметим, в первую очередь, монографию А.Раденича<sup>2</sup>, – однако, белых пятен в ее изучении стало не намного меньше. Особенно это касается взаимоотношений Пашича и России в этот период.

По мнению С.Иовановича, "в эмиграции он /Пашич – А.Ш./ установил связи с русскими, и эти связи уже никогда не прерывались. Русским его рекомендовал митрополит Михаил, который также находился в эмиграции"<sup>3</sup>. В рамках этих связей, как полагает историк, значительное место занимали контакты Пашича с агентами русской Охранки, через которых сербская радикальная эмиграция тайно получала материальную и финансовую помощь<sup>4</sup>. Данная точка зрения, высказанная более полувека назад, разделяется и в современной сербской исторической литературе. Приведем в качестве примера недавнюю монографию М.Протича, в которой также указывается на наличие "тесных связей, которые сербские эмигранты установили с русскими официальными представителями и тайными эмиссарами в Болгарии"<sup>5</sup>. Автор полагает, что "Россия являлась главным спонсором деятельности сербской радикальной эмиграции в Болгарии в 1883–1886 гг."<sup>6</sup>

Подобный традиционный подход нуждается, на наш взгляд, в значительной корректировке и уточнении. Сделать это позволяют материалы Архива внешней политики России. Сразу же подчеркнем, что изучение возможных связей лидера сербской эмиграции с Россией целесообразно вести в трех направлениях. Во-первых, исследуя его отношения с официальным Петербургом, во-вторых, со славянофильскими кругами и, в-третьих, с проживавшими в Болгарии и Румынии русскими "нигилистами".

Проще всего проследить отношения сербской эмиграции с российским славянофильским движением, которое, по справедливому замечанию М.Экмечича, "в отличие от официально-го курса петербургского кабинета попыталось пойти собст-

венным путем – путем более решительного сопротивления габсбургской экспансии в Юго-Восточной Европе"<sup>7</sup>. При посредничестве митрополита Михаила, и здесь следует согласиться с С.Йовановичем, Пашичу довольно быстро удалось установить весьма близкие и тесные контакты с лидерами Славянского благотворительного общества, настроенными в отношении австрофильской политики короля Милана Обреновича крайне негативно<sup>8</sup>. Эти контакты приобрели в скором времени характер постоянного сотрудничества. Благотворительное общество поддерживало сербскую эмиграцию деньгами и с симпатией отнеслось к планам Пашича организовать вооруженную вылазку эмигрантов с территории Болгарии в Сербию с целью разжигания в стране нового восстания и свержения ненавистного монарха с престола. Российские славянофилы оказали определенную материальную помощь Пашичу для подготовки и проведения этой акции.

Вместе с тем, и это следует особо отметить, попытки лидера сербских радикалов привлечь на свою сторону и российское правительство успеха не имели. Отношение официального Петербурга к сербской радикальной эмиграции и ее планам организации восстания в Сербии и насильственного свержения короля Милана отличалось холодностью и недоверием. Причин для подобного недоверия было, как представляется, две. Во-первых, петербургский кабинет, серьезно занятый в середине 1880-х годов болгарскими делами, отнюдь не желал ввязываться в рискованное и сомнительное предприятие сербских эмигрантов. "Как бы неполитично не вел себя король Милан, – высказывал "взгляд императорского правительства на сербские дела" А.И.Персиани, – Россия не будет сочувствовать революции"<sup>9</sup>. В условиях обострения отношений с Софией русское правительство было весьма заинтересовано в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране, о чем Персиани недвусмысленно заявил белградским радикалам в сентябре 1886 г. По его словам, "готовящееся в Сербии движение кажется мне несвоевременным, так как императорское правительство в настоящее время занято улучшением болгарского вопроса, и ... всякое новое осложнение на Бал-

канском полуострове могло бы лишь затруднить решение в желательном смысле"<sup>10</sup>.

Что касается последствий возможной акции сербских эмигрантов, то в Петербурге прекрасно отдавали себе отчет в том, что очередное, инспирированное на сей раз извне, восстание в Сербии привело бы к немедленной оккупации последней войсками Австро-Венгрии. Как сообщал в начале сентября 1885 г. российский консул в Видине Ю.Карцов "барон Швейгер /австро-венгерский консул в Видине. - А.Ш./ не сколько не скрывает, что в случае замешательства в Сербии, Австрия введет туда свои войска. Отсюда, - заключал дипломат, - препятствуя беспорядкам, я способствую спасению Сербии от печальной участии Боснии и Герцеговины"<sup>11</sup>. Подобное мнение разделял и император Александр III. На одной из депеш Персиани он собственноручно начертал: "Единственным результатом /восстания в Сербии. - А.Ш./ будет занятие Сербии австрийскими войсками"<sup>12</sup>.

Таким образом, своим отказом от прямой помощи российское правительство ясно давало понять Пашичу, что оно не сколько не симпатизирует его планам вооруженного вторжения в Сербию, грозящим вылиться в серьезный международный конфликт, чего оно, естественно, допустить никак не желало. Именно поэтому многочисленные апелляции Пашича к официальным российским представителям остались фактически без ответа. Подобное молчаливо-негативное отношение петербургского кабинета к планам Пашича, наряду с известными сентябрьскими событиями в Болгарии в 1885 г., явилось, как представляется, одной из причин того, что уже подготовленная вооруженная акция сербских эмигрантов, намеченная на осень того же года, в самый последний момент сорвалась.

К этому добавим, что не было дано хода и позднейшим предложениям так называемой "Объединенной сербской оппозиции", с которыми Пашич, находясь в 1887 г. в Петербурге, обратился в Азиатский департамент российского МИД<sup>13</sup>. Здесь ему также дали ясно понять, чтобы он "не обманывался в своих несбыточных надеждах"<sup>14</sup>.

Все это не могло, естественно, не вызвать у Пашича чувства недоумения и горечи. В одном из писем в октябре 1885 г. он писал: "Не знаю, в чем причина, но факт остается фактом, что до сегодняшнего дня российские дипломатические представители не ударили палец о палец, чтобы наше дело продвинулось вперед"<sup>15</sup>. В том же письме он называл русскую политику на Балканах ошибочной и недальновидной<sup>16</sup>.

Впоследствии, в ноябре 1902 г., подводя итог, Пашич заметит в своей "Политической исповеди": "Россия не могла и не хотела связывать свою политику с теми, кто пользовался насильственными методами. Я вспоминаю в связи с этим наши эмигрантские дни, вспоминаю то, что мы замышляли, что из этого получалось, и как к нам за это относилась Россия"<sup>17</sup>.

Второй причиной недоверия официальной России к Пашичу и сербским радикалам вообще было их политическое прошлое. Представители Российской империи довольно косо поначалу поглядывали на демократов и конституционалистов из сербской радикальной партии, склонных к тому же к заговорщикским акциям. Дипломатический представитель России в Болгарии А.Ионин открыто заявил Пашичу в ноябре 1883 г.: "Хотя мы сознаем причины и законность недовольства сербского народа, но собственно с радикальной партией... мы не можем иметь ничего общего, ибо не можем сочувствовать утопиям... Мы ... уверены, что дальнейшее брожение по программе радикальной партии произведет только хаос - резню без цели и мысли"<sup>18</sup>. Не изменилась эта оценка и в последующем. Когда через два года, в ноябре 1885 г., управляющий Российским консульством в Рущуке сообщил в Азиатский департамент о просьбе сербских эмигрантов принять их под покровительство России, как это уже было с болгарской русофильской эмиграцией, начальник департамента в ответной депеше подчеркнул, что "Министерство иностранных дел, не находит возможным принятие сербских эмигрантов радикальной политической партии под покровительство наших пред-

ставителей в Княжестве /Болгарии. - А.Ш./, в виду неблагоприятных отзывов о направлении названной партии со стороны нашего министра-резидента в Белграде"<sup>19</sup>.

В качестве примера приведем один такой "отзыв" Персиани о радикалах. Как известно, после поражения Сербии в войне с Болгарией осенью 1885 г. положение короля Милана сильно пошатнулось. Желая приобрести хоть какую-то популярность в стране, он указом от 1 января 1886 г. помиловал осужденных по делу о Тимокском восстании радикалов и предложил им заключить союз с правящей напредняцкой партией. На своей конференции в Нише в феврале того же года радикалы отказались от блока с напредняками и со своей стороны представили на рассмотрение короля разработанные ими предложения, которые включали в себя требования созыва Великой народной скупщины с целью изменения Основного закона страны, твердого обеспечения личных и имущественных прав граждан, гарантий свободы печати и собраний, а также замены регулярной армии народным ополчением<sup>20</sup>.

Докладывая в Петербург обо всех этих перипетиях, Персиани так оценил предложения радикальной конференции: "Радикальная ... партия представила программу, на которую король не может согласиться, т.к. по существу своему она чисто революционная /подчеркнуто в оригинале. - А.Ш./. Действительно полная свобода прессы и политических сходок, а также народное войско могут только служить орудием в руках анархистов"<sup>21</sup>. Любопытно, что Александр III полностью согласился с оценкой Персиани, что видно из его собственноручной пометы.

Определенное улучшение отношения российских правящих кругов к радикальной партии произошло примерно в конце 1887 г. после того, как на сентябрьских всеобщих выборах сербский народ в очередной раз отдал ей предпочтение. По словам Персиани, "народ перестал доверять как либеральной, так и напредняцкой партиям, считая их слишком податливыми по отношению к королю, и он предпочитает им людей независимых и не останавливающихся даже перед страхом казни, как это радикалы доказали в Заечарском деле /Тимокском

восстании. – А.Ш./, когда нужно пожертвовать собой ради народного дела"<sup>22</sup>. К этому следует добавить, что главная опора России в Сербии лидер либералов Йован Ристич в то же самое время начал постепенно терять доверие Петербурга, так как, стараясь утвердиться на посту премьер-министра и не обладая при этом народным доверием, он начал уступать королю одну позицию за другой, в том числе и в известном "церковном" вопросе, связанном с возвращением в Сербию митрополита Михаила, которого, как известно, поддерживала Россия<sup>23</sup>. "Ристич, – по словам Персиани, – потерял свою самостоятельность и превращается в орудие короля"<sup>24</sup>. В этих условиях вполне естественно росло внимание России к партии радикалов, антимилановская "твердость убеждений которых испытана"<sup>25</sup>. Идеологическая невосприимчивость уступала место прагматическому подходу.

Если учесть также, что лидеры радикалов лояльно следовали советам российского дипломатического представителя в Белграде и что они с пониманием отнеслись к предостережениям Петербурга относительно нежелательности разного рода насильственных акций в Сербии, заявив: "Высшие политические соображения заставляют вас нас удерживать, и мы подчиняемся"<sup>26</sup>, то рост симпатий со стороны России к сербским радикалам не кажется неожиданным. Персиани в донесении Н.К.Гирсу от 19 ноября 1887 г. пророчески заметил: "Будущее принадлежит этой /радикальной. – А.Ш./ партии, и с ней придется считаться. Хотя я знаю недоверие, – продолжал дипломат, – которое питает к ней Императорское министерство, и держусь, на основании инструкций, в стороне от радикалов, долгом совести считаю уверить Ваше Высокопревосходительство, что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем между либералами"<sup>27</sup>.

Окончательно настороженность и недоверие российских официальных кругов к сербской радикальной партии была преодолена к концу 1880-х годов, после отречения короля Милана от сербского престола и прихода к власти радикального кабинета.

Вернемся, однако, к сербской эмиграции и ее лидеру Н.Пашичу. Говоря о его отношениях с Россией в 80-е годы, нельзя не затронуть еще один аспект этих отношений. Речь идет о его связях с российской революционной эмиграцией на Балканах. Следует отметить, что о русско-сербских революционных связях существует значительная литература как в Советском Союзе, так и в Югославии; о контактах же сербской радикальной эмиграции с русскими "нигилистами" практически ничего не писалось. Лишь совсем недавно советский исследователь В.Я.Гросул обратил на них внимание<sup>28</sup>.

И действительно, находясь до конца 1885 г. в Болгарии, а с этого времени в Румынии, Пашич сотрудничал с русскими эмигрантами. Материалов об этом сотрудничестве, особенно в первый, болгарский период его эмиграции, сохранилось немного, однако, что интересно, о контактах сербских и русских эмигрантов было известно в Петербурге. Так, уже в апреле 1884 г. министр внутренних дел России граф Д.Толстой сообщал Н.К.Гирсу, что "по сведениям Департамента государственной полиции, некоторые из сербско-подданных, принадлежащих к так называемой радикальной партии, имеют отношения с русскими эмигрантами и политическими преступниками, бежавшими из России"<sup>29</sup>. О том же доносил в сентябре 1885 г. в российский МИД и консул в Видине Ю.Карцов<sup>30</sup>. Подобные контакты с "политическими преступниками" из России не могли, естественно, способствовать быстрому изживанию недоверия царского правительства по отношению к сербской радикальной эмиграции.

Можно предположить, что контакты эти до осени 1885 г. имели целью получение практической помощи со стороны русских социалистов в Болгарии в /деле/ подготовки вооруженного вторжения в Сербию. Объективные возможности для такой помощи существовали, если иметь в виду многочисленность русской колонии в Болгарии, а также тот факт, что некоторые русские эмигранты занимали весьма видное положение в болгарской военной и гражданской администрации. Отставной лейтенант Эспер Серебряков, к примеру, командовал

во время болгаро-сербской войны болгарской Дунайской флотилией и одновременно заведовал арсеналом в Рущуке, а бывший мичман Владимир Луккий служил капитаном военного корабля "Голубчик". Но это пока лишь предположения.

После интернирования глубокой осенью 1885 г. сербских эмигрантов в Румынию судьба столкнула Пашича с Земфирием Арбore-Ралли, человеком, имевшем большое революционное прошлое. В далеком 1872 г. он являлся по поручению М.А.Бакунина секретарем пробакунинской Славянской секции в Цюрихе, членом которой некоторое время состоял и Пашич<sup>31</sup>. Эта встреча с давним знакомым во многом облегчила Пашичу его эмигрантскую жизнь в Румынии. Дело в том, что румынские власти под давлением венского кабинета собирались выслать лидера сербских эмигрантов из страны. В этот, весьма опасный для него, момент его спасли русские эмигранты. Ралли укрыл Пашича в Добрудже, в городке Тулча, у другого видного представителя русской эмиграции в Румынии, шурина известного русского писателя В.Г.Короленко, Василия Ивановского. Румынское правительство и австро-венгерское посольство надолго потеряли след Пашича.

Все перипетии этого поистине детективного предприятия переправки Пашича в Тулчу описаны в неопубликованных воспоминаниях Ралли<sup>32</sup>. Любопытно при этом, что более пространная версия этих воспоминаний воспроизведена в известных мемуарах Любицы Лётич, вышедших в Мюнхене в 1973 г.<sup>33</sup> Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что супруг автора мемуаров и соратник Пашича Владимир Лётич был также близким другом Ралли и принимал деятельное участие вместе с ним в деле "спасения" Пашича, который, добавим, пользовался гостеприимством Ивановского весьма длительное время.

Помощь русских эмигрантов Пашичу не ограничилась одним лишь этим эпизодом. Их отношения продолжались и дальше. Заметим, однако, что отношения эти носили, по всей видимости, все более частный характер, так как после провалившейся попытки вооруженного вторжения в Сербию и депортации из Болгарии в Румынию осенью 1885 г. Пашич вряд ли

уже серьезно рассчитывал на помощь русской эмиграции в свержении короля Милана. Любопытное, хотя и косвенное, подтверждение этому мы находим в записке резидента Департамента полиции в Бухаресте А. Мищенко: "Серб Пашич не в Москве ... а здесь. По убеждению Г. Вл. /по всей видимости, Господина Владигерова - русского тайного агента в Бухаресте. - А. Ш./, хотя он и знаком с Ивановским и вообще с эмиграцией, он настолько серьезен и развит, что далее либерализма никогда не пойдет"<sup>34</sup>. Записка датирована 19 мая 1886 г.

Вместе с тем Пашич отнюдь не отказался от борьбы против ненавистного монарха и всеми силами старался убедить официальный Петербург поддержать-таки на сей раз уже объединенную акцию эмиграции и оппозиции внутри страны; к марта 1887 г. он разработал обширный меморандум "Объединенной сербской оппозиции" и представил его в Азиатский департамент. О судьбе меморандума речь уже шла, российское правительство оказалось непреклонным.

Подводя итог, можно заключить, что, находясь в эмиграции, Пашич, если можно так выразиться, стучал во все русские двери, пытаясь одновременно установить связи и с официальным Петербургом, и со славянофильскими кругами России, и с русской революционной эмиграцией. Главным мотивом Пашича в это время было желание привлечь русских к своим планам насильственного свержения короля Милана. И если это ему удалось в отношении Славянского благотворительного общества, которое оказалось определенную помощь Пашичу при подготовке вооруженной акции сербских эмигрантов, то позиция петербургского кабинета в этом вопросе была явно негативной.

Вместе с тем следует отметить, что позиция эта отличалась определенной двойственностью. Отказывая Пашичу в прямой военной помощи, российское Министерство иностранных дел не могло не симпатизировать его активной антимилановской, и объективно антиавстрийской, позиции. В связи с

этим оно отнюдь не желало бросать его на произвол судьбы и лишать всякой поддержки. Весьма показательны в этом отношении две телеграммы Гирса российскому представителю в Бухаресте князю Л.В.Урусову от 10 и 11 октября 1885 г., в которых наряду с отказом удовлетворить просьбу Пашича разрешить ему поездку в Москву содержится указание "употребить все старание к защите Пашича в случае, если бы румынское правительство было согласно выдать его Австрии или Сербии"<sup>35</sup> и обеспечить его, как и иных сербских эмигрантов, "известных своим сочувствием к России"<sup>35</sup>, паспортами на проезд в Одессу<sup>37</sup>. Проекты этих депеш были представлены Гирсом на Высочайшее имя и утверждены императором<sup>38</sup>.

Если к этому добавить, что, отказывая сербским эмигрантам в официальном покровительстве со стороны России, о чем уже говорилось, начальник Азиатского департамента в той же депеше распорядился выдать им через Славянское благотворительное общество 6 тыс. рублей в качестве гуманной помощи<sup>39</sup>, которые и были в декабре 1885 г. посланы на имя Николы Пашича, то можно сделать вывод, что к концу 1885 г. российское правительство уже обратило на него серьезное внимание, как на перспективного политического деятеля, и взяло его и сербскую радикальную эмиграцию под свое негласное, скажем так, покровительство. Прагматический подход русского правительства набирал силу. Однако до официального признания Россией Пашича было еще далеко. Когда и как установились полностью доверительные отношения между официальным Петербургом и лидером сербских радикалов предстоит выяснить в ходе дальнейшего исследования.

И в заключение еще об одном. Приведенные данные позволяют, как представляется, внести некоторую ясность в гипотезу С.Йовановича о якобы имевших место связях Н.Пашича с русской Охранкой. Весьма важным документом в данном контексте является обнаруженная нами записка российского президента в Бухаресте. В ней Пашич предстает всего лишь как объект негласного наблюдения, что вполне объяснимо,

если учесть, что главной задачей тайных агентов была слежка за русской революционной эмиграцией, и все лица, вращавшиеся, как Пашич, в ее кругу, естественно, попадали под их надзор. Сведений о самостоятельных контактах Пашича с Охранкой не обнаружено. Да и сам факт его общения с российскими "нигилистами" является, на наш взгляд, очевидным доказательством отсутствия таких контактов. Все это позволяет заключить, что гипотеза С. Јовановича есть ни что иное как исторический миф.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Јовановић С. Пашић у изгнанству // Српски књижевни гласник. 1927. Књ. 21. С. 509.
2. Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зајчар, 1988. Т. 2
3. Јовановић С. Никола Пашић /повородом десетогодишње смрти// Нова Европа. 1936. Књ. 29. Бр. 12. С. 382.
4. Јовановић С. Никола Пашић // Србија и коментари. Азд. Задужбине М. Црњанског. Београд. 1989. С. 241.
5. Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет /1881-1903/. Београд. 1990. С. 110.
6. Там же. С. 109.
7. Ежмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Београд. 1989. Т. 2. С. 381.
8. Слијепчевић Михајло, архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 324.
9. АВИР. Ф. Политархив. 1884 г. Д. 428. Л. 87 об.
10. Там же. 1886 г. Д. 434. Л. 207-207 об.
11. АВИР. Ф. Главный Архив. 1885 г. Д. 309. Л. 9 об.
12. АВИР. Ф. Политархив. 1886 г. Д. 434. Л. 204.
13. Там же. 1887 г. Д. 437. Л. 197-209 об.
14. Раденић А. Указ. соч. Т. 2. С. 969.
15. Там же. С. 933
16. Там же.
17. Пашић Н. Моја политичка исповест // Србија и коментари. С. 146.
18. АВИР. Ф. Главный архив. 1883 г. Д. 921. Л. 420-420 об.
19. Оккупационный фонд, основанный для устройства русско-дунайской области. Документы из секретного архива русского правительства. София-Берлин, 1893. С. 143.
20. АВИР. Ф. Политархив. 1886 г. Д. 434. Л. 52 об.
21. Там же. Д. 434. Л. 54.

22. Там же. Д. 437. Л. 135.  
 23. Там же. Д. 437. л. 164-167.  
 24. Там же. Д. 437. Л. 167.  
 25. Там же.  
 26. Там же. Д. 437. Л. 182.  
 27. Там же. Д. 437. Л. 167 об.  
 28. См.: Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг., 1988.  
 29. Оккупационный фонд... С. 147.  
 30. АВИР. Ф. Главный Архив. 1885 г. д. 309. л. 3-306.  
 31. ЦГАОР. Ф. 7026. Оп. I. д. I. л. 66; д. 3. л. 25.  
 32. Там же. д. 3. л. 25.  
 33. ЈБотић Љ. Мемоари. Минхен. 1973. С. 183-184.  
 34. АВИР. Ф. Миссия в Бухаресте. Оп. 5II/I. д. 458.  
 л. 32.  
 35. АВИР. Ф. Главный архив. Политотдел. 16I/3. Оп. 233. д. I/1885 г./ л. 24.  
 36. Там же. д. 26.  
 37. Там же. л. 26, 28.  
 38. Там же. л. 25-26. Отметим, что и сам Александр II был подвержен двойственности в своем отношении к сербским радикалам. Не допуская никаких действий российских официальных представителей, которые могли бы дозволить подготовку переворота в Сербии, он тем не менее не скрывал симпатий к антиавстрийским рассуждениям радикальных функционеров. Будущий Министр иностранных дел России граф В.Н. Ламздорф записал 19 декабря 1886 г. в своем дневнике:  
 "Его Величество утвердил ... проект телеграммы Персиани, имеющей целью положить конец симпатиям последнего к революционному движению в Сербии, но в то же время на одном из докладов, излагающем *profession de foi* одного из главных заговорщиков, государь сделал несколько одобрительных пометок вроде: "Это верно, справедливо". /Дневник В.Н.Ламздорфа /1886-1890/. М., л. 1926. С. 16/. Речь в данном случае идет о письме видного радикального деятеля Ивана Джая черногорскому князю Николаю, в котором заключены "как программа действия для совершения переворота в Сербии, так и цели, к которым стремится радикальная партия" /АВИР. Ф. Политархив. 1886 г. д. 434. л. 268/. На полях государь написал: "Это письмо весьма дельное, и взгляд их совершенно правильный" /АВИР. Ф. Политархив. 1886 г. д. 434. л. 279/.  
 . 39. Оккупационный фонд... С. 144.

Ар. А. УЛУНЯН

СЛАВЯНЕ, РОССИЯ И ЭТНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ГРЕЧЕСКОЙ  
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ /60-е годы XIX в. - 1918г./

Прежде чем обратиться непосредственно к самой теме необходимо сделать некоторые предварительные замечания о характере используемых дефиниций. Понятие "внешнеполитическая доктрина" включает в себя несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: а/ систему приоритетов во внешней политике, заключающуюся в постановке долговременной перспективной цели, обусловленной национальным, геополитическим, конфессиональным и идеологическим характером соответствующей страны; б/ способы и методы достижения этой цели, выражющиеся в определении ближайших задач, выполнение которых обеспечивает реализацию всего комплекса вопросов внешней политики данного государства; в/ соблюдение преемственности в проведении внешнеполитического курса на разных этапах в хронологической последовательности. В контексте исторических условий XIX в. все вышеозначенные элементы, хотя и имели свои особенности, составляли, однако, целостную систему. Это позволяет говорить о правомерности использования применительно к тому хронологическому периоду термина "внешнеполитическая доктрина". Процесс ее формирования у молодых балканских государств, первым из которых стала Греция, добившаяся независимости при сочетании внутреннего и внешнего факторов к 30-му году XIX в., имел немаловажную особенность, а именно: вызревание основных ее элементов проходило еще до восстановления национальной государственности в формах программ национально-освободительного движения. Этот факт не мог не повлиять на само содержание внешнеполитической доктрины стран полуострова. Для греков как нации и Греции как национального государства в этой связи в силу геополитических, конфессиональных и экономических причин немаловажное значение представляли отношения со славянами и Россией. В контексте греческой внеш-

неполитической доктрины дефиниция "славяне" относится прежде всего к соседним с Грецией южным славянам и используется как этноним. Одновременно следует иметь в виду, что усилившимся национальные противоречия в некогда едином греко-православном миллете, закончившиеся установлением отдельной экзархии одного из юнославянских народов – болгар, наложили отпечаток и на конфессиональное содержание внешнеполитической доктрины Греции. В тесной связи с содержанием термина "славяне" находится и другой – Россия. Это понятие включало в себя три основные составляющие, тесно взаимосвязанные в контексте исторических реалий. Во-первых, государственно-политическую, заключавшуюся в активном участии Российской империи в международных делах в регионе Балканского полуострова. Для многих из греков двухглавый орел "северной столицы" символизировал, хотя, может быть, и временную, но все же правоприемственность от Византийской империи. Второй составляющей был конфессиональный фактор, отождествлявшийся в сознании греков с покровительской ролью России в отношении балканских христиан, как славян, так и греков. И, наконец, этнический характер самого понятия "Россия" как естественного символа общеславянской идеи, заключавшейся во всемерной поддержке и патронаже славянских народов вне пределов империи.

Первые более-менее оформленные внешнеполитические программы для будущей независимой Греции были выдвинуты еще в конце XVIII – первой трети XIX в. Наиболее четко они были сформулированы Р.Велестинлисом /Фереосом/ в "Новом гражданском управлении для жителей Румелии и Малой Азии, средиземноморских островов и Влахо-Молдавии", программе "Филики Этерии" и произведениях А.Кораиса. Предложенная Фереосом идея создания единого балканского государства – "Греческой республики", которое должно было инкорпорировать естественным образом и негреческие территории, объективно символизировала выдвижение на первое место "греческого элемента", а принятие в качестве официального языка – греческого, являвшегося в то время для Балкан Lingua Franca,

закрепляло бы это положение. Программа "Филики Этерии", во главу угла которой было поставлено национальное освобождение греков, хотя и определяла конечной целью создание независимой Греции, менее конкретно рисовала перспективу отношений с соседними народами. Более четко этот аспект проявился у А.Корайса, в его "Боевой песне", написанной в 1800 г., ряде других его произведений, а также в переписке с Т.Джефферсоном – одним из "отцов-основателей" Соединенных Штатов Америки<sup>1</sup>. В первом случае на повестку дня ставился вопрос о создании "Франко-Греческого государства", так как послереволюционная Франция Наполеона была в глазах Корайса воплощением идеалов свободы, демократии и порядка. В 20-х годах XIX в. он переориентируется на США и считает уже их естественным союзником. В период войны за независимость политические и военные деятели греческих повстанцев оказались разделены на три основные партии в зависимости от того, как каждый из них понимал роль одной из великих держав – Англии, России и Франции – в отношении Греции. Поэтому вопрос о четком формулировании внешнеполитической доктрины независимого государства продолжал оставаться на повестке дня, приобретая особую оструту в моменты внутриполитических кризисов в Греции. И 14 января 1884 г. глава "французской партии" И.Колетис в своей речи в греческом парламенте определил основные элементы этой доктрины, названной им самим "Великой идеей". Главными ее постулатами были следующие: 1/ по своему географическому положению Греция является центром Европы. В связи с этим ее предопределение – своим падением просветить Запад, а через свое возрождение – просветить Восток. Первое было сделано предками, а второе лежит на современных греках; 2/ исходя из этой посылки греческий парламент должен принимать решения не только относительно судьбы Греции, но и всего греческого народа; 3/ греки – это все, кто верует в Христа и имеет своим родным языком греческий<sup>2</sup>. Таким образом, четко проявились главные черты "Великой идеи", характерные для всех подобных программ на

Балканах: провозглашение нации высшей ценностью, идеализация прошлого, подчеркивание древности цивилизации и континуитета его истории, пропаганда жестких решительных мер в проведении политики, четкое определение образа врага<sup>3</sup>. Одновременно выявились и специфические черты греческого варианта – тесная связь между национальными и конфессиональными элементами общественного сознания, с одной стороны, и этническая идентификация греков как единого народа в достаточно широком толковании, с другой<sup>4</sup>.

Внутриполитические коллизии, приведшие в начале 1844 г. к подрыву диктатуры короля Оттона – представителя баварской династии и учреждению Национального собрания, принявшего конституцию Греции, повлияли как на усиление конфессионального характера внешнеполитической доктрины, за что выступала "русская партия", пропагандировавшая идею "православного монарха", так и на территориально-пространственный ее аспект, выразившийся в планах "Великой Греции", выдвинутых "французской партией". Накануне и в период Крымской войны 1853–1856 гг. четко выкристаллизовались три момента, а именно: 1/ настойчивые попытки греческих правящих кругов расширить границы Греции при деинтеграции Османской империи, натолкнувшись на предупреждения западных государств о возможном в таком случае усилении "славянской опасности"<sup>5</sup>, под которой подразумевались не только северные соседи греков, но и Россия, официально покровительствовавшая славянам Османской империи, что, в свою очередь, заставило прибегнуть Афины к консультациям с Санкт-Петербургом, когда королева Амалия возложила на своего брата герцога Ольденбургского миссию посредничества при переговорах с Николаем I относительно перспектив расширения границ Греции<sup>6</sup>; 2/ выдвижение совместного плана греческих и российских сторонников возрождения Византийской империи как символа православия, во главе которой стоял бы император – российский Великий князь Константин<sup>7</sup> /проект сына графа Нессельроде – Дмитрия и брата генерала Каллергиса/; 3/ настороженность в отношении возможных последствий победы России над Турцией

как признак обеспокоенности тем, что "окончательным результатом было бы установление на руинах эллинизма панславянского доминирования"<sup>8</sup>. Однако к 1850 г. в момент крайнего обострения греко-британских противоречий из-за протурецкой позиции Лондона среди обывателей и политиков возобладало мнение, что национальные интересы как России, так и Греции заключаются в дезинтеграции Османской империи, в то время как западные державы выступали с совершенно иных позиций<sup>9</sup>. Поражение России в Крымской войне и активное вмешательство европейских держав в греческие дела положили конец "романтическому" периоду развития "Мегали идея" и привели к распаду "фильских" партий, находившихся под негласным патронажем одной из великих держав.

Следующее десятилетие, охватывающее 50-е – начало 70-х годов /с условно выделяемыми границами – переворот 1862-1863 гг., в результате которого пришел к власти Георгиос I, – 1870 г. – достижение независимости болгарской церковью/ стало временем переоценки внешнеполитической доктрины и приближения ее к реалиям международных отношений как конкретно в регионе, так и в Европе в целом. В немалой степени этому способствовало поражение так называемой "Великой критской революции" 1868 г., жестоко подавленной турками. "Мегали идея" сначала 70-х годов XIX в. и до конца столетия как внешнеполитическая доктрина оформляется в виде целостной системы взглядов. Особое место приобретает в ней восприятие этнических интересов греков, славян и России в контексте внешнеполитических задач Греции как страны. При этом на разных этапах происходило усиление одного из двух этих элементов при определяющем влиянии первого из них. Прежде всего это нашло свое выражение в постановке долговременной перспективной цели – освобождении греков вне пределов Греции из-под турецкого ига. Практически это означало развертывание национально-освободительной борьбы в районах Фессалии, Фракии, Македонии, на островах и получение контроля над проливами. В международных отношениях как в целом в Европе, так и в частности на

Балканском полуострове это неминуемо вело к затрагиванию интересов северных славянских соседей Греции – сербов и болгар, а также Российской империи. Одновременно произошел окончательный отказ греческих политиков к началу 70-х годов XIX в. от планов реализации греческих национальных интересов совместными усилиями балканских христианских народов. Это привело в конечном счете к дистанцированию<sup>10</sup> Греции от них и от России и усилению британского влияния. Акцентирование конфессионально-этнических элементов в провозглашенной в Санкт-Петербурге программе защиты православного славянства на Балканах настораживало Афины и делало их более восприимчивыми к знакам "доброй воли", оказываемым с середины 70-х годов Великобританией. Еще в большей степени разнились представления двух столиц о дальнейшей судьбе черноморских проливов и "великого города" – Константиноополя. При всех нюансах дипломатических ходов со стороны греков этот вопрос рассматривался ими как закономерное продолжение "освободительной борьбы эллинства". В свою очередь Российская империя, втянутая в европейскую игру более широкого масштаба, была вынуждена предпринимать весьма противоречивые шаги. С одной стороны, нельзя было допустить открытой конфронтации с Портой, оправдавшейся на поддержку большинства европейских государств, боявшихся усиления России в районе Средиземноморья, но с другой – перед российской политикой стоял насущный вопрос ослабления Османской империи, представлявшей скрытую угрозу для южных рубежей Российской империи. Русско-турецкая война 1877–1878 гг., казалось, должна была сблизить российские и греческие позиции. Однако нахим европейских государств, оказанный на Грецию, не позволил ей стать участницей антитурецкой кампании, а послевоенное государственно-территориальное устройство, в решении которого она все-таки приняла участие, создавало в глазах афинских правящих кругов иллюзию усиления славянства на Балканах, за которым стояла Россия. Тем самым были даны основания для определенной части греческого общества и в целом греческого политического мира признать справедливость выводов

в речи греческого политического деятеля Г.Грипариса, изложенных еще в 1876 г. В то время как мы с 1869 г. презрели и забыли свою Мегали идею и предавались изнеженности и достижению материальных благ, полуварварское племя славян восприняло грандиозную и великую идею разрушения Османской империи и создания славянской /империи на ее месте. - Ар. у./"II. Поэтому программа внешнеполитических действий ставила на повестку дня три взаимосвязанные задачи, ярко окрашенные в национальные тона: освобождение греков Османской империи; активизация прогреческой национальной пропаганды в районах, могущих оказаться под властью славянских государств - Сербии и Болгарии; привлечение на свою сторону илинейтрализация России как державы - гаранта христианского населения Балканского полуострова. В связи с этим во внешнеполитической доктрине одно из главных мест начинает приобретать система "ходов", которые могут в конечном счете обеспечить реализацию вышеизначенных задач. "Мегали идея" к середине 90-х годов становится не столько высшей целью, сколько способом утверждения Греции в международных делах, особенно в отношениях со славянскими государствами. Сочетанием <sup>всей</sup> видностью это проявилось в пограничных с ними районах - прежде всего Фракии и Македонии. Борьба на два фронта - против турецкого ига и славянской опасности затрудняла, а точнее, делала невозможной реализацию территориальных планов в том смысле, как это понималось в Афинах. В то же время как внутренние факторы, так и внешние диктовали необходимость поиска "золотой середины" в отношениях с Турцией, за которой стояли крупные западные государства, с одной стороны, и со славянскими соседями Греции, пользовавшимися нередко поддержкой России, - с другой. И искомая формула была, хотя и с большими трудностями, выработана. Она предусматривала следующее. Во-первых, предстояло предпринять шаги с тем, чтобы заручиться поддержкой великих держав, включая Россию, в осуществлении этноса Крита и Греции с предоставлением гарантий европейскому концерту, что борьба за "греческое дело" в данном случае идет на пользу Европе, чьи интересы

будут защищены "просвещенной христианской страной" намного лучше, чем "дряхлющей и темной фанатичной силой", каковой представлялась Афинам Османская империя. Во-вторых, попытаться расколоть возможный единый фронт славянства в лице Сербии и Болгарии, выдвигавших, в свою очередь, "великие" проекты, направленные на достижение противоположных Афинам целей. Конкретно это нашло свое выражение в усилении повстанческой партизанской борьбы, поддерживавшейся и финансировавшейся как правительственными, так и частными организациями в районах Македонии. И, наконец, в-третьих, активизация общественно-политической жизни зарубежного эллиновства - прежде всего в России с целью укрепления греко-российских общественных связей - важного элемента в формировании общественного мнения двух стран. В этой связи претерпела существенную ревизию важная составляющая любой внешнеполитической доктрины - преемственность в проведении внешнеполитического курса на разных хронологических этапах. В создавшихся условиях были заложены начала дифференциального подхода, с одной стороны, в отношении славянских соседей Греции - болгар и сербов, и, с другой - попытки разграничения во внешнеполитических действиях России трех образующих их компонентов - конфессионального, определяющего покровительство над христианами Османской империи; этнического, обуславливающего поддержку славян вне пределов Российской империи, и общеполитического, характеризующего Россию как члена европейского концерта. Вполне естественно, что в этих сложных калькуляциях любой из приведенных факторов при стечении многих обстоятельств вносил коррективы, хотя, может быть, и незначительные, в общую концепцию "Мегали идеи". В начале XX в. после неудачного критского восстания и греко-турецкой войны 1897 г., ослабления страны в экономическом и военном плане и резкого усиления позиций Болгарии в результате провозглашения в октябре 1908 г. ее окончательной независимости от Турции, греческая внешнеполитическая доктрина в форме "Мегали идеи" после военного переворота

1909 г. и прихода к власти Э. Бенизслоса ярко выявила свои этнические ориентиры. Вопрос об инкорпорации Македонии, Фракии и Эпира в состав королевства стал одним из живо-трепещущих. Конечная цель – возвращение Константино-поля и контроль над проливами являлась в этой связи задачей "второго" этапа. Помеха в лице европейских государств рождала в греческом обществе ксенофобские настроения, а необходимость усиления конфессиональных основ единства нации толкала на активные действия на Афоне, где заметное славянское присутствие расценивалось как вызов первым и главным носителям православия – грекам. Однако политические коллизии продемонстрировали невозможность решить такой комплекс проблем без союзников, и поэтому в Афинах восторжествовал принцип "разумной достаточности" – ограниченный союз со славянами – соседями Греции на антитурецкой основе в борьбе за освобождение единоверцев, находящихся под игом османского владычества. Расчет делался и на то, что Россия не помешает патронировавшимся ею христианам – славянам. Первая балканская война, однако, показала, что Санкт-Петербург, включенный в общеевропейскую дипломатическую игру, сам заинтересован в проливах и не может переступить через сложившуюся систему союзов, договоров и обещаний. Прорыв сил балканских союзников к Константинополю, предопределенный освобождением от турок пограничных районов трех, как писала в то время лондонская "Таймс", "маленьких балканских "друзей" нарушал планы великих держав. Поэтому второй этап "Мегали идеи" был обречен оставаться лишь перспективой. Намного важнее для Афин стало разобраться с воссоединенными новыми землями, так как каждый из партнеров по антитурецкой коалиции приобрел территории спорных областей. В создавшейся ситуации, попытка ревизии результатов первой балканской войны со стороны Болгарии развеяла опасения о едином славянском фронте Болгарии и Сербии против эллинизма, а обладание Салониками и прилегающими районами давало бы возможность Греции помешать проникновению этих двух стран на

"македонские берега Эгейского моря, чем бы /она. - Ар.У./ обезопасила и свою северную границу"<sup>12</sup>. К тому же исчезла и угроза нажима со стороны России, лишившейся козыря "единства славян", так как против Болгарии, за спиной которой стояла Германия, сражалась не только Греция, но и Сербия.

Первая мировая война, однако, создала определенные трудности для оформления в четком виде греческой внешнеполитической доктрины в контексте национальной идеи. Прогерманская и пробританская фракции имели разное видение союзников Греции. Победившая в конечном счете, поддерживаемая Англией и Францией группировка Э. Венизелоса, поставила во главу угла принципы "Мегали идей" в их изначально романтическом виде: восстановить греческий суверенитет над историческими землями эллинства, к которым относились Македония, Фракия, Константинополь, Анатолия и Трапезунд. Столь широкая программа действий вызвала недовольство как в Санкт-Петербурге, где еще до Февральской революции высказывались весьма положительно о взятии Константиноополя российскими войсками, так и в славянских странах, прежде всего в Болгарии. Февраль 1917 г. привел к изменению политики России в данном вопросе, но не снял лозунга "На Царьград!", провозглашавшегося активно настроенными политическими силами. И несмотря на то, что новый министр иностранных дел П. Миллюков, пытаясь обосновать свою позицию в вопросе о походе на "Великий город" выдвигал разумный довод, что "резкие изменения, которые происходят во внутренних делах /России. - Ар.У./ невозможны в дипломатии"<sup>13</sup>, его точка зрения была отвергнута революционными фразерами из левого лагеря. Казалось, что поддержка со стороны многих европейских держав создаст условия для реализации греческой внешнеполитической доктрины в полном объеме, а отказ России от Константиноополя обеспечит благоприятное отношение к греческим действиям в этом направлении со стороны Бременного правительства. Российский посол в Афинах Демидов сообщал в Петроград в этой связи, что "бессспорно, возродилась оставленная было /в

Греции. - Ар.У./ надежда на обладание Византией"<sup>14</sup>. Однако пoспешность в оценках западноевропейского и русского факторов, сделанных правящими кругами в Афинах привела к неправильному пониманию ими той роли, которую было суждено сыграть городу на берегу Босфора. После октябрьского переворота в России и переориентации ее политики по идеологическим и военно-стратегическим причинам в явно турко-фильском направлении Константинополь и Трапезунд, чьи земли были обильно полты греческой кровью в период массовой резни, устроенной турками, оказались лишь возможными, но не реальными наградами, обещанными западноевропейскими политиками грекам за их жертвы в войне. Поэтому сама внешнеполитическая доктрина Греции оставалась все еще нематериализованными планами.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Более подробно по данному вопросу см.: Улунян А.Р. Роль идейного наследия французской и американской революций XIX в. в становлении общественно-политических взглядов А.Корайса // Европейское Просвещение и Французская революция XIX в. М., 1988.

2. Цит. по: Данова Н. Националният въпрос в гръцки-те политически програми през XIX век. София, 1980. С. 87, 88,

3. Лапина И.М. "Великая идея" на Балканах /вторая половина XIX – начало XX вв. // Материалы школы молодых славистов и балканистов. М., 1990. С. 110.

4. Достаточно точно связь между религиозным и национальным сознанием большей части греков описали Д.Кассаветти и М.Оксон – авторы вышедшей в 1914 г. в Лондоне книги "Эллада и Балканские войны", отмечавшие, что "для грека" слово "патриотизм" не означает только любовь к родине. В его сознании это настолько тесно связано с христианством, что греки, можно сказать, настолько сильно привережены своей вере как с национальной, так и с религиозной точки зрения". – *Hellas and the Balkan wars.* By D.J.Cassavetti, M.A.Oxon. London, 1914. P.248.

5. Δόντας Δ. Η Ελλάς και οι Δύναμεις κατά του Κρηταϊκού πολέμου. Θεσσαλονίκη, 1973.Σ.37.

6. Στό 6διο.Σ.40.

7. Στό 6διο.Σ.41.

8. Στό 6διο.Σ.42.

9. Kofas J. International and domestic politics in Greece during the Crimean war. New York, 1980. P.31.  
Впоследствии в самой Великобритании в период первой балканской войны была опубликована книга английского автора Н.Энджила "Мирные теории и балканская война", в которой он крайне негативно охарактеризовал роль зададноевропейских держав и прежде всего Великобритании на Балканах за их антирусскую, а заодно антигреческую и антиславянскую туркофильскую политику. См.: Peace theories and the Balkan war. By N.Angell. London, 1912.

10. Kofas Ev. Greece and the Eastern Crisis 1875-1878. Thessaloniki, 1975. P.27.

II. Данова Н. Писоч. съч. С. 234.

12. Стојанов П. Македонија во политиката на големите сили во времето на Балканските војни 1912-1913. Скопје, 1979. С. 39.

13. Johnston R.H. Tradition versus revolution. Russia and the Balkans in 1917. New York, 1977. P.27.

14. Цит. по: Соколовская О.В. Греция в годы первой мировой войны. М. 1990, С. 174.

В.П.МЕНЬШИКОВ

### БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС В РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА 80-Х ГОДОВ XIX В.

В результате разрыва отношений России с Болгарией последняя оказалась в крайне сложном положении. Лишенная князя, а затем и поддержки своей "покровительницы" она осталась один на один со своими проблемами. Регентство во главе со Стамбуловым, на чьи плечи пала неблагодарная задача освобождения Болгарии от своей "освободительницы", должно было найти выход из создавшегося положения: по возможности сократить период "бескоролевья", избрав князя, призванного Европой, и найти опору в лице другой великой державы или держав, способных быть достойным противовесом России в ее политике на Балканах. Только решив сложные задачи, болгарское правительство консерваторов могло удержать бразды правления в своих руках и не допустить возврата к власти либералов-русофилов во главе с Д.Цанковым.

С конца 1886 г. в русско-болгарских отношениях наступил новый этап: этап вражды, взаимных уколов и подозрений. Несмотря на то, что дипломатические отношения между обеими странами отсутствовали в течение десяти лет, российский императорский двор и русское правительство никогда не забывали о существовании болезненного для самолюбия великой державы болгарского вопроса. Более того, можно утверждать, что в политике России на Балканском полуострове в эти годы /1886-1894/ сформировалось новое направление, главным содержанием которого явился ряд международных инициатив российской дипломатии, направленных на то, чтобы заставить Болгарию вернуться под российское покровительство. Честолюбивое стремление царя поставить молодое болгарское государство на колени и вновь утвердить в нем всеобъемлющее влияние России стало одним из важнейших побудительных мотивов, обусловивших жесткость деятельности российской дипломатии в болгарском вопросе. Особенно острым русско-болгарское противостояние было при жизни двух главных антагонистов – российского императора Александра III и первого регента и бессменного главы болгарского правительства до 1894 г. С.Стамболова.

В свою очередь в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. Болгарское княжество прикладывало немалые усилия компенсировать утрату покровительства со стороны России расширением политических и дипломатических связей как с великими западноевропейскими державами, так и с соседними балканскими государствами. Таким путем Болгария стремилась преодолеть состояние политической и дипломатической изоляции, в котором она очутилась после разрыва отношений с Россией в конце 1886 г.

Одна из первых попыток Болгарии заручиться поддержкой Европы против России окончилась неудачей. Речь идет о посещении болгарской депутацией ряда европейских столиц и, в частности, Парижа, в январе 1887 г. Во время этого визита болгарские политические деятели пытались прозондировать отношение Франции к возможному избранию нового князя самими болгарами. В ответ на заявление болгар о своем праве

избрать такого государя, который был бы им по нраву, французский министр иностранных дел Флуранс посоветовал болгарским делегатам не забывать о тех чувствах, которые они должны испытывать в отношении к освободившей их от турецкого гнета России. При этом он напомнил на то, что вовсе не обязан разговаривать со своими гостями, так как Болгария является вассалом Турции и не имеет права самостоятельно поддерживать отношения с европейскими державами. В итоге Флуранс рекомендовал не ссориться с Россией и выполнять все ее пожелания<sup>1</sup>. В условиях нового обострения франко-германских противоречий и наметившегося сближения с Россией Франция не хотела протягивать руку помощи молодому болгарскому государству, чтобы лишний раз не раздражать свою возможную союзницу. Дружба России для Франции имела намного больше значения, чем все вместе взятые проблемы Балканского полуострова.

Одновременно Болгарское княжество пыталось вступить в более тесные отношения с соседними балканскими государствами. К этому его толкала необходимость упрочения своего положения на международной арене после воссоединения с Восточной Румелией, а также стремление к поиску путей для заключения соглашения по македонскому вопросу. И то, и другое было особенно актуально для Болгарии после разрыва отношений с Россией.

В фондах Архива внешней политики России МИД СССР хранятся донесения русского посланника в Афинах в 80-е годы XIX в. Е.К.Бюцова, которые содержат ценные сведения о намерениях Болгарии установить дипломатические отношения с независимым Греческим королевством. Названные документы дают возможность понять, какое место занимал болгарский вопрос в русско-греческих отношениях конца 80-х годов XIX в. В настоящей работе освещается одна из первых попыток Болгарии открыть свое дипломатическое представительство в столице Греции, а также реакция правительства России на болгаро-греческие переговоры по македонскому вопросу. Последнее особенно интересно, так как в ходе этих кон-

тактов греческой стороной неоднократно поднимался вопрос о возможном разграничении спорной территории в Македонии на болгарскую и греческую сферы влияния, что, разумеется, не могло оставить равнодушным официальный Петербург.

В январе 1887 г., когда болгарская депутация последовательно обезжала европейские столицы, ища поддержки у великих держав, болгарское правительство вступило в переговоры с греческим дипломатическим представителем в Софии К.Рангабе. Оно обратилось к нему с просьбой узнать, будет ли принят греческим правительством постоянный дипломатический представитель Болгарии, которого регентство хотело бы направить в Афины<sup>2</sup>. Глава греческого кабинета Х.Трикупис поручил К.Рангабе ответить болгарскому правительству, что дипломатический агент Болгарии будет принят в Афинах, но греческое правительство не сможет признать его в качестве официального лица и, следовательно, предоставить ему те же преимущества, что и дипломатическим представителям других стран. В своем ответе греческое правительство, несомненно, учитывало вассальное положение Болгарского княжества по отношению к Османской империи, а также степень остроты русско-болгарских противоречий после недавнего разрыва отношений. Премьер-министр Греции по собственной инициативе доверительно сообщил об этих переговорах российскому посланнику в Афинах С.К.Бюзову, рассчитывая, по-видимому, подготовить российский императорский двор и правительство к появлению в Греции болгарского дипломатического представителя и таким образом смягчить неблагоприятное впечатление, которое могло возникнуть в Петербурге в результате этого шага. "Слух о намерении болгарского правительства назначить агента в Афины, - заметил в ходе разговора Х.Трикупис, - проник уже в газеты, и может подать повод к превратным толкам; мы желали бы поэтому, чтобы императорскому кабинету было известно, как мы отнеслись к сделанному нам запросу"<sup>3</sup>. Стремясь отвести от себя подозрения царского правительства в тайных намерениях Греции вступить с Болгарией в союз-

ные отношения, греческий первый министр заявил посланнику России, что интересы Греции и Болгарии в значительной мере противоположны и поэтому исключают возможность сближения между ними. Однако греческое правительство не хотело бы ухудшать существующие греко-болгарские отношения, поэтому оно и ответило согласием принять болгарского дипломатического агента<sup>4</sup>. Е.К.Бюцов принял объяснения Х.Трикуписа к сведению.

В начале февраля 1887 г. болгарские делегаты Греков и Стоилов на пути из Италии в Константинополь посетили Афины и использовали свою остановку, чтобы встретиться с главой греческого правительства Х.Трикуписом и министром иностранных дел Греции Драгумисом. Греческие министры и на этот раз также нашли возможным ознакомить русского посланника в Греции с содержанием своих переговоров с болгарскими делегатами. По их словам, Греков и Стоилов выразили главе греческого кабинета полное удовлетворение в связи с согласием греческой стороны на аккредитацию в Афинах болгарского дипломатического агента. Мало того, оба болгарских политических деятеля изъявили желание быть избранными на этот пост<sup>5</sup>. Такая позиция болгарских делегатов по словам Х.Трикуписа, показалась ему удивительной, так как в своем ответе греческое правительство вполне определенно известило болгарское регентство, что его представитель в Афинах не будет наделен правами официального лица. Еще более греческий первый министр был удивлен тем, что болгарские представители во время этого разговора уклонились от обсуждения наиболее важных для Греции и Болгарии проблем. Х.Трикупис имел в виду церковный вопрос и проблему территориального разграничения между обеими странами в Македонии. Глава греческого кабинета выразил Е.К.Бюцову по этому поводу свое сожаление, заметив, что эти вопросы представляют для Греции первостепенную важность<sup>6</sup>. Российский посланник в своем донесении в Петербург предположил, что премьер-министр Греции сказал ему об этом с определенной целью, желая немекнуть, что "он вынужден искать непо-

средственного с болгарами соглашения, вследствие оставленного нами без внимания неоднократно заявленного им желания уловиться с императорским правительством насчет пределов, до которых греческие домогательства в Македонии будут признаны законными<sup>7</sup>. Приведенный нами отрывок из донесения Е.К.Бюцова был подчеркнут в документе рукой Александра III, и рядом им была сделана пометка: "Об этом можно было бы заговорить с Трикуписом, чтобы знать нам их намерения"<sup>8</sup>. Разумеется, министр иностранных дел России не замедлил передать русскому посланнику в Афинах задание императора, узнать более конкретно о территориальных претензиях Греции в Македонии. По-видимому, царское правительство не исключало возможности слова Греции и Болгарии по македонскому вопросу, поэтому оно хотело быть в курсе намерений двух сторон. В заключение разговора греческий первый министр сообщил Е.К.Бюцову, что Греков и Стоилов, затронув в ходе беседы проблему болгаро-русских отношений, заявили ему, что болгарское правительство считает невозможным выполнить в настоящее время в полном объеме все требования России. Данная информация нашла соответствующий отклик в Петербурге.

Получив 18 февраля 1887 г. инструкции от министра иностранных дел России Н.К.Гирса, Е.К.Бюцов поспешил встретиться с греческим премьер-министром, чтобы обсудить с ним ряд важных вопросов. От имени своего правительства он выразил А.Трикупису решительный протест против планов греческого кабинета принять в столице Греции болгарского дипломатического агента и, по-видимому, рекомендовал изменить принятое решение. После чего глава греческого правительства был вынужден в течение длительного времени доказывать царскому дипломатическому представителю, что он не мог ответить полным отказом ввиду того, что греческие подданные имеют в Болгарии немаловажные интересы. В противном случае Греция рисковала бы восстановить против себя болгарское правительство<sup>9</sup>.

Кроме того, А.Трикупис, по его собственным словам,

ожидал, что выдвинутые Грецией условия заставят болгарских регентов воздержаться от посылки в Афины своего агента. Заявить же теперь, что он не будет принят, значило бы вызвать в Софии чувство раздражения и недовольства, которого греческое правительство старается избежать. К тому же, добавил греческий премьер-министр, пребывание в Афинах болгарского дипломатического представителя, не признанного греческим правительством в качестве официального лица, не может быть истолковано в смысле враждебной относительно России демонстрации, так как такие же частные агенты находятся и в столицах других стран<sup>10</sup>.

Однако российский посланник не принял объяснений Х.Трикуписа, жестко указав на то, что постоянное пребывание в столице Греции Грекова или Стоилова, или же другого известного болгарского политического деятеля российское правительство, несомненно, расценит как недружелюбный по отношению к России шаг, добавив, что он считает своим долгом обратить на это внимание афинского кабинета. Даже в том случае, если греческое правительство имеет основания щадить болгарское регентство, чтобы не восстановить его против себя, сказал далее Е.К.Бюцов, назначение в Афины болгарского агента, по мнению Петербурга, может быть отклонено и без тех негативных последствий, которых опасается греческий первый министр<sup>11</sup>. Затем посланник России еще раз рекомендовал Х.Трикупису поручить греческому дипломатическому представителю в Софии "дружеским образом объяснить регентам, что принятие их агента в Афинах было бы в настоящее время сопряжено с неудобствами"<sup>12</sup>. После некоторого колебания греческий премьер-министр согласился послать К.Рангабе соответствующие указания. Е.К.Бюцов в своем донесении в Петербург отметил, что Х.Трикупис оказался в затруднительном положении, так как, по его сведениям, болгарское регентство уже назначило к тому времени своим агентом в Афинах префекта Филиппополя Дмитрова. В заключение разговора российский посланник предупредил греческого первого министра, что он известит министра иностранных дел России Н.К.Гирса о посылке греческому дипло-

матическому представителю в Софии соответствующего ука-  
зания<sup>13</sup>.

Интересно отметить, что король Греции Георг I не разделял позиции своего премьер-министра по вопросу о болгарском агенте. Греческий монарх во время одной из бесед заявил посланнику России, что, по его мнению, Софии в настоящее время следовало бы отказаться от назначения даже и неофициального представителя, так как он не видит большого смысла в подобном шаге. По прочтении донесения Е.К.Бюцова от 20 февраля 1887 г. из Афин император Александр II поставил напротив слов короля Георга свою помету: "Очень рад"<sup>14</sup>. Можно предположить, что монархическая солидарность афинского и петербургского дворов помогла российскому МИД торпедировать назначение в Грецию дипломатического представителя болгарского правительства.

5 марта 1887 г. состоялась очередная встреча российского посланника в Афинах с греческим премьер-министром. Вернувшись к обсуждению вопроса о болгарском агенте, Е.К. Бюцов изложил Х.Трикупису аргументы петербургского кабинета против этого назначения и вновь потребовал, чтобы Греция ответила Болгарии отказом. В ответ глава греческого правительства сослался на то, что Греция была вынуждена принять предложение Софии, чтобы защитить интересы своих подданных в Болгарии и избавить их от возможных преследований со стороны болгарских регентов. В этом случае афинский кабинет руководствовался совершенно другими мотивами, а вовсе не стремлением к сближению с Болгарией, - заверил Х.Трикупис посланника России<sup>15</sup>.

Далее греческий первый министр сказал, что он выполнил данное им обещание и послал греческому агенту в Софии инструкции с поручением сделать все возможное, чтобы отклонить регентов от намерения назначить своего представителя в Афины. Х.Трикупис выразил надежду на то, что К.Рангабе успешно выполнит возложенное на него поручение. По мнению греческого министра, сам факт затягивания выбора агента является благоприятным признаком. Согласно полученным сведениям, префект Филиппополя Дмитров отказался принять

предлагаемое назначение<sup>16</sup>.

Затем Е.К.Бюцов попросил своего собеседника дать необходимые разъяснения по поводу выраженного им ранее, в предыдущей беседе, сожаления, что ему не удалось объясняться с болгарскими делегатами по вопросам, имеющим общий для Греции и Болгарии интерес. Х.Трикупис заявил, что он вовсе не имел в виду серьезное обсуждение упомянутых вопросов, а лишь самый общий обмен мнениями, который позволил бы ему составить представление о претензиях болгар /видимо, относительно возможного раздела сфер влияния в Македонии/. Кроме того, такой разговор, хотя и был бы лишен прямой практической пользы /т.е. не окончился бы заключением формального договора с Болгарией по церковному и македонскому вопросам/, имел бы, по словам главы греческого кабинета, некоторые "нравственные" результаты, которые помогли бы болгарам уяснить греческую точку зрения по названным вопросам<sup>17</sup>. Х.Трикупис также отметил, что российское правительство никогда не выступало с инициативой обсуждения этих вопросов и что греческий кабинет тем более не намерен брать на себя такую инициативу в настоящее время, хотя в принципе подобный обмен мнениями, по его мнению, мог бы облегчить путь к урегулированию "противоречащих друг другу стремлений обеих народностей". Однако греческий премьер-министр считал невозможным, чтобы болгаро-греческое соглашение было заключено путем прямых двусторонних переговоров, минуя посредничество России. Лишь одна Россия, по его словам, способна содействовать заключению такого соглашения. Только при содействии российского правительства, продолжал заверять Е.К.Бюцова Х.Трикупис, афинский кабинет может надеяться на осуществление законных притязаний Греции<sup>18</sup>.

После этого российский посланник в Афинах заявил греческому министру, что Россия в своей политике относительно Греции руководствуется прежде всего стремлением к обеспечению мира на Балканском полуострове, т.е. по сути дела ответил отказом на намеки Х.Трикуписа о желательности по-

средничества России при заключении болгаро-греческого соглашения по спорным вопросам. Последний был вынужден подтвердить, что он разделяет высказанные соображения, а стремления России вполне соответствуют в настоящее время жизненным интересам Греции. В заключение разговора собеседники коснулись церковного вопроса. Х.Трикупис выразил готовность действовать солидарно с Россией во всех делах, касающихся обеспечения и защиты интересов православной церкви на Востоке. Надо сказать, что российский император Александр III отнесся крайне недоверчиво к подобным заверениям главы греческого правительства, написав на донесении Е.К.Бюцова от 5 марта 1887 г. напротив слов Х.Трикуписа: "Весьма не искренно!" Царь имел в виду противодействие Греции и лично греческого премьер-министра избранию в Константинополе вселенским патриархом ставленника России Иоакима III, который был провален на выборах, а вместо него патриархом был избран другой церковный иерарх Дионисий<sup>19</sup>.

Следующая встреча российского посланника в Афинах с главой греческого кабинета состоялась 19 марта 1887 г. На этот раз Е.К.Бюцов по собственной инициативе первым поставил на обсуждение вопрос о притязаниях Греции в Македонии. Царское правительство придавало этому вопросу особую важность, отдавая себе отчет в том, что проблема территориального разграничения в европейских владениях Османской империи является ключевой как для самих балканских государств, так и для великих европейских держав, во многом определяя их политику на Балканах. Х.Трикупис прежде всего заявил, что за основу для разграничения между греческими и болгарскими притязаниями в Македонии не может быть взят этнографический принцип. Жители средней, спорной, части этой провинции, при отсутствии резких племенных различий, могут быть отнесены как к греческой народности, так и к болгарской. Отличительные черты одного или другого племени, сказал он далее, приобретаются ими в соответствии с преобладанием греческого или славянского влияния<sup>20</sup>.

Устранив таким образом невыгодный для Греции принцип разграничения, согласно большинству населения греческий премьер-министр сразу же обеспечивал своей стране "поле для маневра". Затем Х.Трикупис объяснил, что для ограждения интересов Греции необходимо было бы признать законность ее претензий на часть Македонии, находящуюся к югу от линии, проведенной таким образом, чтобы к Греции отошли Битолия, Салоники, Струмница и Серес. В ответ Е.К.Бюцов возразил, что Битолия и Струмница, несомненно, являются славянскими местностями. Однако греческий первый министр отказался признать существование сколько-нибудь серьезных аргументов в пользу такой точки зрения, а относительно Битолии пояснил, что этот пункт представляет для Греции большой интерес<sup>21</sup>. Еще важнее для интересов Греции было бы присоединение к ней Охриды, но, добавил, Х.Трикупис, Греция опасается, что в этом случае ее притязания могут столкнуться с притязаниями Австро-Венгрии. По поводу Салоник собеседник посланника России в Афинах заметил, что несмотря на то, что греческое население в этом городе составляет незначительное меньшинство, греческие интересы решительно преобладают в нем над славянскими. Наконец, Серес, утверждал Х.Трикупис, бесспорно является греческим городом<sup>22</sup>.

Далее премьер-министр Греции доверительно сообщил Е.К.Бюцову, что обмен мнений относительно разграничения на основе, предложенной греческой стороной, был начат еще при Александре Баттенберге, во время визита болгарского князя в Грецию в 1883 г. Вторично афинское правительство подняло этот вопрос после объединения Болгарского княжества с Восточной Румелией. На этот раз Александр Баттенберг в принципе согласился принять разграничительную линию, предложенную правительством Греции. Однако остался не вполне ясным вопрос о морском порте на побережье Македонии, которое должно было отойти к Греции. Болгарский князь долго колебался, не решаясь согласиться на это. Греческая же сторона указывала ему на возможность вознаг-

радить себя в будущем выходом к морю на побережье Фракии. После отъезда из Болгарии князя Баттенберга этот вопрос более не затрагивался ни той, ни другой стороной. При этом Х.Трикупис заметил, что афинский кабинет, как и ранее, по-прежнему убежден в том, что "осуществление его домогательств должно всецело зависеть от признания и поддержки их Россиею"<sup>23</sup>.

Не вступая в детальное обсуждение изложенных греческим премьер-министром соображений, российский посланник в Афинах вновь напомнил своему собеседнику позицию России по этому вопросу. Е.К.Бюцов сказал, что императорский кабинет, заботясь прежде всего о сохранении территориального статус quo на Балканском полуострове, был бы склонен признать притязания Греции лишь в принципе, не принимая на себя каких-либо формальных обязательств. Благожелательное отношение Петербурга, добавил затем царский дипломат, возможно лишь при одном условии. Участвуя в делах Греции, Россия вправе ожидать, что политика Афин будет свободна от враждебных России влияний. Император Александр III подчеркнул эти слова в донесении Е.К.Бюцова и, выражая свое отношение, рядом начертал: "Надеюсь"<sup>24</sup>.

Последнее замечание посланника России произвело крайне неприятное впечатление на главу греческого правительства, и он с досадой спросил Е.К.Бюцова, на какие "влияния" тот намекает. В ответ царский дипломатический представитель заявил, что имеет в виду вообще "неблагоприятные России внушения". Однако Х.Трикупис категорически отрицал возможность уступки Греции подобным влияниям, так как это противоречило бы ее интересам, заключающимся именно в приобретении благорасположения России<sup>25</sup>.

В ходе этой беседы глава греческого кабинета также счел нужным заявить, что правительство Греции вполне разделяет заботу российского правительства о сохранении существующего на Балканском полуострове территориального устройства, так как оно тоже заинтересовано в мире. Стремление же Афин к достижению соглашения о разграничении гре-

ческих и болгарских притязаний в Македонии продиктовано тем соображением, что такое соглашение может способствовать сохранению мира. Видимо, Х.Трикупис намекал на недавнюю сербо-болгарскую войну, имея в виду, что отношения между двумя балканскими странами обострились из-за отсутствия договоренности о территориальном размежевании. "С определением сферы влияния каждой стороны, - отметил греческий премьер-министр, - будет устранен главный источник взаимного раздражения и вражды"<sup>26</sup>. Это позволило бы ликвидировать раскол православной церкви, так как исчезла бы необходимость использовать церковный вопрос в политических целях, к чему эллинизм, по словам Х.Трикуписа, было вынуждено прибегнуть.

Данное объяснение вызвало удивление и возмущение у российского дипломата. Определив признания своего собеседника как "беззастенчивые", Е.К.Бюцов в ответ выразил сожаление, что греческое правительство использует церковный вопрос как средство для достижения своих политических целей, не обращая внимания на то, что в результате интересам Православной Церкви наносится большой вред. Такая политика не только разрушает церковное единство народов Балканского полуострова, но и, по словам российского посланника, создает благоприятную почву для иноверной пропаганды и содействует успеху других держав, которые преследуют эгоистические, враждебные этим народам цели<sup>27</sup>.

Однако греческий политический деятель оказался неуязвимым для подобного рода внушений. Не отрицая то, что такая опасность реально существует, особенно со стороны Австро-Венгрии, Х.Трикупис откровенно заявил, что она его мало смущает, поскольку "греки никогда не выказывают восприимчивости, которому отличаются болгары, легко поддающиеся посторонним влияниям"<sup>28</sup>. В конце своей беседы с греческим премьер-министром Е.К.Бюцов грустно резюмирует, что при таких взглядах главы афинского кабинета Россия не может рассчитывать на искреннее содействие греческого правительства своим стремлениям поддержать авторитет право-

славной церкви на Востоке. Во время прочтения этого донесения российского посланника в Афинах у русского царя, судя по имеющейся на документе помете, вырвался вздох сожаления: "Это грустно!"<sup>29</sup>. Высказывая свое мнение по поводу возможных перспектив русско-греческих отношений в церковном вопросе, Е.К.Бюцов с большим основанием предположил, что греческое правительство, очевидно, будет всегда препятствовать избранию на патриарший престол любого иерарха, которого оно заподозрит в желании покровительствовать болгарам, по крайней мере до тех пор, пока оно не добьется формального признания законности своих притязаний в Македонии.<sup>30</sup>.

В ноябре 1887 г. уже после избрания болгарским князем принца Фердинанда Кобургского греческому дипломатическому агенту в Софии от имени болгарского правительства был сделан запрос, признает ли афинский кабинет сделанный болгарским народом выбор. Однако К.Рангабе в соответствии с инструкциями своего правительства ответил, что греческий кабинет признает принца Фердинанда Кобургского лишь после того, как он будет признан князем болгарским со стороны России и Турции<sup>31</sup>. На этот раз греческое правительство в столь важном для самолюбия России вопросе предпочло сразу же проявить послушание и лояльность, не входя в длительные дипломатические дискуссии с российским МИД.

Возвращаясь к вышеизложенному, остается сказать, что на этом бурные переговоры российского посланника в Афинах Е.К.Бюцова и греческого премьер-министра Х.Трикуписа по болгарскому, македонскому и церковному вопросам, продолжавшиеся почти без перерыва в течение 3 месяцев в январе – марте 1887 г. были завершены. Можно констатировать, что обе стороны остались неудовлетворенными их исходом, так как и Петербург, и Афины мало что получили в результате. Российскому МИД удалось сорвать назначение в Афины дипломатического представителя болгарского правительства и выведать интересовавшую его информацию относите-

льно размеров греческих притязаний в Македонии и хода греческо-болгарских переговоров по поводу разграничения в этой провинции Османской империи. Возможно, царское правительство было тогда убеждено, что оно смогло предотвратить назревавшее сближение Греческого королевства с нелюбезным его сердцу Болгарским княжеством, которое старавшись Петербурга /наряду с другими факторами/ все еще оставалось без князя. Однако добиться серьезных уступок со стороны Греции в имевшем тогда для России практический интерес церковном вопросе российскому МИД не удалось.

В свою очередь, намерение Греции начать реальное сближение с Болгарией, которое недвусмысленно было выражено в заявленной греческим правительством готовности принять в Афинах дипломатического агента болгарского регентства, не удалось реализовать, так как оно в самом начале было пресечено Россией. Причем это было сделано в достаточно жесткой, почти ультимативной форме, оскорбительно для суверенного государства. Афинам также не удалось получить одобрения и поддержки России своим планам заключения соглашения с Болгарией относительно раздела территории Македонии на заранее согласованные сферы влияния. Однако переоценивать в этом случае степень воздействия России на исход греческо-болгарских переговоров по македонскому вопросу не следует, так как позиция Болгарии в этом вопросе значительно отличалась от греческой. Если в 1885–1886 гг. болгарские правящие круги с оговорками, но соглашались вести переговоры об определении бесспорных сфер влияния в Македонии, то в дальнейшем они стали вести жесткую дипломатическую борьбу за превращение Македонии в привилегированную провинцию в составе Османской империи, надолго отказавшись от исходного принципа раздела спорных территорий на сферы влияния, за который по-прежнему продолжало выступать афинское правительство.<sup>32</sup>

Болгарский дипломатический агент был принят в Афинах лишь в конце 1896 г., уже после восстановления дипло-

матических отношений между Болгарией и Россией, а на раздел Македонии на сферы влияния с соседними балканскими государствами Болгария пошла лишь накануне первой балканской войны 1912 г.

### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 302-303.
2. АВИР. Ф. Канцелярия, 1887 г. Д. 7. Л. 10 - 10 об. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 29 января 1887 г.
3. Там же. Л. II
4. Там же.
5. Там же. Л. 27 об. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 8 февраля 1887 г.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. Л. 29-29об. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 20 февраля 1887 г.
10. Там же. Л. 30.
11. Там же. Л. 30 об.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. Л. 33-34. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 5 марта 1887 г.
16. Там же. Л. 34.
17. Там же. Л. 35.
18. Там же. Л. 36.
19. Там же. Л. 37-38.
20. Там же. Л. 40-41. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 20 марта 1887 г.
21. Там же. Л. 41.
22. Там же. Л. 42.
23. Там же. Л. 43-43 об.
24. Там же. Л. 44.
25. Там же. л. 44 об.
26. Там же. л. 45-45 об.
27. Там же. Л. 45 об. - 46.
28. Там же. Л. 46.
29. Там же. Л. 46 об.
30. Там же. Л. 47.
31. Там же. Л. 82. Е.К.Бюцов - Н.К.Гирсу 27 ноября 1887 г.
32. Полов Р. Балканската политика на България 1894-1898. София. 1984. С. 121, 123, 125.

Н.И.ХИТРОВА

РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ  
НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

На протяжении долгих лет Черногория поддерживала тесные связи с Россией, которая оказывала ей покровительство и помощь. В данной статье поставлена задача рассмотреть, как складывались отношения между этими двумя государствами в начале XX в., когда Балканский полуостров становится одним из очагов острых империалистических противоречий. Отдельные вопросы обозначенной проблемы освещались в работах советских и югославских историков Ю.А. Писарева, Н.Ракочевича, Й.Бойовича, Р.Йовановича, Д.Вуйовича, Р.Распоповича и других. Однако в полной мере данная проблема еще не изучена. Для ее освещения нами привлечены новые архивные материалы.

В условиях назревавшего конфликта с Японией на Дальнем Востоке Россия была заинтересована в сохранении мирных отношений на Балканском полуострове. Поэтому в 1897 г. царизм идет на заключение соглашения с Австро-Венгрией о соблюдении статуса кво на полуострове. Вместе с тем, чтобы не нанести ущерба влиянию России, петербургский кабинет продолжал оказывать поддержку славянским государствам — Черногории, Сербии и Болгарии, относясь с одинаковым вниманием к их интересам.

К этому времени произошли значительные изменения в политике балканских государств. В 80-е — 90-е годы XIX в. только одна Черногория продолжала следовать русской ориентации. В 1889 г. после отречения от престола в Сербии короля Милана Обреновича и нормализации политических отношений в 1896 г. с Болгарией эти два юнославянских государства сделали поворот в сторону сближения с Россией. В значительной степени это объяснялось стремлением найти поддержку против политической и экономической экспансии Австро-Венгрии, которая становится активным авангардом

Германии в ее неуклонном продвижении на Восток. Черногория также надеялась на содействие России. Но, кроме того, ей была необходима ее материальная поддержка для обеспечения развития национальной государственности. На эти нужды Россия безвозмездно выплачивала княжеству ежегодную субсидию в 46 тыс. руб. Вместе с выплатой на содержание Учительско-духовной семинарии, Женскому институту и больнице в Цетинье, а также церкви помощь России составляла 64 тыс. руб. в год<sup>1</sup>.

Царское правительство рассматривало Черногорию в качестве своего "верного союзника". При этом оно учитывало исторический опыт. На протяжении длительного времени черногорцы по первому зову России выступали на ее стороне в войнах против Османской империи. Теперь царизм рассчитывал на взаимодействие с Черногорией в случае возникновения европейского военного конфликта. Черногория могла выставить 30-ти тысячное войско, которое в случае австро-венгерской агрессии должно было не только отстоять независимость страны, но и отвлечь от границы России военные силы Австро-Венгрии<sup>2</sup>.

Учитывая важное военно-стратегическое положение Черногории, царское правительство помимо выдачи государственной субсидии стало оказывать ей помощь в усилении боеспособности вооруженных сил. В 1896 г. для модернизации черногорского войска была установлена военная субсидия в размере 82 тыс. руб.<sup>3</sup>

На рубеже XIX – XX вв., когда происходит усиление противоречий между великими державами из-за сфер влияния, возросло значение Черногории в качестве плацдарма на пути проникновения на Балканы. Благодаря своему важному стратегическому положению эта маленькая славянская страна стала все более привлекать внимание европейских держав. В результате сталкиваются интересы России, Австро-Венгрии и Италии, усиливших экономическое наступление на полуостров.

В конце XIX в. господствующие позиции в экономике Черногории занимала Австро-Венгрия, которая подчинила

своему влиянию ее внутреннюю и внешнюю торговлю. Австрийский капитал проникал в княжество также в виде государственных займов. Большая часть внешнего долга приходилась на австрийские банки Бодэн кредит аннальт и Лендер-банк в Вене.

В финансовой системе княжества царил полный произвол. Поступления от займов расходовались без всякого контроля. Это привело к тому, что Черногория потеряла кредитоспособность. В ответ на просьбу князя Николая в 1889 г. по распоряжению Александра III ей была выдана ссуда в 1 млн. руб. для погашения долговых обязательств австрийским банкам. В дальнейшем эта ссуда погашалась за счет государственной субсидии, которая была увеличена до 100 тыс. руб.<sup>4</sup> Но это лишь на время спасло положение. Для преодоления финансового кризиса требовалась коренная реформа общественно-политического строя.

В 1900 г. государственная задолженность в четыре раза превышала доход страны, который исчислялся в 881.662 гульдена<sup>5</sup>. Задолженность австрийским банкам возросла в связи с растратой черногорским правительством денег, полученных в виде аванса за переводы от австрийской почты /350 тыс. гульденов/. В случае неуплаты долга венский кабинет угрожал применить санкции – взимать доходы с навигации в черногорском Приморье /в Баре и Улцине/ при установлении там австро-венгерского контроля.

Усиление зависимости от Австро-Венгрии могло привести к выпадению Черногории из сферы политики России, что в свою очередь наносило ущерб русскому влиянию на Балканах. Поэтому Николай II гарантировал выдачу Черногории кредита Государственным банком в Петербурге /в 750 тыс. руб./. Погашение этого займа также производилось за счет выплачиваемых Россией субсидий /20 тыс. изымалось из государственной субсидии и 40 тыс. – военной/. После этого на усиление боеспособности народного войска княжеское правительство могло расходовать только 42 тыс. руб., что было явно недостаточно.

Ранее российский министр-резидент К.Э.Аргиропуло /возглавлял миссию в Цетинье в 1884-1897 гг./ неоднократно поднимал перед правительством вопрос об оказании черногорскому правительству помощи на модернизацию армии. В 1895 г. в своем донесении в МИД он приводил следующие доводы: "Черногория вынуждена направлять все усилия к поддержанию и развитию своего скромного государственного хозяйства, вследствие чего правительство князя Николая лишено возможности из своего незначительного бюджета уделять средства на содержание даже в малых размерах постоянного войска, могущего служить военной школой для населения. А между тем потребность в таковой школе ощущается тем более, что при усовершенствовании огнестрельного оружия задачи военного дела становятся все сложнее"<sup>6</sup>.

После оккупации Австро-Венгрией славянских земель Боснии и Герцеговины венское командование в кратчайший срок сумело оценить маленькое славянское княжество рядом укреплений, сосредоточить там значительное количество военного снаряжения и боеприпасов, построить стратегические дороги по направлению к Черногории и, наконец, начать обучение своих войск к действиям в горах. При этом граница княжества была тщательно изучена; о чем свидетельствовали карты, изданные Генеральным штабом. Создалось положение, при котором безопасность Черногории не была обеспечена от внезапного нападения Австро-Венгрии. На основании этого Аргиропуло утверждал: необходимо, чтобы значение Черногории, "стоящей на страже интересов славянства" на Адриатике, основывалось не только на нравственной почве, но отчасти на возможности опираться на свою военную силу<sup>7</sup>.

В июле 1897 г. Аргиропуло сменил К.А.Губастов, который сразу же обратил внимание на все более возрастающую задолженность княжества. Он сообщил в МИД об "очень плачевном" состоянии финансовой системы княжества, в которой не было никакого порядка и полностью отсутствовал контроль. Новый министр-резидент объяснял это непосильными

финансовыми расходами, которые приходилось нести черногорскому народу на содержание князя и его двора. В связи с этим он делал вывод: "Необходимо упорядочить финансовое положение княжества. Для этого прежде всего нужно ограничить расходы княжеского дома и ликвидировать незаконные пенсии"<sup>8</sup>. Однако все оставалось по-прежнему.

Б начале XX в. Италия стала активным конкурентом Австро-Венгрии в овладении господствующими позициями в экономике Черногории. Римское правительство рассчитывало использовать ее в борьбе за господство на Адриатике и, в частности, в Албании, где с особой силой сталкивались австро-итальянские интересы. Поэтому в дальнейшем российской дипломатии пришлось учитывать наличие двух факторов: сохранение экономической зависимости Черногории от дуалистической монархии и экономическую экспансию Италии, которая могла привести к усилению в княжестве ее политического влияния.

В это время на повестке дня в Черногории был поставлен вопрос о предоставлении иностранным предпринимателям концессий на разработку полезных ископаемых, железнодорожное строительство, оборудование порта в Баре и пр. В качестве первых претендентов выступили итальянские дельцы.

В январе 1901 г. в Цетинье прибыл новый российский министр-резидент П.М.Власов. Во врученной ему инструкции подчеркивалась необходимость следовать основному принципу русской политики – "сохранению мира и спокойствия" на полуострове<sup>9</sup>. После ознакомления с положением дел в стране Власов сообщил в Петербург, что оно внушает сильную тревогу. В своих донесениях он дал критическую оценку правлению князя Николая, которое он характеризовал как грубый абсолютизм и полное попрание законов. В качестве необходимой меры для выхода Черногории из кризиса он предлагал помочь расплатиться с долгами и "взять в наши руки" контроль за расходованием в стране выплачиваемых Российской субсидий<sup>10</sup>.

Это предложение было отвергнуто в Петербурге. На за-

прос министра иностранных дѣй В.Н.Ламздорфа министр финансов С.Ю.Витте ответил, что такая мера может породить осложнения в международных отношениях и вряд ли способна воспрепятствовать непроизводительным затратам. По поводу последнего министр финансов указывал: орган контроля встретит большие затруднения для противодействия непроизводительным расходам, и на этой почве легко возникнут между обоими государствами "ненормальные отношения". Кроме того, установление контроля над финансами возлагало на Россию известную долю ответственности за их состояние,<sup>II</sup> заключил он.

Все же, учитывая роль Черногории в военно-стратегических планах России, царское правительство решило увеличить ей финансовую помощь. В 1902 г. была установлена вторая военная субсидия в 249 тыс. руб., предназначавшаяся исключительно на финансирование военных реформ<sup>I2</sup>. В ответ на просьбу князя Николая направить в княжество военного агента /представителя/ для оказания содействия в модернизации народного войска в 1903 г. туда был направлен подполковник Н.М.Потапов. Это был образованный и хорошо подготовленный офицер, впоследствии генерал, а затем военачальник Красной Армии, первый начальник Генштаба Красной Армии<sup>I3</sup>.

При проведении военной реформы было решено сохранить народное войско, приблизив его по возможностям к уровню армий европейских стран. Модернизация черногорского войска совершилась путем улучшения его организации и вооружения, а также подготовки командного и рядового состава. В условиях существовавшего самодержавного режима трудно было рассчитывать на большие успехи. И все же принятые меры во многом способствовали улучшению боеспособности черногорской армии.

В начале XX в. происходило нарастание национально-освободительного движения на Балканах, что могло привести к распаду не только Османской, но и Австро-Зенгерской монархии. В создавшихся условиях перед юнославянскими госу-

дарствами возникла необходимость разработки программы совместных действий. Первая попытка, предпринятая в 1897 г. сербским и черногорским правительствами, заключить соглашение окончилась неудачей. Царское правительство было готово поддержать балканский союз, но при условии, чтобы он не выходил из-под его контроля. В этом вопросе оно встретило поддержку со стороны князя Николая.

В подготовленный в Белграде проект договора была включена статья, в которой указывалось, что в качестве арбитра в решении спорных вопросов должен выступать царь. Князь Николай согласился с сербским проектом, потребовав только усилить роль России и до ратификации послать один экземпляр договора на рассмотрение Николаю П. Вместе с тем он передал проект договора со своими поправками в российскую миссию для ознакомления с ним царского правительства. Сообщая об этом в Петербург, министр-резидент А.Н.Щеглов /он сменил Власова/ нашел черногорские поправки вполне основательными, а сам договор "желательным" для установления совместных действий между двумя государствами на случай осложнения положения на Балканах. Проект рассматривался в российском МИДе и был одобрен царем<sup>14</sup>.

Переговоры о заключении союза продвигались с трудом. По-прежнему препятствием для соглашения между Сербией и Черногорией оставались династическое соперничество и территориальные разногласия. В конечном итоге обе стороны не смогли договориться.

Князь Николай продолжал твердо придерживаться политики опоры на Россию. Он полагал, что в интересах Черногории сохранять свободу действий под русским покровительством, чем связывать ее договором с Сербией без санкций, а следовательно, и помочи России. Эта позиция Черногории встретила одобрение со стороны царского правительства.

После начала русско-японской войны князь Николай поспешил высказать приверженность России. В знак солидарности 25 февраля 1904 г. в столице состоялась манифестация. Затем в российскую миссию в Цетинье поступило много

заявлений от черногорцев и герцеговинцев с просьбой направить их в действующую русскую армию. Князь Николай предложил царскому правительству 1 тыс. человек для участия в военных действиях в Маньчжурии. Однако это могло вызвать дополнительные осложнения, поэтому предложение не было принято. В дальнейшем черногорский народ продолжал заявлять о своей солидарности с Россией. В Цетинье собирали пожертвования в пользу русских раненых солдат и семей погибших<sup>15</sup>.

После того как русская армия стала терпеть поражения в Маньчжурии политическое влияние России на Балканах упало. Тогда во внешнеполитическом курсе Черногории стали проявляться колебания, шедшие вразрез с ее традиционной политикой. Князь Николай попытался установить более тесные связи с Италией и Австро-Венгрией. Вместе с тем он перестал проявлять прежнюю готовность следовать советам российской дипломатии. Когда в апреле 1905 г. Сербия предложила Черногории продолжить переговоры о союзе, то на этот раз князь Николай выставил требование о необходимости ставить в известность о содержании сербско-черногорского договора не только Россию, но и Австро-Венгрию. Но и на этот раз переговоры не имели положительного результата.

С 1905 г. в Черногорию начинает усиленно проникать итальянский капитал. Итальянская компания, получив в 1903 г. право на осуществление табачной монополии, предприняла шаги для получения концессий на оборудование порта в Баре и железнодорожное строительство, разработку полезных ископаемых и пр. Внимание царского правительства было направлено на Дальний Восток, и оно не могло оказать содействие в реализации черногорских экономических проектов. Сама же русская буржуазия была не готова предпринять в этом направлении реальных шагов. Царизм рассматривал Австро-Венгрию в качестве основного соперника на Балканах. Поэтому петербургский кабинет стремился не допустить осуществления там австрийских планов железнодорожного строительства, в особенности, когда они имели военно-стратеги-

ческое значение. Твердая позиция, занятая Россией относительно реализации проекта Австро-Венгрии о проведении железной дороги через Новипазарский санджак, лишь на время отложила ее сооружение. В 1905 г. дуалистическая монархия выступила в Черногорском княжестве конкурентом итальянской компании в получении концессии на железнодорожное строительство. "Сотерничество Австро-Венгрии и Италии из-за преобладания в бассейне Адриатического моря обещает в ближайшем будущем обратить Черногорию в главное свое поле действий", - сообщил в МИД секретарь российской миссии Ю.Я.Соловьев /ведал делами в отсутствие министра-резидента П.В.Максимова/<sup>16</sup>.

Австро-Венгрия стремилась получить выход к Эгейскому морю. Поддерживаемые своим правительством австрийские предприниматели предложили провести железную дорогу в Подгорицу без всякой гарантии со стороны Черногории за возмещение расходов. Но они поставили в качестве условия свободный выбор направления железнодорожной линии и начального пункта. Не исключалось, что таковым станет австро-венгерский порт Спица, что не только не создавало условий для увеличения черногорского экспорта, а, наоборот, способствовало бы усилению зависимости Черногории от дуалистической монархии.

Князь Николай отклонил австрийское предложение. Это было воспринято с одобрением в Петербурге, так как проектируемая железная дорога получала важное военно-стратегическое значение. Концессию на оборудование порта в Баре и строительство железной дороги Бар-Вирпазар стала осуществлять итальянская компания.

Выступление в январе 1908 г. Эренталя с программой железнодорожного строительства на Балканах раскрыло экспансионистские планы дуалистической монархии. Угроза экспансии со стороны Австро-Венгрии вынудила князя Николая искать поддержки России. После его поездки в апреле 1908 г. Черногория возвращается к традиционной политике.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ђуровић М. Црногорске финансије : 1860-1915. Титоград, 1960.
2. ЦГВИА. Ф. 400, Оп. 290. Д. I75-613. 1895-1989. гг. Л. 23 об. - 24.
3. Ђуровић М. Црногорске финансије ... С. I9. Јовановић Р. Успостављање руске војне мисије у Црној Гори // Војноисторијски гласник. Цетиње, 1966 N 1. S.81.
4. Ђуровић М. Црногорске финансије ... С. I99, 217-220; АВИР. ф. Отчет МИД за 1890 г. Л. I7-I7 об, I9, 20; ЦГВИА. Ф. 560. Оп. 4. 1901 г. Д. I6530. Л. 3 об.
5. АВИР. ф. Политархив /Далее - ПА/. Д. I56I. Л. I0I. К.А.Губастов - В.Н.Ламздорфу, 7/20/ септ. 1900 г.
6. Там же. Д. 3334. л. 2 об. К.Э.Аргиропулο Н.П. Шишкину, 20 января 1895 г.
7. Там же. Л. 3-3 об.
8. Там же. Д. I555. Л. 76-77
9. Там же. Д. 3349. Л. 47-49. МИД - П.М.Власову, II /24/ января 1901 г.
10. Там же. Л. I27-I30 об. П.М.Власов - В.Н.Ламздорфу 14/27/ авг. 1901 г.
- II. Там же. Л. I74-I75. С.Ю.Витте - В.Н.Ламздорфу, 9/22/ ноября 1901 г.; ЦГИА СССР. ф. 560. Оп. 22. Д. 254. Л. 26-27. С.Ю.Витте - В.Н. Ламздорфу 9/22/ ноября 1901 г.
12. Ђуровић М. Црногорске финансије ...
13. Военно-исторический журнал, 1908, № 1.
14. АВИР. ф. ПА. Д. 506. Л. 58-59; А.П.ЩЕГЛОВ - В.Н. Ламздорфу, 30 апреля /13 мая/ 1904 г.
15. Јовановић Р. Један отпор продирању италијанског капитала у Црну Гору // Историјски записци. 1961. Св. 3 С.440; Глас Црногорца. 1904. 6 и 27 марта. № 10, 13.
16. АВИР. ф. I576. Л. I2. Ю.Я.Соловьев - В.Н.Ламздорфу 16/29/ февраля 1905 г.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС П.Н.МИЛЮКОВА-БАЛКАНИСТА

/П.Н.Милюков – член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912-1913г./

Интерес к народам Балкан и к балканским проблемам проявился у П.Н.Милюкова еще в юношеские годы в связи с подъемом освободительного движения на Балканах и началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С окончанием в 1877 г. I-й Московской классической гимназии он вместе со своим другом и однокашником князем Н.Долгоруковым поступил добровольцем в санитарный отряд<sup>I</sup>.

В последующие годы П.Н.Милюков неоднократно посещал балканские страны. Всю свою сознательную жизнь П.Н.Милюков проявлял большой интерес к событиям международной жизни. Балканский полуостров был тем регионом, к которому было приковано его наибольшее внимание /не считая, разумеется, России/ в дореволюционный период.

Первая и самая продолжительная из поездок П.Н.Милюкова на Балканы состоялась при необычных обстоятельствах. Еще в студенческие годы он принял активное участие в освободительной борьбе интеллигенции России против царского самодержавия. В 1892 г. П.Н.Милюков успешно защитил магистерскую диссертацию об экономических аспектах реформы Петра Великого /работа эта была отмечена почетной премией имени С.М.Соловьева на основании рекомендации В.О.Ключевского/. Три года спустя, в 1895 г., прервалась блестящая начатая карьера 36-летнего доцента Московского университета: за чтение публичных лекций "преступного содержания" он был лишен права преподавания и выслан в Рязань. Вскоре последовала высылка за рубеж. Так в 1897 г. он оказался в Софии, где прочитал в университете курс лекций по всеобщей истории и славянским древностям, а затем принял участие в 1898 г. в археологических экспедициях в Македонии, руководимых Ф.И.Успенским и Н.П.Кондаковым. В этот период П.Н.Милюков успел познакомиться не только с различными округами Македонии, но и с сопредельными района-

ми Старой Сербии /Косово и Метохии/<sup>2</sup>.

Позднее, в 1904 г., последовала новая поездка П.Н. Милюкова по западной части Балканского полуострова. На этот раз он посетил населенные словенцами, хорватами, сербами и другими югославянскими народами районы Истрии, Далмации, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии<sup>3</sup>.

В результате непосредственного знакомства П.Н.Милюкова с народами Балкан и балканскими проблемами он опубликовал на рубеже XIX-XX вв. в русских научных и общественно-политических изданиях ряд статей главным образом о болгаро-сербских отношениях и македонском вопросе<sup>4</sup>. Наиболее крупными из публикаций П.Н.Милюкова этого времени по балканским проблемам были: "Христианские древности Западной Македонии"<sup>5</sup> и обстоятельный обзор болгарской конституции 1879 г. /первоначально он был опубликован в трех номерах журнала "Русское богатство"<sup>6</sup>, который неоднократно переиздавался /в том числе дважды - на болгарском языке/<sup>7</sup>. Балкановедческие публикации П.Н.Милюкова и установленные им во время поездок на Балканы и в другие страны Европы контакты с учеными и политическими деятелями балканских стран и со многими видными балканистами Европы и Америки приносят ему признание. В 1902 г. он был избран членом-корреспондентом Болгарского научно-литературного общества<sup>8</sup> /вскоре преобразованного в Болгарскую академию наук/. В 1903 г. по приглашению американского мецената Ч.Крейна, с которым Милюков подружился, он прочитал курс лекций по проблемам национального движения балканских славян и о русской цивилизации в университетах Бостона и Чикаго<sup>9</sup>.

Третье путешествие П.Н.Милюкова по Балканам состоялось летом 1908 г. На этот раз он посетил, кроме Сербии и Черногории, ряд городов, расположенных в албанских, боснийских и македонских округах, а также Константинополь и установил контакты с младотурецкими деятелями<sup>10</sup>. К этому времени П.Н.Милюков - признанный лидер влиятельной оппозиционной либеральной партии конституционных демократов

/кадетов/, человек, поглощенный политической борьбой. Однако его глубокий интерес к балканским делам, тесно связанный с постоянным вниманием к проблемам внешней политики России /позднее и к проблемам пацифизма и борьбы с милитаризмом/, не ослабевает. Это предопределило публикацию им в 1910-1911 гг. двух новых книг: "Балканский кризис и политика А.П.Извольского" /СПб, 1910/ и "Вооруженный мир и ограничение вооружений" /СПб, 1911/.

Летом 1912 г. П.Н.Милюков по приглашению своего выше названного друга американского мецената Ч.Крейна снова, в четвертый раз, оказывается на Балканах. Проницательный наблюдатель и аналитик, знаток балканских проблем П.Н.Милюков обращает внимание на накопление "горючего материала" на Балканах /в частности, на албанское восстание лета 1912 г./. В обстановке разразившейся в октябре 1912 г. войны балканских союзников против Турции П.Н.Милюков следует за наступающей болгарской армией, становится свидетелем событий начального периода войны<sup>II</sup>.

Обязанности депутата ГУ Государственной думы, открытие первой сессии которой было назначено на 15 ноября 1912 г., отзывают П.Н.Милюкова в Россию. Но через несколько месяцев, в апреле 1913 г., на время пасхальных каникул в работе Думы, он снова, уже в пятый раз, на Балканах. Во время четвертой и пятой поездок на Балканы П.Н.Милюков встречался с болгарским царем Фердинандом и сербским королевичем Александром<sup>12</sup>.

Как известно, война балканских союзников против Турции окончилась скоро<sup>и</sup> между победителями новой, межсоюзнической войной. Мировая общественность была потрясена результатами войны, обострением противоречий, взаимными обвинениями балканских политических деятелей и публицистов в жестокостях, совершенных солдатами воюющих армий.

В такой обстановке в центре пацифистского фонда Карнеги в Нью-Йорке летом 1913 г., в момент окончания второй балканской войны, возникла идея: исследовать причины войны на Балканах и методы ведения военных действий. Создан-

ный незадолго до этого /в декабре 1910 г./ на средства мецената и пацифиста мультимиллионера Эндрю Карнеги Фонд мира имел в своем распоряжении большие средства<sup>13</sup>. С целью подготовки беспристрастного доклада для информирования общественности об истинных фактах о войне на Балканах была создана Международная комиссия.

На пост официального /по существу номинального/ главы комиссии был приглашен известный пацифист лауреат Нобелевской премии мира 1909 г., участник Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. барон д'Этурнель дю Констан. В состав комиссии вошли представители разных стран: от Австрии - проф. И. Редлих; от Англии - издатель и экономист Ф. Херст и известный журналист знаток балканских стран д-р Х. Брейлсфорд; от Германии - проф. В. Шукинг; от Франции - адвокат и депутат парламента Ж. Годар; от США - проф. С. Даттон. От России в комиссию был включен профессор П. Н. Милюков, известный международной общественности и как знаток балканских проблем /автор значительного числа публикаций по этому вопросу/, и как пацифист<sup>14</sup>.

1 сентября 1913 г. члены комиссии /в узком составе/ прибыли на Балканы. В продолжение более месяца они посетили Салоники, Афины, районы Восточной Фракии, Адрианополь, Константинополь, Белград и Софию<sup>15</sup>/для П. Н. Милюкова это было третье посещение Балкан с момента начала там войны и шестое путешествие на Балканы/. Наиболее деятельными членами комиссии были П. Н. Милюков и Г. Брейлсфорд /в прошлом участник национально-освободительной борьбы греков против османского ига/. Они знали балканские языки, были знакомы не только по книгам со стремлениями балканских народов и положением дел на Балканах. В частности, П. Н. Милюков мог изъясняться /в разной степени/ на болгарском, сербско-хорватском, турецком и новогреческом языках /он был полиглотом и знал 18 языков/<sup>16</sup>.

Следует отметить, что известность П. Н. Милюкова и Г. Брейлсфорда как знатоков балканских дел /в частности, их позиция сочувствия идеи автономии Македонии в рамках про-

ектированвшейся Балканской федерации/<sup>17</sup> осложнила работу комиссии в Сербии и Греции. Там к приезду комиссии отнеслись враждебно и фактически не пожелали с ней сотрудничать, обвинив Милюкова и Брейлсфорда в антисербских и антигреческих настроениях<sup>18</sup>.

К середине октября 1913 г. П.Н.Милюков и другие члены комиссии вернулись с Балкан, и за короткий срок /немногим более четырех месяцев/ доклад был написан. В окончательном тексте доклада П.Н.Милюкову принадлежит авторство четырех /из семи/ глав доклада объемом около 15 авт. листов. Им были подготовлены - глава I /"Происхождение двух балканских войн"/, глава III /"Болгары, турки и сербы"/, глава IV /"Война и национальности"/ и глава V /"Война и международное право"/ - или около 2/3 /64,5%/ основного текста. Остальные три главы - глава II /"Война и мирное население"/, глава VI /"Экономические итоги войны"/ и глава VII /"Моральные и социальные последствия войны и взгляд на будущее Македонии"/ написаны Г.Брейлсфордом, Ж.Годаром и С.Даттоном. Предисловие подготовил глава комиссии д'Этурнель дю Констан<sup>19</sup>.

Уже один тот факт, что П.Н.Милюкову было поручено написать большую часть доклада /и он это поручение с успехом выполнил/ свидетельствует о многом. Он доказывает, что П.Н. Милюков был по существу мотором комиссии, ее ведущей интеллектуальной силой.

Имеются и прямые подтверждения большого уважения членов комиссии к своему коллеге. В частности, один из четырех членов узкого состава комиссии, принявших участие в поездке на Балканы и в написании текста доклада, французский парламентарий Жюстен Годар, впоследствии дал похвальную оценку деятельности Милюкова; он отметил его настойчивость, беспристрастие и редкую проницательность, которые помогли комиссии разобраться в сложных и запутанных балканских проблемах<sup>20</sup>. Свое восхищение глубоким проникновением Милюкова в балканские вопросы высказал и глава комиссии барон д'Этурнель дю Констан<sup>21</sup>.

В виде большого тома /более 400 стр./ с картами, иллюстрациями и документами в приложении доклад был опубликован на английском и французском языках в начале июля 1914 г. /т.е. спустя несколько дней после убийства в Сараево/. Доклад имел значительное число рецензий и отзывов в европейской и американской печати<sup>22</sup>. Он явился большим достижением пацифистского фонда Карнеги. В научном плане он остается одним из важнейших источников по истории Балканских войн 1912–1913 гг. В докладе П.Н.Милюкова и все авторы доклада обвиняли в нарушении прав человека, в жестоком обращении с пленными и гражданским населением правительства и все воюющие армии балканских стран<sup>23</sup>.

После окончания I мировой войны, летом 1919 г., в пацифистских кругах возникла идея использовать опыт комиссии Карнеги для изучения обвинений в новых жестокостях, зафиксированных на Балканах в период мировой войны. И на этот раз речь шла о привлечении в состав комиссии П.Н.Милюкова и Г.Брейдсфорда. Но идея эта осталась неосуществленной<sup>24</sup>.

Подводя итоги деятельности П.Н.Милюкова в качестве члена международной комиссии Карнеги, необходимо отметить следующее. Можно только поражаться тому факту, что за короткий срок в четыре с лишним месяца Милюковым было написано около 15 авторских листов сложного текста. Это было, разумеется, результатом всей его предшествующей балкановедческой деятельности – многочисленных публикаций, неоднократных и продолжительных поездок на Балканы, многолетних наблюдений и раздумий. По существу это был звездный час П.Н.Милюкова-балканиста.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 61–67.
2. Милюков. П.Н. Воспоминания. С. 125–134.
3. Там же. С. 156–163.
4. Вестник Европы. 1899, № 5, 6 ; Русское богатство,

1899. № 5, 6, и др.  
5. Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1899. Т. IV, Вып. I.
6. Русское багатство, 1904, № 8, 9, 10.  
7. Милюков П. Българската конституция. Солун, 1905;  
София, 1906.  
8. Енциклопедия България. С., 1984, Т. 4. С. 238.  
9. Riha Ghomas. A. Russian European. Paul Milinkov  
in Russian Politics. Notre Dame-London, 1969. P.49.  
Милюков П.Н. Воспоминания. С. I45-I51.  
10. Милюков П.Н. Воспоминания. С. 303-305.  
II. Riha G.A. Russian European ... P.205-206;  
Милюков П.Н. Воспоминания. С. 351-353.  
12. Милюков П.Н. Воспоминания. С. 353-357.  
13. Илчев И. Карнегиевата анкета през 1913 г. // Ас-  
торически преглед. 1989, № 10. С. 18.  
14. Riha G.A. Russian European ... P. 206-  
207; Милюков П.Н. Воспоминания. С. 359.  
15. Милюков П.Н. Воспоминания. С. 359-363.  
16. Riha G.A Russian European ... P.59.  
17. Влахов Д. Мемоари. Скоп е, 1970. С. I83-I85.  
18. Вестник Европы. 1913, № 9. С. 363-367; Riha A  
Russian European... P. 208; Милюков П.Н. Воспомина-  
ния. С. 359-362.  
19. Милюков П.Н. Воспоминания. С. 364. Илчев И. Указ.  
соч. С. 25 /Подсчеты наши/.  
20. Милюков П.Н. Сборник материалов по чествованию  
его семидесятилетия. 1859-1929. Париж. 1929. С. 267.  
21. Riha Ghomas. A Russian European ... P.207.  
22. В русской печати отклики на доклад были опублико-  
ваны, в частности, в журнале "Вестник Европы" /1915, № 2,  
С. 318-324/.
23. Позднее П.Н.Милюков /автор главы У доклада "Вой-  
на и международное право"/ вновь вернулся к этой теме,  
опубликовав статью под аналогичным названием в ежегоднике  
газеты "Речь" /Слб, 1916 г.. С. I29-I97/.
24. Илчев И. Указ. соч. С. 28.

Л. В. ШАТИЛОВА

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРІОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН  
1912-1913 гг. И ПОЛИТИКА РОССИИ

Обострение отношений между Болгарией и Сербией из-за вопроса о разграничении завоеванной турецкой территории, возникшее уже в ходе успешных побед сербских и болгарских армий, приняло к концу 1912 - началу 1913 г. настолько угрожающий характер, что новое военное столкновение на Балканах стало неизбежным. Это побудило русскую дипломатию активно искать пути и способы примирения и взаимного удовлетворения бывших союзников с целью стабилизации ситуации на Балканах в интересах России. Борьба между Сербией и Болгарией за обладание Македонией, или разрешение так называемого македонского вопроса, явилась предметом серьезного внимания русского дипломатического ведомства как накануне, так и непосредственно в период самих балканских войн. Российским Министерством иностранных дел, а также официальными дипломатическими представителями и частными лицами /политиками, общественными деятелями/ были предложены различные варианты и проекты разрешения сербо-болгарского спора, рассмотрение которых позволяет проследить процесс развития македонского вопроса и его место в русской внешней политике на Балканах в известный период, а также отношение к нему официальных дипломатических кругов и представителей русской общественности.

Судьба Македонии - центральной турецкой провинции и важного компонента восточного вопроса, стала предметом непосредственной заботы российской дипломатии накануне и в период Ильинденского восстания 1903 г. и особенно после аннексионного кризиса 1908-1909 гг., подорвавшего русское влияние на Балканах. Балканская федерация, о которой мечтала Россия, под эгидой славянского единства и русским покровительством, была немыслима без согласования интересов балканских государств, а интересы эти, как известно,

прямо или косвенно замыкались на Македонии. С обладанием или преобладанием в Македонии связывали свое будущее существование и развитие и Сербия, и Болгария. По этому поводу весьма однозначно высказался глава сербских радикалов Никола Пашич: "История показывает, что тот, кто имел Македонию, всегда был первым на Балканах"<sup>1</sup>.

В сложившейся к началу второго десятилетия XX в. ситуации на Балканском полуострове говорить о чьем-либо единоличном владении Македонией не имело никакого смысла, ибо малые балканские государства были готовы решить проблему ее принадлежности только силой военного арбитража. Поэтому вопрос о разделе Македонии был обусловлен самим ее политическим и стратегическим положением и оставался лишь делом времени и комбинации конкретных сил и обстоятельств. Этническая неоднородность населения Македонии, конфессиональность и борьба болгарской, сербской и греческой пропаганд изначально предопределяли невозможность взаимоувдовлетворительного раздела Македонии и неминуемое возникновение междоусобных столкновений.

Касаясь судьбы Македонии, русский консул надворный советник А.Петряев в своей "Записке по вопросу о национальностях в Македонии" писал: "Раздел Македонии между отдельными балканскими государствами нужно признать неосуществимым, так как участники дележа неминуемо между собой поссорятся и никогда не сговорятся о своихолях. По моему мнению, - продолжал он, - в случае возникновения македонского кризиса, наилучшим разрешением его было бы наделение Македонии кантональным устройством наподобие Швейцарии"<sup>2</sup>. Учитывая этнографическую пестроту населения Македонии, Петряев считал, что "разделение Македонии на несколько десятков кантонов и образование из них федерации как нельзя больше отвечало бы этнографическим особенностям этой провинции и интересам населения"<sup>3</sup>.

Что же касается будущей роли Македонии на Балканах, тот Петряев полагал, что "устроенная таким образом Македония может послужить основным ядром Балканской Федерации,

к которой могут примкнуть потём и другие балканские государства и сделаться первым буфером на пути австро-германского движения к Солуни"<sup>4</sup>.

Несколько иное мнение о македонском вопросе имел русский генеральный консул в Ускюбе /Скопье/ А.Д. Калмыков, который в своем донесении от 9 декабря 1911 г. писал: "... автономия Македонии под непосредственным наблюдением Европы и ее представителей безусловно неисполнима. Необходимо сохранить Македонию и Албанию в составе Турецкой империи"<sup>5</sup>. В качестве мер, способных стабилизировать ситуацию в Македонии, Калмыков предлагал организовать заем Турции и обратить его на строительство железных дорог, школ, больниц для местного населения. При открытии путей сообщения в Македонии восстановился бы нормальный товарообмен на Балканском полуострове. Если экономическое и финансовое благосостояние края будет обеспечено, то, считал Калмыков, "политические кризисы отойдут в сферу действия парламентов и кабинетов и перестанут служить поводом к междоусобной войне"<sup>6</sup>.

а.

Однако ситуация на Балканах складывалась таким образом, что война становилась неизбежной. "Единственный шанс предотвратить войну, - писал русский военный агент в Болгарии полковник Романовский<sup>7</sup>, - есть дарование автономии Македонии гарантией держав".

Несмотря на усилия русской и европейской дипломатии война все же началась, и первые крупные победы над турками вскружили головы балканским монархам, правительствам и военно-патриотическим кругам. Начав войну с целью освобождения христианского населения от турецкого ига, балканские государства вскоре перевели ее в русло завоевательной политики, осуществив таким образом не только освобождение, но захват и оккупацию бывших турецких территорий, в частности, Македонии и Албании.

В ноябре 1912 г. в период наибольшего напряжения политической ситуации в Европе в связи с балканским кризисом, русский посланник в Белграде Н.Гартвиг сообщал в Петербург

по поводу планов балканских государств следующее: "...союзники не допускают и мысли об автономии Македонии и Албании и будут противиться этому. Македония подлежит разделу между Болгарией, Сербией и Грецией; Албания - между Черногорией, Сербией и Грецией"<sup>8</sup>.

Что же касается официальной позиции России в <sup>была</sup> собственно македонском вопросе, то она достаточно ярко выражена кратким росчерком пера царя Николая II, который на телеграмме русского посла в Париже А.Н.Извольского от 13 декабря 1912 г. по вопросу об автономии Македонии однозначно начертал: "Недопустимая вещь"<sup>9</sup>.

Идея автономии Македонии не поддержал и русский консул в Скопье С.Тухолка, который в июне 1913 г. писал: "Идея автономии, по-моему, также не годится для Македонии, ибо тогда Македония снова явится ареной сербской и болгарской пропаганды"<sup>10</sup>.

Неосуществление Сербией и Болгарией своих национальных задач в ходе первой балканской войны и нерешенность македонского вопроса делали новое военное столкновение между союзниками неизбежным. Россия могла лишь отсрочить, но не предотвратить его. В такой ситуации русские представители на Балканах пытались найти компромиссные варианты в сербо-болгарском споре и на официальном и полуофициальном уровне предлагали Министерству иностранных дел и его руководству различные проекты разрешения македонского вопроса. Так русский представитель на совещании послов в Лондоне А.Петряев писал в полуофициальном письме князю Г.Мешерскому следующее: "Отдалить столкновение союзников могло бы образование из Центральной Македонии независимой автономной провинции. В нее могли бы войти, например, округа - Охридский, Пресланский, Монастырский, города Прилеп, Иштип, Воден, Струмица и другие спорные места. Там могло бы быть установлено такое правление, при котором интересы спорящих сторон были бы обеспечены беспристрастным образом"<sup>11</sup>. Понимая, что данное предложение не является действительным решением вопроса, Петряев все же считал, что таким образом возможно на долгое время отдалить

военное столкновение.

С подобным предложением выступил и корреспондент Санкт-Петербургского телеграфного агентства В.П.Сватковский, который в своей записке в МД "Формула компромисса между Сербией и Болгарией", составленной в мае 1913 г., писал: "Если перед нами дилемма: война со всеми ее последствиями или компромисс, то может быть применена к Македонии в возможно узких границах автономия"<sup>12</sup>.

Македонский вопрос оказался неразрешенным и в ходе Лондонских переговоров и совещания послов. Зато практически без особых затруднений была решена проблема создания по инициативе Австрии и Италии, в ущерб Сербии, сначала автономной, а затем и независимой Албании. Не получив выхода к Адриатическому морю и потеряв шансы на территориальные приобретения в Албании вследствие того, что "Россия не рисковала оказывать Сербии сколько-нибудь сильную поддержку"<sup>13</sup> в данных вопросах в связи с опасением втянуть в это дело Германию и тем самым превратить балканские споры в европейский пожар, Сербия обратила свои взоры на Вардарскую Македонию, что означало обострение отношений с Болгарией<sup>14</sup>.

Интересно отметить, что Сербии еще до начала переговоров в Лондоне была известна позиция России в вопросе об Адриатическом побережье. Так, перед открытием переговоров и совещания послов министр иностранных дел России С.Д.Сазонов в секретном инструктивном письме послу графу А.К. Бенкендорфу писал: "Было бы неблагоразумно и пагубно для Сербии не считаться с необходимостью отказа от территориальных приобретений на Адриатическом море"<sup>15</sup>, - и просил поставить об этом в известность сербских представителей. За два дня до начала конференции (I /14/ декабря 1912 г.) Гартвиг сообщал из Белграда, что "Пашич подтвердил уже ранее данные мне заверения, что ... по вопросу о выходе к морю Сербия вполне подчинится благожелательному решению держав Тройственного соглашения"<sup>16</sup>.

Можно заключить, что та уступчивость, которую прояви-

ла Сербия в вопросе о выходе к морю и приобретениях в Албании, свидетельствует о том, что как сам Пашич, так и сербские представители на конференции в Лондоне заранее знали, что им не удастся отстоять здесь свои позиции. Отказ от адриатического порта и территорий в Албании под давлением великих держав являлись как нельзя лучшим обоснованием для выдвижения претензий на Вардарскую Македонию. Так Ст. Новакович, главный представитель Сербии, в Лондоне накануне открытия переговоров конфиденциально изложил А. П. Извольскому следующие соображения: "... в случае отказа от приобретения в суверенное обладание адриатического порта, Сербия должна будет искать каких-либо компенсаций в другом направлении, а именно - расширение за пределы установленной границы в ее соглашении с Болгарией"<sup>17</sup>.

Сербия заранее была также известна и позиция Австрии в данных вопросах. По этому поводу Гартвиг сообщал в своей секретной телеграмме из Белграда от 11 ноября 1912 г., "Австрийский посланник сделал Пашичу доверительное сообщение в следующем смысле: Австрия считает неосновательным стремление Сербии к Адриатическому побережью"<sup>18</sup>. На замечание Пашича о приобретении естественного выхода к морю Угрон сказал: "Для этого сербам незачем идти в чужую землю, у них теперь будет свободный выход по Вардару в Эгейское море"<sup>19</sup>.

Более однозначное заявление в связи со смещением сербских интересов с Адриатики и Албании в Македонию сделал сербский престолонаследник Александр, который при проезде через Салоники в январе 1913 г. сказал: "Теперь речь идет уже не об этом /о сербо-болгарском соглашении по поводу сфер влияния в Македонии. - Л.Ш./, а о дележе завоеванных земель ... мы оставим эти земли за собою, тем более что нам ничего не дали на берегах Адриатического моря"<sup>20</sup>.

Стратегические планы, вынашиваемые в кругах сербского верховного командования, подтверждались и известиями, приходившими из Белграда от Н. Гартвига, военного агента

В.А.Артамонова и других официальных представителей России на имя министра иностранных дел С.Д.Сазонова. Так, Гартвиг в секретной телеграмме от 15 /28/ июня 1913 г. сообщал русскому министру в Петербург: "Под влиянием политических клубов и военных элементов сильно растет возбуждение против правительства. Оппозиционная и независимая печать требует принятия решительных мер по отношению к Болгарии"<sup>21</sup>. В Белграде все более и более укреплялось убеждение, что враждебное отношение болгарского правительства к сербским требованиям о пересмотре статей договора относительно размежевания в Македонии должно было неминуемо привести к вооруженному столкновению, даже если бы и удалось, при помощи России, найти временный выход из создавшихся затруднений. В своих воспоминаниях Сазонов упоминает факты обращения к нему сербских официальных лиц по поводу действий Сербии в сложившихся обстоятельствах /надо полагать, что здесь он имеет в виду неоднократные обращения к нему сербского посланника в Петербурге Поповича/. Сазонов отмечает, что они "не скрывали своего мнения, что ей /Сербии. - Л.Ш./ выгоднее всего было бы, предупредив болгар, самой начать военные действия, так как в армии господствовала уверенность в успехе"<sup>22</sup>.

Аналогичные настроения преобладали и в Болгарии. Однако симпатии России в данный момент были на стороне Сербии и ее народа. Российский посланник в Белграде продолжал настаивать на поддержке сербских требований. В секретной телеграмме от 17 /30/ марта 1913 г. он подчеркивал, что "... Болгария готовится к крайне опасным для наших интересов выступлениям, предотвратить которые возможно лишь оказанием нами могущественной поддержки сербам в деле территориального между ними размежевания"<sup>23</sup>.

Выдвижение Сербией и Болгарией территориальных претензий в Македонии и обострение вследствие этого сербо-болгарских отношений свидетельствовали о том, что македонский вопрос теряет свое целостное и многоплановое содержание и становится непосредственно предметом сербо-болгарского спора /в данном тексте не рассматривается греческая сторона

проблемы/. Это нашло отражение в изменении места и роли названного вопроса в русской политике на Балканах. С момента обострения межсоюзнических отношений, т.е. с начала 1913 г., македонский вопрос в балканской политике России окончательно переводится в плоскость сербо-болгарских противоречий и перестает существовать как относительно самостоятельная проблема. Понятие "собственно Македония", ее судьба и будущее устройство исчезают из отчетов, донесений и докладных записок Министерства иностранных дел и встречают только в контексте сербо-болгарского спора. Следует отметить, что для России в целом македонский вопрос в рассматриваемый период не существовал в плане социально-политическом, этнографическом или культурном. Македония воспринималась как территориально-административная область бывших владений Турецкой империи, раздел которой не составлял собственно проблемы для русского дипломатического ведомства. Главным здесь было сохранение и по возможности более существенное представление русских интересов.

По этому поводу Н.Гартвиг в начале марта 1913 г. писал С.Д.Сазонову следующее: "Руководящим началом в отношении нашем к сербо-болгарскому размежеванию должны служить не сила наших симпатий к той или другой народности, а исключительно наши собственные русские интересы в данном деле"<sup>24</sup>. Будучи старым другом Сербии и сербского народа, Гартвиг считал, что "территориально увеличенная, стратегически обеспеченная и нравственно удовлетворенная Сербия имеет для России неизмеримо большее значение нежели Болгария"<sup>25</sup>. В российском правительстве, дипломатических и особенно военно-политических кругах были сторонники и болгарской точки зрения, которая подкреплялась традиционной политикой времен Александра III.

Разногласия между Министерством иностранных дел и военным ведомством по вопросам войны и мира нашли отражение и в подходах к разрешению сербо-болгарского спора. Если МИД делал ставку на Сербию, то ведомство военного министра В.А.Сухомлинова не без основания принимало в расчет Болгарию. В своем рапорте в Генеральный штаб военный агент в

Болгарии полковник Романовский писал по вопросу о русских интересах в сербо-болгарском споре: "...руssкие интересы настоятельно требуют чтобы Сербия исполнила свой договор с Болгарией... В нашем активе все-таки остается Болгария, сохранить которую ввиду ее географического положения для нас важнее к той минуте, когда будет решаться судьба проливов"<sup>26</sup>. Определяя руководящие начала и мотивы политики России в сербо-болгарском споре, Романовский заключал, что "подходить к этому вопросу надо не с точки зрения славянства и политики чувств, а исключительно с точки зрения русских военных интересов и политики здравого эгоизма"<sup>27</sup>. Однако военные устремления высших представителей русского офицерства и руководства военного министерства натолкнулись на противодействие Сазонова и главы правительства В.Н.Коковцева, и по благоприятному стечению обстоятельств Россия не оказалась втянутой в балканский кризис ни в период разрешения вопроса об Албании и выдвижения македонского вопроса, ни в период решения судьбы Македонии в ходе второй балканской войны. Хотя такая возможность возникала неоднократно ввиду политических увлечений и отдельных промахов русского МИДа. Тем не менее, следует признать, что роль России в кризисной ситуации на Балканах была очень трудной и исторически ответственной, и ее политика, естественно, должна была изменяться в зависимости от развития данного кризиса. Так, если весной 1912 г. России удалось удовлетворить противоречивые требования Сербии и Болгарии в Македонии и организовать на Балканах конфедерацию с целью преградить Австро-Венгрии выход к Эгейскому морю<sup>28</sup> и создать буфер из балканских государств, то теперь, когда в России, наконец, стали понимать, что воевать придется не только с Австро-Венгрией, а прежде всего с Германией, ей пришлось уступать по всем позициям австро-венгерским требованиям и даже в отдельных вопросах проводить совместную политику в ущерб собственному престижу и интересам славянства.

Согласие на создание независимой Албании с включением в нее славянских земель /кроме Призрена, Илека, Дьякова и

дибы/, отказ от поддержки сербских требований порта на Адриатике или признание раздела Македонии, не являлись столь проблематичными для русской дипломатии, когда ей приходилось считаться не с Австрией, а с интересами кайзеровской Германии. Этим отчасти и объясняется относительное сближение русской и австрийской дипломатии в период обострения сербо-болгарских противоречий, когда Россия молчаливо позволила Австрии поддерживать антисербские настроения в Болгарии, санкционируя ее устремления. Тогда как союзники, разжигаемые противниками балканского согласия, делили Македонию, Россия надеялась решить свои черноморские проблемы. Однако поражение Болгарии и угроза ее фактического разгрома заставили Россию активизировать свою политику в балканском вопросе и на время оставить осуществление задач на море. Пока русская дипломатия решала, какие она имеет плюсы и минусы от поражения Порты в первой балканской войне и межсоюзнической распре, в Турцию прибыл генерал Лиман-фон-Сандерс и вышло султанское ирадэ о назначении его командующим турецким армейским корпусом в Константинополе. Это было отчасти результатом непоследовательности и уступчивости политики России в период балканских войн и при подписании Бухарестского мирного договора. Для России после Бухарестского мира это явилось еще одной крупной стратегической и морально-политической потерей.

Что же касается собственно предмета балканских войн-Македонии, то сербо-болгарский спор из-за ее раздела разился с прямым ущербом для русского престижа. Бухарестский мир нивелировал результаты первой балканской войны и способствовал созданию положения, которое удачно использовала Германия в начале мировой войны. Бухарестский мирный договор окончательно перевел Болгарию в сферу австро-германской политики. Сербия, хотя и оставалась в политической орбите России, была неудовлетворена результатами войны, так как не были решены национальные задачи Сербии и сербского народа, и, вооружаясь, готовилась к новым военным столкновениям.

Для Македонии Бухарестский мир не только не разрешил положительным образом македонской проблемы, но, напротив, создал все предпосылки для новых конфликтов. Раздел Македонии болезненно отозвался и на экономическом состоянии страны, отделив сербскую и болгарскую ее части от Салоник. Он толкал новых хозяев страны укреплять свое положение усилением национального гнета и политикой де-национализации.

Говоря о политической стороне данного вопроса применительно к определению его места и роли во внешней политике России на Балканах в рассматриваемый период, следует отметить, что македонский вопрос существовал и представлял во внешнеполитической концепции России как относительно самостоятельную проблему только до начала и в период первой балканской войны. С обострением сербо-болгарских противоречий, т.е. с конца 1911 – начала 1912 г., македонский вопрос стал трактоваться преимущественно в рамках сербо-болгарского спора.

Что касается сербо-болгарского договора 29 февраля 1912 г., то нужно отметить, что русской дипломатии были известны стратегические цели Балканского союза и завоевательные мотивы предстоящей войны в связи с разделом Македонии. Об этом свидетельствует и рапорт военного агента в Болгарии полковника Романовского, который принимал участие в сербо-болгарских переговорах в конце 1911 – начале 1912 г. В частности он отмечал: "Участвуя в этих переговорах я решаясь утверждать, что при переговорах речь шла именно о стратегических и тактических свойствах той или другой границы, то есть именно о возможном делении территории, а само соглашение сопровождалось заключением военной конвенции, проект которой даже предшествовал самому соглашению"<sup>29</sup>.

Неизбежность конфликта между Сербией и Болгарией из-за территориального размежевания в Македонии достаточно ясно осознавалась русскими дипломатическими представителями на Балканах, о чем свидетельствует их обширная переписка с Министерством иностранных дел. Но Российское дип-

ломатическое ведомство в Петербурге не придало должного внимания тому, что почти сразу же после заключения договора сербское правительство начало предпринимать дипломатические шаги с целью подготовки присоединения к Сербии не только всей спорной, но даже части бесспорной болгарской зоны<sup>30</sup>. Далее, в собственно македонском вопросе Россия имела две основные точки зрения. Первая, в соответствии с официальной позицией МИДа и решением Николая II отвергала всякие варианты автономии; вторая, выражавшая взгляды отдельных русских дипломатических представителей на Балканах и чиновников МИДа, предполагала различные проекты автономии. Не однозначную позицию в данном вопросе занимала и русская общественность, отдельные общественно-политические течения которой выступили с противоположной оценкой политики России.

В целом же, пытаясь совместить несовместимое, а именно – свои прямые интересы в сербо-болгарском споре, пронизанные духом возможной реализации идеи проливов и верховенства России на Балканском полуострове, с интересами славянского единства, Россия в результате распада Балканского союза и подписания Бухарестского мира теряет престиж среди балканских государств, а вместе с ним и свои влиятельные позиции в этом регионе.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Споменица Николе П Пашића 1845–1925. Београд, 1926.
- C. 721:
  2. АВИР. Ф. Политархив. Д. 5268. Л. 4.
  3. Там же.
  4. АВИР. Ф. Политархив. Д. 5268. Л. 4
  5. АВИР. Ф. Политархив. Д. 2697. Л. 143.
  6. Там же. Л. 145.
  7. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3760. Л. 5.
  8. АВИР. Ф. Политархив. Д. 529. Л. 69.
  9. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3698. Л. 325.
  10. АВИР. Ф. Политархив. Д. 1483. Л. 227.
  - II. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3714. Л. 575.
  12. АВИР. Ф. Особый политотдел. Д. 276. Л. 3.
  13. Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 369.
  14. Стојанов П. Македонија в политиката наголемике

сили во времето на Балканските војни 1912-1913. Скопје 1979. С. I74.

15. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3713. Л. 56.
16. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3713. Л. 78.
17. АВИР. Ф. Политархив. Д. 3698. Л. 318.
18. АВИР. Ф. Политархив. Д. 529. Л. 75.
19. Там же.
20. АВИР. Ф. Политархив. Д. II56. Л. 34.
21. АВИР. Ф. Канцелярия. д. II3. Л. 244.
22. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. II2.
23. АВИР. Ф. Канцелярия. д. II3. Л. 88.
24. АВИР. Ф. Канцелярия. д. II3. Л. 56.
25. Там же.
26. ЦГВИА. Ф. 2000, М/ф 7396.
27. ЦГВИА. Ф. 2000, М/ф 7396.
28. Бекенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. I04.
29. ЦГВИА. Ф. 2000, М/ф 7396.
30. См. секретный циркуляр Сербского правительства к дипломатическим агентам от 15 сентября 1912 г., изложенный П.Милюковым в газете "Речь" 6 ноября 1914 г., а также документы в русской "Оранжевой книге" /Петербург, 1914/ под № I34, I35, I36 и следующие.

В.И.ШЕРЕМЕТ

## БАЛКАНЫ, РОССИЯ И ТУРЦИЯ В КАНУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ /По материалам переписки турецких послов в Петербурге и Вене/

Они были дружны со временем учебы в Стамбульском военном училище-Ниязи Фахретдин-бей и Хюсейн Хильми-паша. Вместе служили в частях, дислоцированных в Европейской Турции в Македонии, с гордостью носили уважительное прозвище - "Фракийские львы", поскольку были среди первых македонских турок - участников младотурецкой революционной организации "Единение и прогресс". Активно участвовали в революции 1908 г., затем входили в руководящий комитет младотурецкой партии. В 1912-1913 гг. оба получили высокие назначения. Старший по возрасту и по званию Хюсейн Хильми отправился послом в Вену. Ниязи Фахретдин оказался хозяином уютного посольского особняка в Петрограде. Друзья

поддерживали переписку, видимо, достаточно оживленную. До нас дошло далеко не все: черновики писем аккуратиста Ниязи Фахретдина в Вену и некоторые письма его корреспондента. Письма содержали много личного, но, как увидим, и то, что в свое время привело к переписке внимание специалистов из 2-го черноморского отделения Морского Генерального штаба России.

Искусством перлюстрации эти люди владели безупречно. О чем свидетельствую с восхищением. Когда в 1989 г. – 1990 г. я ознакомился с перепиской турецких послов, хранящейся в Архиве военно-морского флота /Санкт-Петербург/, то мне попался в руки внешне абсолютно неповрежденный конверт, а перевод письма, в нем находившегося, столь же деликатно был к конверту приложен. Переписка "прошла" по Морскому ведомству России еще и потому, что обратить внимание на нее рекомендовал в одном из своих донесений в 1913 г. военно-морской атташе /или, как тогда говорили, "агент", что было истиной/ в Турции А.Н.Щеглов<sup>1</sup>.

Человек он был редких душевных качеств. Например, во мнении Джа'булат-бея, перед Первой мировой войной министра внутренних дел Турции, ярого младотурка, члена руководящего Комитета и большого охотника до изделий из балтийского янтаря, коллекцией которого располагал А.Н.Щеглов. Причем российский атташе легко расставался то с ниткой бус из самого старого янтаря с темно-вишневым отливом, то со шкатулкой из янтаря, то с дивной трубкой /все, разумеется, доставшееся ему по наследству/. А если дружеская беседа турецкого министра и российского агента приобретала неожиданное направление, например, о сумме военного бюджета Турции на 1914 г., о числе и классе закупавшихся или строившихся военных кораблей, так ведь то сугубо доверительно... Бог ведает, сколько шербета и кофе было вместе выпито и сколько трубок "самсуна" между ними выкурено, но сведения из Стамбула в Петербург поступали регулярно.

Начавшаяся осенью 1914 г. война ненадолго нарушила та-

кие милые и содержательные беседы министра и атташе. Оба в декабре оказались в Стокгольме. Джамбулат-бей – в должности посла, А.Н.Щеглов – по-прежнему в качестве военно-морского агента России. И оба они вскоре поведали /каждый своему руководству/ о мирных инициативах Японии и Турции, о проектах сепаратного мира между Россией и Германией и о многом другом.

Впрочем, об этом следующая статья, а сейчас вернемся в особняк, что стоит почти на впадении Мойки в Неву и откуда Ниязи Фахретдину в сентябре 1914 г. была видна недавно законченная величественная мечеть. Левее вырисовываются бастионы Петропавловской крепости. Но Ниязи Фахретдину в 1914 г. казематы и равелины крепости были не страшны. Турецких послов, пребывавших в Петербурге туда никогда не заточали, не в пример Кызкулеси, или Девичьей башни в Стамбуле, где томились годами русские послы в XVI, XVII и даже в конце XVIII в. Говорят, в одном из помещений Кызкулеси и сейчас читается процарапанное "Обресков" – имя одного из "великих послов" России.

Ниязи Фахретдин перевел взгляд на голубые изразцы джами – соборной мечети и вернулся к письмам из Вены. Посол просматривал письма старого друга, перед тем как уничтожить последние бумаги. На календаре посла значилось – 8 сентября 1914 г., и уже месяц как шла мировая война. Россия и Турция волею судьбы, а скорее – по воле Берлина и Вены, связавших Стамбул военным договором, должны были разорвать 35-летнее мирное добрососедство. Часть писем из Вены Ниязи Фахретдин-бей увозил с собой, часть приготовил к сожжению.

Но! Не все сгорело. Возможно, в начале сентября тяга в камине была слишком слабой – осень 1914 г. в Петербурге была поздняя, долго стояли теплые дни. Прислуга же в посольском особняке, та что низшего ранга – дворники, истопники, посудомойки, как и ныне водится, нанимались на месте, в данном случае в Петербурге. Не знаю точно, но не исключаю, что за кое-какие полуобгорелые, свернувшиеся

листочки с характерной ажурной вязью арабских букв усердная русская прислуга при турецком после получила "катеньку", да не одну. А эти бумаги попадали все в те же бережные и умелые руки, что столь аккуратно обращались с исходящей перепиской Ниязи Фахретдина. Так и оседли бумаги в упомянутом Архиве на миллионной в Петербурге<sup>2</sup>.

Раскроем те письма турецких послов, в которых они обменивались мнениями о расстановке сил на Балканах в канун и в начальный, т.е. до вступления Турции в военные действия, период войны 1914–1918 гг.

В качестве предварительных замечаний следует отметить некоторые краткие качественные характеристики турецкой армии в период первой мировой войны, чтобы более определенно представить ход мыслей турецких дипломатов. Замечу, что их письма цитируются или излагаются с предельным приближением к оригиналу. Итак, османская армия должна называться для периода 1914–1918 гг. именно так – османская, а не турецкая, поскольку процент этнических турок в армии не превышал 70% в начале войны. Целые дивизии комплектовались из арабов, курдов, исламизированной части населения Европейской Турции, наконец, балканских турок, причем подавляющая масса этих турок воспринимала как Родину не Малую Азию, а Балканы. Офицеры этих частей также были балканцами по рождению, связанными с Европейской Турцией имущественно и в большей степени – особенностями балканского менталитета. В понимании этих людей, а к ним относились и наши герои, сохранение за Османской империей Европейской Турции было равносильно сохранению самой империи. И наоборот.

Другое обстоятельство – это теснейшие связи политico-экономического и социо-культурного характера Европейской Турции с Австро-Венгрией /на протяжении столетий/ и с Германией /последние тридцать лет/. Причем связи эти были более тесными, чем с османской метрополией – Малой Азией. Соответственно формировался типаж офицера-балканца из турок или из местных мусульман, определялись их политические пристрастия. Достаточно сказать, что в 1914 г. прак-

тически все офицеры-балканцы от майора и выше прошли обучение или стажировку в Германии или Австро-Венгрии.

Опытный войсковой командир, с опытом балканских войн и тонкий дипломат по характеру, Хюсейн Хильми-паша одним из первых понял, что своего рода местничество в среде мусульман-балканцев их слишком большая, как он считал, заинтересованность в судьбе своих христианских земляков в Европейской Турции может иметь нежелательные последствия для османского центра. Мусульманско-христианские Балканы, как он полагал, могут для этих людей стать более притягательной и реальной перспективой, чем Великий Туран - прародина тюрок, вослевавшаяся младотурками. Отсюда следовал его совет-рекомендация другу и коллеге в Петербург, подумать, как обеспечить наиболее действенным способом "азиатизацию" политики Стамбула. Примечательно, что полковник Демирхан Пертев, служивший одно время адъютантом известного германского "реформатора турецкой армии" К. фон дер Гольца, писал, что Берлин настойчиво рекомендовал Стамбулу через прогермански настроенных офицеров /и, вероятно, посла Хильми-пашу/ ориентироваться не на Балканы, а на Арабский Восток, Среднюю Азию, Кавказ<sup>3</sup>.

Особенно негодовал Хильми-паша на лозунги: "Армению - армянам", "арабские земли - арабам", "Балканы - балканским народам", которые звучали на всей территории Османской империи. Его негодование по этому поводу сопровождалось деликатными замечаниями: такие идеи опасны и для Российской империи. Не считали ли послы в Вене и Петербурге, что их обмен мнениями не бесполезно знать российскому МИДу? Не была ли преднамеренной некоторая небрежность в обращении с письмами у двух кадровых военных и опытных дипломатов. Кто знает...

Отдельная группа писем из Вены была посвящена итогам балканских войн. Опуская ряд конкретных подробностей, обратим внимание на проблему беженцев в трактовке умного и тонкого наблюдателя. Турецкий посол в Вене, вероятно, одним из первых среди современников отметил, что в отноше-

ях Турции и молодых балканских государств, силой оружия утвердивших или доказавших свое право на свой особый курс в международных отношениях 1913–1914 гг., возник грозный призрак грядущих конфликтов. Это была проблема балканских турок, бежавших из Европейской Турции в Малую Азию, где их совсем не ждали. Они были исполнены отчаяния и ненависти, писал Хюсейн Хильми-паша. Они опасны, ибо могут стать орудием в руках любого, кто пообещает им вернуть земли на Балканах. Турецкие беженцы, как писал посол, – это символ и провозвестник крушения самой Турецкой империи. Он был настоящим провидцем, этот вальяжный паша, с неизменными агатовыми четками на запястье. Он предупреждал своего петербургского корреспондента /и только ли его, а может быть, и безымянных специалистов с Дворцовой, дом 6/, что те из противников Турции, которые уловали бы на балканских беженцев в политических расчетах, посеяли бы смуту в своей стране и в сопредельных странах тоже. Турецкие беженцы – это часть национального горя, справедливо считал Хюсейн Хильми-паша. "Однако, если появятся на дорогах Европы и России миллионы славянских беженцев, то "рухнут многие кабинеты". Нет, право, – заканчивал он, – нельзя воевать на Балканах. Нельзя".

И последнее. Так и тянет написать – из серии доверительных соображений для русских коллег-противников. Дело в том, что принято относить инициативу младотурецкого лидера Энвер-паши по заключению русско-турецкого военного союза к 7–9 августа 1914 г.<sup>4</sup> Эта инициатива была отвергнута недальновидными деятелями николаевской дипломатии и военных кругов России. А ведь могла бы принципиально измениться расстановка сил в первой мировой войне! Письма Хюсейн-паши еще в июне 1914 г., т.е. задолго до сарajevskого убийства, содержали предположение /или, может быть, предложение?/ о Юго-Восточном блоке. В основу должен был быть положен союз России, Турции и славянских стран Балканского полуострова с возможностью присоединения к нему любого другого государства. Нацеленный против вторжения Ав-

стро-Венгрии на Балканы, такой блок, сроком действия не менее 10 лет, предотвратил бы, по мнению турецкого посла в Вене, пожар на Балканах, который может уничтожить, считал он, сразу три империи – Османскую, Дунайскую и ... Российскую. Трудно вообразить, что подобный план был поведен другу в Петербурге просто так, для упражнений праздного ума.

Увы, Ниязи Фахретдин-бей не сумел или не смог заинтересовать своих корреспондентов с Дворцовой, в перспективой союза России и балканских держав. Но, право, читатель, каковы прогнозы?

Мысль Хюсейна Хильми-паши о том, что нынешняя /в 1914 г./ политика младотурецкого руководства воспитывает среди мусульман ненависть к христианам и тем предельно пагубна, нашла живой отклик у Ниязи Фахретдина. Последний разделял взгляд своего венского коллеги на то, что младотурецкий Комитет явно ведет дело к новому конфликту. Тем, например, что "засыает в отошедшие к Болгарии области своих эмиссаров, а те всячески побуждают местных мусульман не принимать болгарского правления"<sup>5</sup>. Обоих послов очевидным образом раздражала близорукость официального Стамбула в вопросе о балканских союзниках. Оба они, как следует из их переписки, исходили из принципиальной возможности союза России и Турции для предотвращения "большой войны на Балканах". Они принадлежали к тому крылу в правительственные и дипломатических кругах Османской империи, которое в 1914-1917 гг. усиленно искало возможность выхода из войны путем сепаратного мира с Россией /или с другим членом Антанты/. Об этом мы расскажем в готовящемся к изданию очередном томе "Международные отношения на Балканах в эпоху первой мировой войны".

Но и Хюсейн Хильми-паша и Ниязи Фахретдин-бей при всей широте взглядов и лично мирных устремлений, что, согласитесь, читатель, очень важно для послов, оставались, естественно, в плена служебного долга. Фахретдин-бей сообщал в августе 1914 года в Вену, что русский министр ино-

странных дел С.Д.Сазонов также озабочен созданием Балканского союза при участии Турции и Болгарии. Камнем преткновения явилась судьба Черноморских проливов, решающее слово в ее определении хотел играть Стамбул. И второе обстоятельство вырисовывается из посланий Фахретдин-бэя. При полном взаимопонимании с русскими дипломатами относительно того, что мир на Балканах достижен только путем взаимного согласия всех сторон, т.е. России, Турции и балканских стран, собеседники принципиально расходились /а я склонен думать, что идеи Балканского союза по-сазоновски и Юго-Восточного блока по-турецки Фахретдин-бей все же обсуждал в Петербурге/, как только возникали проблемы территориальных компенсаций для Турции за счет соседей, либо отдельным членам потенциального союза за счет друг друга. Воистину – предостережение нам, живущим. Узкие рамки статьи не позволяют показать все попытки как Турции, так и ее соседей взаимно отрезать кусочек от "чужого на-деля", но переписка турецких послов в Вене и Петербурге волиет – о камень переделов границ разбились многие благие мирные намерения.

Из писем Фахретдин-бэя можно извлечь массу интересных деталей, как о политике России в отношении Балкан, так и о позиции Стамбула. Например, выясняется, что у младотурецкого Комитета было настроение вести вплоть до середины 1920-х годов выжидательную политику, активизировать ее в 1930-х годах, а к концу 1940 – началу 1950-х годов занять прочное, лидирующее положение среди балканских и ближневосточных стран. Они немного ошиблись, но ведь в 1992 г. Турция оказывает гуманную помощь и России, и, отчасти, Болгарии, явно поддерживает независимую позицию нынешнего македонского руководства, сыграла важную роль в войне в Персидском заливе, ведет активные переговоры с Азербайджаном и республиками Средней Азии о тесных политических и экономических контактах.

Тогда, в конце лета – в начале осени 1914 г. Фахретдин-бей писал: "Я не раз зондировал русских, не считают ли на

Певческом мосту /где в Петербурге был расположен МИД/ турок более удобными и менее капризными союзниками, чем тех, с кем связывают Россию скорее исторические реминисценции, чем политические и военные реалии XX в.?". И сам отвечал: "Русские не доверяют болгарам, к румынам их доверие сильно поубавилось, как, впрочем, и к грекам... Нам, туркам, они сейчас верят менее всего"<sup>6</sup>. Тут, видимо, Фахретдин-бей глубоко вздохнул, перо дрогнуло в крепкой смуглой руке, привычной к поводьям – посол упорно пользовался в Петербурге для личных выездов изумительным аргамаком, демонстративно пренебрегал новехоньким "Руссо-Балтом". Бумага письма чуть прорвалась, появилось небольшое чернильное пятно, аккуратно присыпанное тончайшим песком с золотыми блестками.

Фахретдин-бей с полным основанием полагал, что в надвигавшейся войне Османская империя будет проигравшей стороной при любом исходе мировой войны. "Победа русских повлечет за собой в будущем разрешение вопроса о проливах и предъявление некоторых других требований". Взгляд посланника был постоянно прикован к балканским, сопредельным Турции землям. "Естественно, – писал он, – что после /тут он, видимо, долго выбирал слово – поднятое перо подсохло и на бумаге последовал сухой росчерк, затем обведенный с очевидным нажимом.– В.Ш./ умаления Австрии, русские станут хозяевами на Балканах".

Он призывал своего венского корреспондента и, пожалуй, свое стамбульское руководство крепко, как он выражался, призадуматься над опасностью окончательно утратить позиции на Балканах. "Если русские и победят /Ниязи Фахретдин-бей был очень турком и отнюдь не желал видеть традиционного противника в числе победителей. – В.Ш./, то между Россией и Англией, которые ныне случайно соединились против общего соперника – Германии, тотчас произойдет естественное охлаждение". В итоге нового этапа соперничества Англии и России неизбежно и очень серьезно пострадает Турция. Фахретдин-бей был патриотом и трезвым

политиком. "Если верх возьмет Германия, - рассматривал он второй вариант исхода войны, - то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет, после того как захватят в свои руки все правление".

Он очень хорошо знал ситуацию, этот элегантный подтянутый красавец-турок, победитель шутливого конкурса петербургских дам на самые красивые мужские усы. Кто из послов имел формуляр в Императорской Публичной Библиотеке? Фахретдин-бей имел. Не там ли, из газет или от конфидента в Вене, он знал, что кайзер называл Сазонова и одного из лидеров младотурок Талат-пашу, "посмевших" встретиться в Ливадии летом 1914 г., "двумя восточными негодиями", а младотурок - "изолгавшимися, ненадежными, чванливыми и продажными. Известен был и разнесен прессой в мае 1914 г. "окончательный приговор" Вильгельма II: "Турцию нельзя более спасти. Она теперь ничего не стоит. Она может попасть в руки Антанты, иначе говоря, развалиться на куски".

Фахретдин-бей заметно волновался. Ажурная вязь арабского письма стала стремительно закручиваться книзу, почти сливающаяся изящным узором в стремительном полете мысли. "Необдуманное выступление может оказаться /пропуск в тексте в пол строки. - В.Ш./ гибельным для государства. И снова точка, четкая и определенная как след от пули. "...Что делать?" - спрашивал себя посланник. "Надлежит принять необходимые меры и провести частичную мобилизацию, сохраняя при этом нейтралитет. В зависимости от обстоятельства, который примет война, быть готовым ко всякой случайности и выступить при удобном случае".

Тихо в посольском особняке. Губернский продовольственный комитет займет его через четыре года, в феврале 1918 г., затем особняк станет складом, долго будет пустовать, разрушаться ...

Печальным прощанием Османской империи с империей Российской прозвучала заключительная фраза Ниязи Фахретдин-бея: "Сазонов сказал мне на днях: если вы начнете вой-

ну против России, Россия вам этого никогда не простит. Я лично верил Вам, господин посол, верил в турецкий нейтралитет и вел политику в соответствии с этим. Но теперь, — заключил Сазонов, — я нисколько этому не верю... Вот и все, мой досточтимый паша. Совсем все. Я в скором времени буду иметь честь увидеться с Вами". Легкий росчерк подписи завершал письмо. Песок с золотыми блестками снова лег на плотную, по-старинному свернутую бумагу.

Хильми-паша так и не получил последнее письмо из Петербурга. Оно прошло через умелые руки офицеров отдела дешифровки с Дворцовой, 6. Приобрели первозданный вид печати на конверте, был сделан точный перевод. Однако письмо задержалось при отправке адресату. Прошло три года. В ноябре 1917 г. балтийские матросы Николая Маркина, разбирающие документы российского МИДа, видимо, с недоумением взглянули на загадочную для них вязь арабского шрифта на письме Ниязи Фахретдина, не стали читать дешифровку, и серия писем не вошла в известную публикацию мидовских материалов, осуществленную большевиками в 1917 г. Прошли годы. Через 76 лет тихого покоя в недрах Архива на Миллионной улице послания неравнодушных к судьбам своего отечества турецких офицеров-дипломатов попали к нам и послужили началом увлекательнейшего путешествия в тайны разведки и дипломатии времен первой мировой войны.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. О нем см.: Шеремет В.И. Забытый резидент //Северный вестник, Л. 1991. № 3-4.

2. Центральный государственный Архив ВМФ. Ф. Морской Генеральный Штаб. Иностранная статистика: Турецкий стол, Балканский стол. Д. 2933 "Донесения в.-м. агента в Турции", Д. 2933. Переписка с в.-м. агентом 1914-1916 гг.; Д. 4218-4225. Балко-турецкие отношения. Турецкая дипломатия о нейтралитете; Д. 4250/4258 включают переписку турецких дипломатических представителей в Берлине, Вене, Риме, Бухаресте. 03. 02. 1913 г. - 31. 10. 1914 г.

3. Demirhan Pertev. Das Lebensbild eines großen Soldaten. /Göttingen/. 1960.

4. Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы первой мировой войны. М., 1966 . С. 35-36.

5. Шеремет В.И. Последняя делеша турецкого посла // Северный Вестник. Л., 1991. № 2.

6. Там же.

Ю.А.ПИСАРЕВ

## ЗАГАДКИ САЛОНИКСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА /1917 г./

### Причины суда

На рассвете 26 /13/ июня 1917 г. в овраге на окраине г. Салоники по приговору сербского военного трибунала были расстреляны руководители тайного общества "Объединение или смерть" /"Черная рука"/ полковник Драгутин Димитриевич-Апис и два его соратника - майор артиллерии Любомир Вулович и австрийский подданный, доброволец сербской армии Раде Малобабич, обвиненные в антигосударственном заговоре и в организации покушения на принца-регента Сербии Александра Карагеоргиевича. Казнь была осуществлена с неслыханной жестокостью. Подсудимые, подавшие прошение о помиловании, более часа стояли перед открытой могилой в ожидании ответа от регента, которого так и не последовало. Затем их заставили лечь с завязанными глазами в заранее подготовленные гробы и расстреляли. Военные жандармы каждого убивали по очереди. Димитриевича расстреляли последним; истекавшего кровью его три раза добивали уже в могиле.

Обвиняемые не признали себя виновными. "Я умираю невиновным, - заявил Димитриевич. - Да здравствует Сербия!"<sup>1</sup>.

Только через 36 лет после этого драматического события был дан ответ на вопрос о виновности подсудимых. В 1953 г. Верховный суд Народной Республики Сербии после тщательного рассмотрения дела кассировал приговор Салоникского военного трибунала, реабилитировав всех обвиняемых. Однако и этот суд так до конца не выяснил всех обстоятельств

Салоникского процесса. Они до сих пор вызывают споры в литературе, а некоторые важные детали этого судилища все еще остаются неразгаданными.

### Тайна ареста

Для сербской и мировой общественности загадкой номер один остался сам процесс. Почему на скамью подсудимых были брошены как те люди, которые не только не участвовали в инкриминируемых им преступлениях против сербского государства, но, напротив, были пламенными патриотами, боровшимися за создание сильной Сербии и за объединение вокруг нее остальных югославянских территорий? Димитриевич заявил, стоя на краю могилы: "Пусть Сербия будет счастлива и пусть исполнится наш святой завет - объединение всех сербов и югославян - тогда и после своей смерти я буду счастлив, а боль, которую я ощущаю от того, что должен погибнуть от сербской винтовки, будет мне легка в убеждении, что она приставлена к моей груди ради добра Сербии и сербского народа, которому я посвятил всю свою жизнь"<sup>2</sup>.

Кому был выгоден этот процесс?

В исторической литературе высказывались различные предположения о причинах салоникской расправы. Одни историки /Б.Храбак/<sup>3</sup> утверждали, что главным поводом для казни Аписа и его друзей было стремление правительства оздоровить предреволюционную атмосферу в сербской армии. Димитриевич и "Черная рука", заявляли они, разлагали вооруженные силы страны и вследствие этого их действия представляли опасность для регента и главы правительства и сербского государства.

Так ли это?

Организация "Черная рука" действительно фрондировала против слабых правителей Сербии - принца-регента Александра, которого ее члены презрительно называли "маленьkim или ничтожным царьком", и председателя совета министров Н.Пашича, которого за его политические интриги они прозвали "Иудой", но это не означало, что "черноруковцы" были противниками сербского королевства и участвовали в антиго-

сударственной деятельности. Напротив, они стояли за укрепление режима, считая, что лучшим выходом для Сербии является установление военной диктатуры. Почти все члены офицерского союза были монархистами, а ее руководитель полковник Димитриевич готов был на известных условиях сотрудничать с принцем-регентом. Он являлся противником народной революции, и у нас нет оснований обвинять его в революционных настроениях.

Весьма сомнительна и другая версия югославских историков о том, что причиной расправы с "Черной рукой" явилось стремление правительства переложить на нее ответственность за убийство в Сараеве 28 июня 1914 г. австрийского престолонаследника Франца Фердинанда. Покойный научный сотрудник Исторического института в Белграде М. Живанович<sup>4</sup> утверждал, что между Австро-Венгрией и Сербией в конце 1916 г. начались секретные переговоры о мире и что правительство Пашича, пытаясь оправдаться в глазах Вены, решило обвинить в организации сараевского заговора Димитриевича и его группу. Подобные утверждения далеки от истины. Во-первых, мирный зондаж велся Австро-Венгрией /а не Сербией!/ не в конце 1916 г., а позже, в 1917 г., и, во-вторых, сербскому правительству было хорошо известно, что "Черная рука" не принимала непосредственного участия в упомянутом заговоре. Само сербское правительство еще в ответе на австро-венгерский ультиматум Сербии от 23 июля 1914 г. доказало неправомерность таких обвинений. Таким образом, ни одна из названных версий не может служить обоснованием причин расправы с "Черной рукой".

По нашему мнению, они состояли в другом. Для Пашича и регента Александра борьба против Димитриевича и его организации имела принципиальное значение. Пашич – сторонник буржуазно-конституционного строя, считал неприемлемым само существование военной оппозиции, игравшей роль преторианской гвардии и вмешивавшейся в государственные дела. В октябре 1917 г., т.е. уже после ликвидации организаций "Черная рука", Н. Пашич, обосновывая решение Салоникского суда, заявил: "Черная рука" хотела влиять на государст-

венную политику, считая, что последняя должна быть такой, как она думает. А мы – парламентарное государство. Мы сами знаем, как вести политику. Страной управляет король, правительство и скупщина. Мы не можем позволить, чтобы офицерский мундир влиял на политику. Этого не позволяют нигде в мире. Армия должна строиться на послушании<sup>5</sup>.

Для регента Александра борьба с Димитриевичем и его организацией имела, кроме того, личный характер. Болезненно честолюбивый престолонаследник не мог спокойно переносить соперничество более популярного в армии лидера этой организации, которого многие офицеры называли "подлинным королем". Авторитет Димитриевича среди офицерства был так велик, что верховный командующий сербской армией Александр Карагеоргиевич действительно опасался военного переворота. Тому были уже примеры. В мае 1903 г. Димитриевич и группа офицеров-заговорщиков убили короля Александра Обреновича и его супругу королеву Драгу, посадив на престол Петра I Карагеоргиевича; и с тех пор практически управляли страной. Димитриевич-Апис, оказав в 1909 г. поддержку принцу Александру, добился отречения в его пользу от права на престолонаследие старшего сына короля Петра – Георгия. Он оказывал принцу Александру и другие услуги, в том числе и при назначении его регентом королевства. Вместо благодарности завистливый Александр люто возненавидел Димитриевича. Став регентом, он отстранил полковника от должности начальника осведомительного отдела Генерального штаба и ждал лишь момента для окончательной расправы с ним. Такой случай представился в сентябре 1916 г., когда регент случайно был обстрелян неизвестными лицами на фронте. Это событие полно загадок. Военной полиции так и не удалось обнаружить "террористов". Не исключено, что и само "покушение" было организовано полицией. На Салоникском суде не была установлена его дата: по одним сведениям автомобиль регента был обстрелян 11 сентября по новому стилю, по другим данным – 12 сентября по старому стилю. Ни одного из членов организации "Черная рука" в то время на этом участке фронта не было, тем не менее она была обвинена в

заговоре на жизнь регента. В декабре того же года Димитриевич и 42 члена организации были брошены в тюрьму.

Весьма загадочный характер носил и сам арест членов офицерского общества. Хотя правительство объявило войну всему обществу, далеко не все его члены были преданы суду. Оказались на свободе те из них, кто сотрудничал с регентом. Позже они сделали бешеную карьеру. Так, полковник Милутин Недич, брат печально знаменитого Милана Недича, того самого, кто при Гитлере возглавлял сербское правительство, стал армейским генералом, военным и морским министром Югославии; полковник Панта Драшкич – канцлером отдела орденов короля Александра; Ранко Трифунович – заместителем министра иностранных дел; Коста Туцакович – управляющим г. Белграда. Все они во время Салоникского процесса предали Димитриевича, дав ложные показания<sup>6</sup>. Много кривотолков вызвала организация суда.

#### Загадки судебного процесса

Он длился с 20 марта по 8 июня 1917 г. Сначала дело слушалось военным судом первой инстанции – Судом для офицеров, затем /с 25 мая по 5 июня/ – судом высшей инстанции – Верховным военным судом.

Оба состава суда были подобраны военным министром генералом Божидаром Терзичем и министром внутренних дел Любомиром Йовановичем по согласованию с регентом Александром. Председателем суда первой инстанции был назначен полковник Петар Мишич, член придворной офицерской клики "Белая рука". Он снискал себе печальную славу человека без моральных устоев. В 1903 г. Мишич принимал участие в убийстве короля Александра Обреновича, в королевской Югославии служил начальником корпуса жандармов, проявляя неслыханную жестокость к политическим заключенным. В качестве судьи Верховного военного трибунала подвизался и другой "белоруковац" – Иосиф Костић, отличавшийся крайней беспринципностью; в годы второй мировой войны он сотрудничал с гитлеровцами<sup>7</sup>.

Судебный процесс был грубым фарсом: суд использовал показания лжесвидетелей и сомнительные материалы обвинения, а когда один из судей Б.Гатанович, вникнув в дело, заявил, что он "не хочет быть убийцей невинных людей", ему пригрозили расправой и уволили на пенсию.<sup>8</sup>

Подсудимые были лишены права на защиту, на суд не были допущены представители прессы, он велся в глубокой тайне, к обвиняемым применялись недозволенные методы принуждения вплоть до пыток /под пытками оговорил себя Раде Малобабич/. Процесс вызвал возмущение мировой общественности. Временное правительство России и правительство Франции выразили свое осуждение действий сербской военной юстиции.

В телеграмме министра иностранных дел России И.Н.Терещенко временному поверенному в делах Б.П.Пелехину от 30 /I7/ мая 1917 г. говорилось: "Побуждаемые искренним желанием предотвратить все то, что может подорвать у нас симпатии к сербскому народу и ослабить соединяющие нас политические узы, мы позволяем себе обратить на это внимание сербского правительства и высказать мнение о желательности прекращения указанного дела".<sup>9</sup>

В телеграмме Пелехину от 18 июня Терещенко еще более резко поставил вопрос: "Прошу Вас передать Пашичу, что мы придаем чрезвычайно важное значение смягчению участия осужденных офицеров".<sup>10</sup> В другой телеграмме /от 17 июня/ министр заявил, что от решения этого вопроса зависит "союзничество России с Сербией" и "самым категорическим образом" потребовал пересмотра приговора суда.<sup>11</sup>

Французское правительство со своей стороны "обратило внимание Пашича на необходимость действовать в этом деле с крайней осторожностью".<sup>12</sup>

Группа офицеров- "черноруковцев", находившихся в России, назвала Салоникский судебный процесс "мерзкой аферой"<sup>13</sup>, а 7 июля того же года сербский публицист Светолик Якшич в интервью газете "Цюрихер Цайтунг" заклеймил регента Александра и Пашича как политических убийц.<sup>14</sup>

Тем не менее сербское правительство, пренебрегая общественным мнением и советами союзников, приняло решение о

казни руководителей "Черной руки" и распуске этой организации.

Почему же оно решилось на этот шаг?

Еще одна историческая загадка: приговор Салоникского суда. Н.Пашич, отвечая на телеграмму М.И.Терещенко, писал: что правительство обладает неоспоримыми доказательствами виновности подсудимых, Б.П.Пелехин, извещая об этом министра, писал 10 июня /28 мая/ 1917 г., что сербское правительство "разошлет сообщение о процессе и тогда все здравомыслящие люди убедятся в преступности заговорщиков, стремившихся уничтожить конституцию и ввести военную олигархию"<sup>15</sup>.

О том, что у правительства будто бы имелся доказательный материал виновности подсудимых, сообщил также представитель сербского министерства иностранных дел Момчило Ниничич адвокату Лазо Поповичу, уведомив его о том, что эти "бесспорные", как он сказал, данные адвокат может найти в сборнике судебных протоколов под названием "Тайная подрывная организация", опубликованном в Салониках в 1918 г.<sup>16</sup>

Запись этой беседы, состоявшейся 8 ноября, представляет интерес и ниже публикуется полностью. Л.Попович: "Бога ради, скажите мне правду о Салоникском деле. Что было?" М.Ниничич: "Прошу Вас иметь в виду, что дело совсем в порядке. Было подготовлено покушение /на принца-регента Александра.- Ю.П./, Апис и его товарищи замазаны в крови и казнены. Не беспокойтесь, поступили по-европейски, а не по-азиатски. Прекрасно, что этот вопрос Вас занимает - мы это предвидели и все данные объективно и точно собрали в одну книгу, толстую, большую книгу - ту, что лежит на столе. Возьмите ее: все в ней истина и только истина. Прочтайте и успокойтесь, успокойте и других".<sup>17</sup>

Однако крайне любопытно, что эта книга, в которой, по словам М.Ниничча, "все было истиной", просуществовала всего несколько месяцев - изданная в 1918 г. она тут же была изъята цензурой. В чем же дело? Может быть не так уж достоверными оказались опубликованные в ней материалы?

К этому выводу невольно можно прийти, ознакомившись с позицией, занятой сербским правительством после расстрела подсудимых.

27 июня, т.е. на следующий день после казни, глава правительства Паич разослал секретную инструкцию своим представителям за границей, в которой запрещалось приводить какие-либо подробности о Салоникском судебном процессе. "Министерский совет, - говорилось в документе, - не находит возможным давать общественности объяснения об этих отягчающих обстоятельствах"<sup>18</sup>. Ту же линию королевское правительство проводило и позже, окружив историю Салоникского судебного процесса глубокой тайной.

Секретный рапорт полковника Димитриевича - еще одна загадка Салоникского процесса

Самой большой загадкой Салоникского суда является самообвинение руководителя "Черной руки" полковника Драгутина Димитриевича-Аписа, сделанное им в письменном показании председателю военного трибунала П. Миличу 23 марта 1917 г., которое получило позже название "Секретного рапорта подсудимого Димитриевича". В этом документе полковник Апис взял на себя всю ответственность за заговор на жизнь австрийского престолонаследника Франца Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 г. "Главные участники покушения, - писал он, - находились на моей службе и исполняли мои указания"<sup>19</sup>.

Не приходится сомневаться в подлинности этого документа: тщательная судебная экспертиза подтвердила аутентичность подписи Димитриевича. В то же время очевидно и то, что этот документ не отражал существа дела: убийцы эрцгерцога-младобосанцы не были на службе у Димитриевича и не получали от него никаких указаний. Состоявшийся в октябре 1914 г. в г. Сараеве австрийский суд полностью доказал виновность организации "Млада Босна" в подготовке заговора и, напротив, не нашел компрометирующих материалов по адресу "Черной руки". Сербское правительство в свою очередь ни разу не выдвигало ни одного обвинения

против Димитриевича в этом деле, неизменно отклоняя любое подозрение Австро-Венгрии о соучастии в покушении какого-либо сербского общества. Таким образом, "Секретный рапорт Димитриевича" был историческим нонсенсом и в случае доказанности судом правильности этого документа мог лишь навредить и самому Алису и сербскому правительству. Именно так восприняли вначале заявление подсудимого в военном трибунале. Председатель суда П.Милич и судьи полковник М.Филипович и подполковник Й.Йованович отказались приобщить его к делу в качестве обвинительного материала. Они поставили на документе собственноручную подпись: "Пригоден только для истории"<sup>20</sup>.

Однако прошло немного времени, и все изменилось: "Секретный рапорт полковника Димитриевича" сыграл в судьбе его составителя роковую роль: именно этот документ оказался главным в обвинительном заключении суда. "Документ-убийца" - так окрестили его современники.

Что же произошло? Почему Димитриевич оговорил себя? Кто спровоцировал его на этот необдуманный шаг? Кому это было на-руку? Десятки недоуменных вопросов можно задать по этому поводу и все они ведут к раскрытию жуткой тайны: к установлению причин преднамеренного убийства.

Начнем с того, что Димитриевич, составляя этот документ, был глубоко уверен в том, что его "самопризнание" поможет реабилитации обвиняемых в государственной измене. В этом его сумел уверить эмиссар регента Александра полковник Петар Живкович, посетивший Димитриевича в его тюремной камере на острове Улис. Живкович, выполняя поручение регента, убедил Алиса в том, что в случае передачи в суд этого заявления, полковник окажет государству "неоценимую помощь" и будет помилован. О том же с Димитриевичем говорил и секретарь регента, бывший сербский посланник в Париже Живоин Балугжич и представитель военного министра генерала Божидара Терзича /его фамилия осталась неизвестной/<sup>21</sup>.

Перед самым расстрелом Димитриевич отказался от этого

документа, попросив суд изъять рапорт, он признался в своей роковой ошибке и начальнику тюрьмы капитану Милану Стойковичу, но было уже поздно: повторное заявление подсудимого судом не было принято во внимание<sup>22</sup>.

Весьма примечательно и то, что этот важный документ был запрятан в личный сейф регента и, судя по всему, не был показан членам кабинета. Во всяком случае, о точном содержании "Секретного рапорта полковника Димитриевича" не мог рассказать ни один член правительства – все они поверили на слово регенту и, возможно, Пашичу, но никто не видел документа в глаза.

Об этом говорит ряд фактов. Так, например, заместитель председателя Совета министров Сербии Стоян Протич не смог ответить в 1918 г. на прямой вопрос английского историка Роберта Вильяма Ситон-Уотсона о причинах казни Димитриевича. Протич отделался самым общим заявлением о том, что "существует писанный документ, который сделал невозможным помилование Димитриевича"<sup>23</sup>.

В 1922 г. Протич, говоря о причинах приговора к смертной казни подсудимых, снова сослался на "Секретный рапорт полковника Димитриевича-Алиса". "Что касается самого Димитриевича, то можно сказать следующее, – заявил он в интервью газете "Радикал". – Покойный Димитриевич признался на суде, что он был организатором покушения в Сараеве и тем самым дал Австрии повод объявить нам войну"<sup>24</sup>. Эта констатация была неточной: Димитриевич не только не признал этот факт на суде, но и опроверг свое первоначальное заявление. "Секретный рапорт" не был привлечен к делу – этот документ не фигурировал на суде: он находился на руках у регента Александра. Военный трибунал, таким образом, вынес смертный приговор на основе одного указания главы государства. Такова тайна Салоникского процесса. Мустафа Голубич /псевдоним Н.Ненадович/, близко знавший членов организации "Черная рука", в статье "Тайна белградской камарильи", опубликованной в 1924 г. в прогрессивной австрийской газете "Балканская федерация", писал с полным основанием, что действия Салоникского военного три-

бунала были спланированы регентом и белградской камарильей<sup>25</sup>. Хорватский адвокат, член эмигрантского Юго-славенского комитета в Лондоне Хинко Хинкович охарактеризовал салоникское судилище как проявление "балканского варварства". Сербское правительство, организовавшее это судилище, не добилось осуществления поставленных целей - стабилизации режима, наоборот процесс вызвал лишь возмущение в армии и среди общественности. "Смертные приговоры волнуют сербские военные круги и могут ... иметь опасные для династии последствия", - констатировал 28 июня 1917 г. через день после приведения приговора в исполнение генеральный консул России в Афинах Каль<sup>26</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нешковић Б. Истина о солунском процессу. Београд, 1956. С. 283.
2. Там же.
3. Храбак Б. Делатност припадника организације "Уједињење или смрт" за време првог светског рата. Краљево, 1973. С. I-15.
4. Живановић М. Солунски процес 1917 године. Београд, 1955.
5. Споменица Николе П. Пашића. 1845-1925. Београд, 1926. С. 721.
6. Архив Института за међународну политику и поль опри-вреду. Београд. Ф. 23. Л. II-14.
7. Там же.
8. Живановић М. Указ. соч. С. I37-I39.
9. ЦГВИА СССР. Ф. 200. Оп. I. Д. 7420. Л. 7; М.И.Терещенко - Б.П.Пелехину Петроград, 30 /I7/ мая 1917 г. № 2235.
10. АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 683. Л. 24; М.И.Терещенко - Б.П.Пелехину, Петроград, I8. VI.1917 г. № 2774.
11. Там же. Л. 25: М.И.Терещенко - Б.П.Пелехину и А.Г. Севастопуло. Петроград. I7. VI.1917 г. № 2809.
12. Там же. Л. 28: А.Г.Севастопуло - М.И.Терещенко. Париж. С.УП /21.VI/ 1917 г. № 607.
13. АВПР. Ф. ПА. Д. 526Д. Л. 25. Письмо Божина Симича, Александра Срба и Бойслава Гойковича М.Л.Терещенко. Петро-град. 10.VI.1917 г.
14. Züricher Zeitung, 7. III. 1917.
15. АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 683. Л. 17; Б.П. Пелехин - М.И.Терещенко. Корфу. 10.VI /28.VI/ 1917 г. № 30.

16. Тајна превратна организација сапретреса у Војном суду за официре по белешкам војеним на самоме претресу. Солун, 1918.
17. Цит. по: Кризман Б. Мисија д-ра Лазе Поповића у Србији // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1967. Књ. 399. Св. 6. С. 582.
18. Нешковић Б. Указ. соч. С. 252.
19. Там же. С. 278-279.
20. Там же. С. 281-282.
21. Јивановић М. Пуковник Алис. Београд, 1954. С. 589.
22. Нешковић Б. Указ. соч. С. 293.
23. Српске Новине. 28. VIII. 1918 г. № 102.
24. Радикал. 25. III. 1922. № 135.
25. Nenadović N. Tajna beogradske kamarilje // La Federation Balkanique, I.XII. 1924.
26. АВПР. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 683. Л. 18-19; Каль - МИД. Салоники. 28. VI. 1917 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

И.С.Достян. Российская политика в Восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения .....	6
Н.А.Сотовов. Славянские аспекты Восточной политики России в эпоху Петра I и Екатерины II .....	15
А.С.Мильников. Дипломатический демарш России в защиту Черногории: Забытый эпизод из 1762г. ....	23
Н.А.Лучинина. Дубровницкая республика и Россия в последней трети XVIIв. ....	28
Йован Р.Бойович (Югославия). Россия и Черногория в конце XVII - начале XIXв. ....	39
В.П.Грачев. Россия и славяне балканских владений Османской империи на рубеже XVII-XIXвв. ....	48
Л.А.Мурашова. Новые документы АВПР о государственно-правовом развитии Черногории в конце XVII-начале XIXв. ....	58
А.П.Бажова. Россияне в восточной Адриатике в марте 1806 - сентябре 1807 г. ....	63
Е.П.Кудрявцева. Россия и Восточный вопрос в 30-х - 40-х годах XIXв. ....	77
В.Н.Виноградов. О личной ответственности императора Николая I за развязывание Крымской войны..	87
Л.Е.Горизонтов. Славянофильство и политика самодержавия в Польше в первой половине 60-х годов XIXв. ....	99
Е.К.Вяземская. К.Д.Петкович и русско-черногорские связи в 50-е - 60-е годы XIXв. ....	108
С.П.Цехмистренко. Греческий фактор во внешней политике России в период Восточного кризиса 1875-1878гг. ....	116
С.И.Данченко. "Русский фактор" в развитии сербской буржуазной государственности (1878-1903гг.) ....	123
А.Л.Шемякин. Никола Пашич и Россия (1883-1889гг.).	131
Ар.А.Улунян. Славяне, Россия и этнический элемент в греческой внешнеполитической доктрине (60-е годы XIXв. - 1918г.) ....	144
В.П.Меншиков. Болгарский вопрос в русско-греческих отношениях конца 80-х годов XIXв. ....	155
Н.И.Хитрова. Русско-черногорские политические отношения на рубеже XIX-XXвв. ....	171

М.А.Бирман. Звездный час П.Н.Милюкова – балканиста (П.Н.Милюков – член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912 – 1913гг.)	181
Л.В.Шатилова. Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913гг. и политика России .....	188
В.И.Шеремет. Балканы, Россия и Турция в канун первой мировой войны (по материалам переписки турецких послов в Петербурге и Вене) .....	200
Ю.А.Писарев. Загадки салоникского судебного процесса (1917г.) .....	211

Сборник подготовлен к печати  
в Редакционно-издательской группе ИСБ РАН

Редактор  
Н.В. Павлова

Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне:  
Политика и дипломатия. /Сб. материалов конференции, посвященной 90-летию С.А.Никитина/. – М., Институт славяноведения и балканстики РАН, 1992. 223 с.

Подписано в печать 30.09.92. Формат бумаги 60 x 90 <sup>1/16</sup>.  
Бумага офсетная. Усл. печ. л. II,7. Уч.-изд. л. II,2.  
Тираж 200 экз. Заказ 193 Цена договорная

Отпечатано на ротапринте ВНИИстатаинформа Госкомстата РФ

357

in slav